

ТАК ЖИЖ ТИБОР САМУЭЛИ

АНДРАШ ШИМОР

"ПРОГРЕСС"
МОСКВА

Андраш Шимор
Так жил Тибор Самуэли

SIMOR ANDRÁS

Így élt
Szamuely
Tibor

Móra könyvkiadó
1978

АНДРАЇШ ШИМОР

Так жил
ТИБОР
САМУЭЛИ

Москва
Прогресс
1981

**Перевод с венгерского
М. Д. Попова**

**Редактор
Т. Б. Жданова**

Редакция литературы по международным отношениям

© Simor András. 1978

© Перевод на русский язык, предисловие, примечания,
составление, иллюстрации издательство «Прогресс», 1981

III $\frac{10303-283}{006(01)-81}$ 33-81

0901010000

Предисловие к русскому изданию

Кадры хроникального кинематографа сохранили этот исторический эпизод: Ильич, чуть-чуть выбросив вперед руку с зажатой в ладони кепкой — с тем характерным ораторским жестом, который так ярко выражает поразительную экспрессию ленинской речи, — обращается к собравшимся на Красной площади рабочим и красноармейцам. Рядом с ним на импровизированной трибуне — кузове грузовика — худощавый, небольшого роста человек с крупными чертами лица и гладко зачесанными назад черными волосами, в кожаной куртке, которая была в то время, пожалуй, неизменным атрибутом комиссара, политработника Красной Армии. А перед ними — бойцы рабочих полков и коммунистических батальонов, красные курсанты, — участники состоявшегося 25 мая 1919 года на Красной площади парада, посвященного годовщине введения в Советской Республике всеобщего военного обучения.

— Я представляю вам венгерского товарища Тибора Самуэли, — говорил Ленин. — Да здравствует венгерский пролетариат! Да здравствует интернациональная коммунистическая революция!

Великий Ленин и преодолевший на аэроплане сотни километров, прорвавшийся в Москву сквозь огненное кольцо фронтов полномочный представитель Советской Венгрии Тибор Самуэли, стоящие рядом на параде поднявшегося на защиту революции вооруженного российского пролетариата... Этот факт как бы символизировал боевой союз и нерушимую дружбу двух первых советских республик, двух народов — советского и венгерского — в общей борьбе за социализм. Для собравшихся на Красной площади рабочих в простых ситцевых рубашках и гимнастерках, крепко сжимавших в своих руках винтовки, это было как бы наглядным, яр-

ким подтверждением их негасимой веры в интернациональную солидарность с ними пролетариата других стран, в грядущую победу мировой революции.

Каким он был — Тибор Самуэли, приславший в Москву, чтобы рассказать Ильичу об опыте первых двух месяцев существования Венгерской коммуны и договориться о координации действий двух пролетарских государств в общей борьбе против сил международного империализма?

Рыцарь революции, неустрашимый ее боец, всегда готовый пожертвовать ради нее всем, вплоть до собственной жизни, последовательный интернационалист, кристально чистый человек — таким предстает перед нами замечательный венгерский коммунист Тибор Самуэли со страниц книги, написанной известным венгерским писателем и переводчиком Андрашем Шимором. Автор в живой, популярной форме рассказывает о жизненном пути и революционной деятельности героя двух революций — российской и венгерской.

Большой фактический материал, собранный за многие годы Андрашем Шимором, позволил автору с достаточной полнотой раскрыть перед читателем яркий образ Т. Самуэли, сопроводить анализ политической деятельности революционера интересными подробностями и деталями его жизни, которые дополняют наше представление о нем.

При работе над книгой Андраш Шимор в определенной мере опирался на предшествовавшие его труду исторические работы, посвященные жизни и деятельности замечательного венгерского интернационалиста. Как известно, первую попытку осветить жизненный путь Т. Самуэли и его политическую деятельность сделал его боевой соратник и руководитель, один из создателей Коммунистической партии Венгрии Бела Кун во вступительном очерке к сборнику статей и выступлений революционера «Риадо» («Боевая тревога»), вышедшему в 1933 году на венгерском языке в Советском Союзе. Страстный по своей политической направленности против буржуазных фальсификаций облика Тибора Самуэли, очерк Бела Куна воссоздает яркий образ рыцаря революции и сохраняет большое значение до настоящего времени, что и предопределило его включение в издание данной книги.

Рассказ о жизненном пути своего героя Андраш Шимор начинает с показа тех условий, той исторической обстановки, в которой формировался и рос будущий виднейший деятель Венгерской коммуны. Буржуазные историки хортистской Венгрии и буржуазные фальсификаторы Запада пытались доказать, что выход на арену политической жизни Венгрии в конце 1918 — начале 1919 годов таких известных руководителей венгерского революционного пролетариата — коммунистов, как Бела Кун, Тибор Самуэли, Эрнё Пор, Йожеф Рабинович, Карой Вантуш, Эрнё Зайдлер и другие, явился исторической случайностью, якобы был результатом лишь внешнего влияния, что это явление не имело никаких корней в общественно-политической среде Венгрии, в венгерском рабочем движении. При помощи такого приема буржуазные историки хотели бы доказать, что ленинское учение, с основами которого познакомили венгерский пролетариат в первую очередь бывшие военнопленные венгерские интернационалисты — участники Октябрьской революции в России, не соответствовало условиям Венгрии, что все исторические события, связанные с применением этого учения в венгерской обстановке — создание Коммунистической партии Венгрии, образование и существование в течение 133 дней Венгерской Советской республики, — все это являлось будто бы каким-то отклонением от исторического пути венгерского народа и не имело никаких перспектив для своего развития.

Выбор революционного пути Тибором Самуэли, так же как и другими патриотами, впоследствии ставшими видными деятелями КПВ, был обусловлен глубокими социальными противоречиями в буржуазно-помещичьей Венгрии, которые охватили эту страну на рубеже XIX—XX веков. Эти общественные противоречия породили страстный протест против существующего строя, побудили искать выход в растущем рабочем, социалистическом движении.

Выходец из буржуазной семьи со средним достатком, наблюдавший жизнь венгерской провинции, хорошо знавший мещанский быт так называемых состоятельных людей Ньиредьхазы, Дьёра, Надьварада, лицемерие и алчность сильных мира сего, молодой Тибор Самуэли постепенно проникается сознанием несправедливости

общественных порядков, глубоко сочувствует всем униженным и оскорбленным. Венгрия конца XIX — начала XX столетия представляла собой ту огромную область лоскутной Австро-Венгерской монархии, где непримиримые капиталистические противоречия, достигшие особой остроты с вступлением в стадию империализма, сочетались с жесточайшими феодальными антагонизмами, с вопиющей бедностью и разорением широких масс крестьянства, господством в политической жизни класса земельной аристократии. «Четыре тысячи венгерских магнатов имеют свыше 1000 десятин каждый, а все — почти треть земли. Как видите, это уже недалеко до „матушки России“»¹, — писал в 1913 году В. И. Ленин, анализируя условия землепользования в Венгрии.

Сочетание различных видов экономического и политического гнета, бесправие широчайших народных масс, господство в общественной и духовной жизни такого обветшавшего рудимента феодализма, каким являлась владевшая огромными земельными богатствами церковь, — все это не могло не вызвать чувства протеста у молодого Самуэли, избравшего путь журналиста.

Молодой журналист постепенно переходил в своем творчестве ко все более глубокому анализу общественных явлений. Он начинает обличать несправедливость и произвол власть имущих, господство помещичьей аристократии и католической церкви, основанное на их огромных земельных владениях. Он не только рисует картину экономического угнетения рабочих и крестьян, но и показывает изуверскую систему унижения человеческого достоинства людей, при которой господствующие классы умышленно держат народ в темноте и опутывают его сетями религии. Тибор Самуэли описывает различные социальные группы господствующего класса: католическое духовенство, крупных землевладельцев, чиновничество и т. п. Опираясь цифрами и фактами, он обпародует огромные земельные и денежные богатства наиболее видных венгерских помещиков и феодальной аристократии, духовенства и политических деятелей. Еще больших высот у Тибора Самуэли достигает социально-экономический анализ общественных явлений в серии статей, написанных в 1912—1914 годах, в которых

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 378.

журналист смело срывает маску с отцов церкви, обличая этих крупнейших землевладельцев и угнетателей народа.

Но особенно знаменателен все более усиливающийся в довоенной публицистике Тибора Самуэли интерес к рабочему классу Венгрии, его жизни и борьбе против эксплуатации. Этот интерес не был случаен. Уже в 1910 году в Ньиредьхазе молодой журналист вступил в местную социал-демократическую организацию. С 1909 года Самуэли активно сотрудничает в главном печатном органе Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ) — газете «Непсава». Если в первых опубликованных статьях он разоблачал лишь отдельные случаи издевательств предпринимателей над рабочими, то в дальнейших публицистических выступлениях он бичует с помощью глубоких обобщений капиталистический способ производства, гонку вооружений, которую перед первой мировой войной лихорадочно усиливала габсбургская Австро-Венгрия, готовясь к мировой войне за передел мира.

Видя жестокую эксплуатацию рабочего класса, нищету и разорение широких слоев крестьянства, политическое бесправие народа, его культурную отсталость, намеренно поддерживавшуюся господствующими классами при помощи церкви, Тибор Самуэли фактически все ближе подходил к мысли о том, что радикально изменить положение народных масс можно лишь революционным путем.

Однако сформировавшееся у молодого Самуэли чувство стихийного протеста против существующего строя, против связанных с ним эксплуатации и общественной несправедливости еще не превратило его в сознательного революционера. Центристская, соглашательская позиция тогдашнего руководства венгерской социал-демократии отодвигала грядущий переход к социализму в отдаленное будущее. Главное внимание партии было сосредоточено на парламентской борьбе за всеобщее избирательное право, что, естественно, не могло способствовать формированию у молодого социал-демократа революционных взглядов.

Лишь последующий жизненный и политический опыт, приобретенный Тибором Самуэли в годы первой мировой войны и плена, влияние Октябрьской револю-

ции, очевидцем и участником которой он стал, изучению трудов В. И. Ленина сделали его последовательным революционером-марксистом, вывели его на единственно правильный путь — путь борца за дело пролетарской революции.

Через несколько месяцев после выстрела в Сараеве и разразившейся вскоре после него мировой войны 15 января 1915 года Тибор Самуэли был мобилизован в армию императора Франца Иосифа и направлен в школу вольноопределяющихся. Но журналист пробыл в этой школе недолго. За антивоенные высказывания он был вскоре отчислен и отправлен на фронт. А 14 мая 1915 года Тибор Самуэли попал в плен.

Лагерь военнопленных в Красноярске, Надеждинске, Соликамске... Сквозь колючую проволоку, через штыки часовых до военнопленных все чаще доносились отзвуки революционных боев российского пролетариата. Еще будучи в Надеждинске, Т. Самуэли установил связи с революционно настроенными русскими рабочими. Изучив русский язык, он жадно читает революционную литературу, большевистские издания, посещает митинги и рассказывает своим товарищам об услышанном. Победа Великой Октябрьской социалистической революции обусловила глубокий перелом в мировоззрении Тибора Самуэли и многих других военнопленных, оказавшихся в то время в России. Горячо сочувствовавший всем угнетенным, неутомимо искавший свой путь в жизни, венгерский социал-демократ находит в идеалах Великого Октября ту жизненную цель, ради которой стоит жить и бороться. В нем созрело решение служить делу социалистической революции, делу освобождения рабочего класса, трудового народа всех стран. Это было осознано им глубоко и бесспорно, идея освободительного пролетарского переворота овладела всеми его помыслами.

В книге Андраша Шимора подробно описывается начало революционной деятельности Тибора Самуэли среди венгерских военнопленных в Советской России, рассказывается о его работе в организации военнопленных-интернационалистов в Москве, а затем об участии его вместе с другими венгерскими революционерами в создании 24 марта 1918 года первой венгерской коммунистической организации — Венгерской группы РКП(б).

Будучи одним из руководящих деятелей группы, Т. Самуэли внес большой вклад в организацию выпуска ее печатного органа — газеты «Социалистический фронт». На страницах этой газеты, а также в советской печати появлялись статьи журналиста. Они свидетельствовали о том, что под могучим влиянием Октября, идей ленинизма Тибор Самуэли шел активно по пути изучения основных положений ленинского учения, опыта большевизма.

Ленинские мысли о международном значении Октябрьской революции, которая, прорвав цепь мирового империализма, указала путь пролетариям всех стран, открыла всемирно-историческую эпоху перехода человечества к социализму, оказали особое воздействие на формирование революционного мировоззрения венгерского интернационалиста. В одной из первых публикаций Т. Самуэли в советской печати, найденной автором настоящего предисловия в «Известиях Омского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», за 12 мая 1918 года, в статье, посвященной нарастанию волн революционного движения в Австро-Венгрии, он писал: «Все яснее и яснее становится... тот путь, который Российская революция указала пролетариату всего мира, путь социалистической революции, путь вооруженного восстания рабочих и крестьян против их эксплуататоров, путь борьбы угнетенных всех стран против всех угнетателей, борьба до конца, до социалистического переустройства общества».

Учение В. И. Ленина о социалистической революции, о диктатуре пролетариата, пролетарском интернационализме было путеводной нитью венгерского интернационалиста, который отдал все силы претворению в жизнь ленинских идей как в России, так и на своей родине — в Венгрии. Верный принципам пролетарской солидарности, Тибор Самуэли вместе с другими интернационалистами, находившимися в ту пору в Советской России, боролся и защищал молодую Республику Советов. Он писал: «От судьбы русской пролетарской революции зависит исход борьбы и нашего пролетариата, будущее Советского государства, построенного на диктатуре российского пролетариата, — это и наше будущее».

Внося свою лепту в революционную борьбу пролетариата своей родины, Самуэли в публицистических

статьях анализировал на основе ленинских, большевистских оценок тогдашнего этапа в развитии мирового революционного процесса освободительную борьбу рабочего класса, всех трудящихся страны и делал вывод о неизбежности пролетарской революции в Венгрии. Вместе с Бела Куном и другими венгерскими коммунистами Т. Самуэли оказал немалую помощь левому крылу отечественного рабочего, социалистического движения в усвоении венгерскими социалистами ленинских идей о пролетарской партии нового типа. Неутомимая работа среди бывших военнопленных венгров в России, революционная пропаганда на страницах газеты «Социалистический фронт», в многочисленных листовках и воззваниях, выступлениях — все это способствовало подготовке условий для создания Коммунистической партии Венгрии.

Но Тибор Самуэли был не только страстным революционным публицистом, он никогда не отрывал теорию от жизни, он всегда стремился претворить провозглашаемые им лозунги в жизнь. В книге Андраша Шимора ярко раскрывается неутомимая работа Т. Самуэли по созданию интернациональных отрядов Красной Армии, которые должны были оказать посильную помощь российскому пролетариату в отражении ударов контрреволюции. Сам Т. Самуэли с одним из таких отрядов летом 1918 года принял непосредственное участие в борьбе против белочехов и белогвардейцев под Казанью и после возвращения с фронта лично доложил В. И. Ленину о действиях интернационалистов.

Новый этап в революционной деятельности замечательного венгерского коммуниста начался с возвращения его на родину в январе 1919 года. Тибор Самуэли вместе с другими венгерскими революционерами — участниками Великого Октября много сделал для того, чтобы вооружить рабочий класс Венгрии опытом большевистской ленинской партии по подготовке и осуществлению социалистической революции. Эту работу венгерские революционеры мужественно вели в обстановке жестоких репрессий против коммунистов, осуществлявшихся буржуазными властями. После ареста Бела Куна и других руководителей компартии Т. Самуэли возглавил ее деятельность в условиях подполья, организовывал работу КПВ в массах, руководил редакцией газеты «Вёрёш уйшаг».

Провозглашение 21 марта 1919 года в Венгрии Советской республики означало историческую победу венгерского рабочего класса. С первых дней после победы социалистической революции Тибор Самуэли занимал в Советской Венгрии различные ответственные должности. На каком бы посту он ни находился, всюду его отличала высокая революционная сознательность, глубочайшая преданность делу освобождения пролетариата, готовность к самопожертвованию. С неутомимой энергией, преодолевая противодействие правых социал-демократов, коммунист боролся за претворение в жизнь ленинских идей о защите завоеваний революции, за создание армии нового типа, беспощадно подавлял контрреволюционные элементы.

Самуэли принимал непосредственное участие в руководстве военными действиями Венгерской Красной Армии, зачастую проявляя большую личную храбрость и самоотверженность. Он командовал группой войск, которая в результате стремительного контрнаступления в начале мая 1919 года отбросила части румынских интервентов в районе Тисы и освободила Абонь и Сольнок. Отважный венгерский коммунист шел впереди наступавших цепей бойцов. В короткие затишья между боевыми схватками Т. Самуэли беседовал с красноармейцами. В разъяснительной работе среди бойцов венгерской Красной армии ему немалую помощь оказывал политический опыт, приобретенный им во время пребывания в Советской России, во время его встреч с В. И. Лениным.

В самые критические моменты существования Венгерской коммуны Т. Самуэли проявлял большую выдержку, хладнокровие, готовность бороться до конца. Он занимал последовательную позицию, направленную на всемерную защиту завоеваний революции, решительно выступал против правых социал-демократов, ратовавших за отказ от диктатуры пролетариата. Самуэли призывал к мобилизации всех сил венгерского пролетариата на защиту власти Советов. «Победа или смерть» — эти слова были для Тибора Самуэли не просто лозунгом, а выражением его глубочайшей убежденности в справедливости великого дела освобождения рабочего класса.

Особое место в книге А. Шимора занимает рассказ о том, как Тибором Самуэли в мае 1919 года было достав-

лепо из Москвы знаменитое письмо В. И. Ленина «Привет венгерским рабочим». Ленинское послание содержало важнейшие советы венгерским революционерам по вопросам укрепления диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, борьбы против сил контрреволюции. В. И. Ленин указал на главную задачу, стоявшую в то время перед венгерскими коммунистами, — очищение партии венгерского пролетариата от колеблющихся, неустойчивых или прямо враждебных представителей бывшей правой социал-демократии. Вождь пролетариата призвал венгерский рабочий класс приложить все силы для защиты завоеваний революции.

Немало страниц книги посвящено боевому союзу в 1919 году двух первых пролетарских государств — Советской России и Советской Венгрии. Несмотря на исключительно трудное положение молодой Страны Советов, ее правительство по главе с В. И. Лениным оказывало всемерную помощь Советской Венгрии в ее самоотверженной борьбе против империалистической интервенции и внутренней контрреволюции.

Всего 133 дня продержалась Советская Венгрия. Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар в статье «Наше славное последнее», посвященной 60-летию со дня победы социалистической революции в Венгрии, писал:

«На Втором конгрессе Коммунистического Интернационала Венгерскую Советскую республику называли «маяком пролетариата Центральной Европы». Свет этого маяка погас в начале августа 1919 года. Венгерская Советская республика была задута внешними вооруженными силами, организованными Антантой. Страна была оккупирована. На шею народу посажен фашистский, контрреволюционный режим Хорти. Но память о Советской Республике жила и в самые тяжелые времена, поддерживая надежду в сердцах венгерских трудящихся.

После 25-летнего контрреволюционного террора, а затем оккупации страны гитлеровскими фашистами славная Советская Армия вернула венгерскому народу свободу — 4 апреля 1945 года она изгнала последние остатки фашистских войск с территории нашей родины. Взяв свою судьбу в собственные руки, венгерский народ сумел воспользоваться возможностями свободы: в

1948 году он вновь провозгласил власть рабочего класса и бесповоротно вступил на путь построения социалистического общества»¹.

Плеяда мужественных венгерских революционеров, сделавших первую попытку зажечь свет маяка пролетариата в Венгрии, предстает перед читателем книги А. Шимора.

Описывая события тех лет, автор анализирует и ошибки венгерских коммунистов. Т. Самуэли, как и другим его соратникам, за сравнительно короткое время пребывания в Советской России не удалось с достаточной глубиной овладеть всеми сторонами ленинского учения, а позже — после возвращения на родину — правильно применить все его положения к условиям Венгрии. Сыграли свою роль и пережитки социал-демократизма и анархо-синдикализма, которыми в той или иной мере еще страдала значительная часть венгерских революционеров. Однако неопределенная заслуга венгерских коммунистов состоит в том, что, осознав международное значение ленинского учения, они сделали решающие шаги в деле практического применения ленинизма, способствовали ознакомлению с его основными положениями рабочего движения у себя на родине — в Венгрии. Они отдали все свои силы, всю революционную энергию воплощению в жизнь в отечественном пролетарском движении ленинского учения о партии нового типа, беззаветно боролись за осуществление у себя на родине социалистической революции и диктатуры пролетариата, были последовательными приверженцами ленинских принципов пролетарского интернационализма.

Тибор Самуэли прожил короткую, но полную революционного горения жизнь. Он был одним из тех пламенных революционеров ленинской школы, которые под влиянием преобразующих ленинских идей стали беззаветными борцами за счастье народа, за социализм.

Книга Андраша Шимора позволяет советскому читателю познакомиться более полно с обликом этого замечательного революционера, узнать о его жизни и творчестве. Исходя из того, что деятельность Тибора Самуэли неотделима от его работы по пропаганде, распро-

¹ «Правда», 21 марта 1979 г.

странению революционных идей в массах венгерского пролетариата, издательство «Прогресс» сопровождало книгу текстами ряда его статей, выступлений и материалов, многие из которых публикуются на русском языке впервые. Это даст возможность советскому читателю получить более полное представление о замечательном венгерском коммунисте — пламенном трибуне революции. Этому будут способствовать и публикуемые в книге многочисленные фотографии, в которых отражается деятельность Тибора Самуэли в различные периоды его жизни.

Ю. Н. Щербаков,
кандидат исторических наук

При жизни его называли «рыцарем коммунизма».

Ему было двадцать три года, когда кардинал Венгрии Янош Чернох лично распорядился уволить молодого репортера из редакции газеты: его высокопреосвященство возмутили корреспонденции журналиста, вскрывшего с помощью статистических выкладок финансовые махинации церкви.

В первый год первой мировой войны, будучи на фронте в чине капрала императорско-королевской армии, он выпускает рукописную окопную газету, в которой зло высмеивает высшее военное командование монархии.

Три года спустя он докладывает Владимиру Ильичу Ленину о боевых действиях интернациональных отрядов под Казанью и в том же году в Берлине обсуждает с Карлом Либкнехтом перспективы пролетарской революции в Европе.

В мае 1919 года на двухместном самолете-биplane с мотором мощностью в 230 лошадиных сил в качестве полномочного представителя Венгерской Советской республики он проделывает полный опасностей путь через занятые белогвардейцами районы, совершая полет из Будапешта в Советскую Россию, чтобы рассказать В. И. Ленину о положении молодой пролетарской республики, получить от него советы.

«Революция означает, что мы сожгли за собой все мосты, что пути назад нет, а есть путь только вперед», — говорил он всегда, в любых обстоятельствах.

Верным этому девизу он оставался всегда.

Родился 27 декабря 1890 года. Погиб 2 августа 1919 года.

Его имя — Тибор Самуэли.

«Он будто на голову был выше нас...»

Андраш Хаваш

В марте 1907 года директор высшего коммерческого училища города Дьёра Бела Матавовски решил организовать из учащихся второго и третьего классов союз антидуэлянтов. Он был ошеломлен, когда один из его учеников, сын Лайоша Самуэли, состоятельного торговца сельскохозяйственными продуктами, заявил, что не вступит в этот союз!

Элегантно одевавшийся юноша с темными волосами и бледным лицом тут же уведомил директора, что он собирается стать журналистом, притом журналистом радикального толка, и что если его статьи станут предметом провокационных выпадов, то он ни перед чем не остановится, чтобы доказать свою правоту.

О детских и студенческих годах Тибора Самуэли сохранилось мало достоверных документов. Что же касается этого эпизода, то один из его дьёрских одноклассников, например, вспоминал, что директор Бела Матавовски чуть было тогда не дал пощечину строптивому юноше, но сдержался, утешая себя мыслью о том, что все остальные учащиеся двух классов дружно подписали заявление о вступлении в союз.

Маловероятно, что это было именно так. Вряд ли отсутствие фамилии одного учащегося в списке антидуэлянтов могло иметь такое значение. Пару недель спустя «Дьёрская газета» опубликовала статью об успешном основании союза, отметив при этом заслуги директора коммерческого училища. О странной выходке одного из учащихся в статье не упоминалось. С другой стороны, через два месяца директор Бела Матавовски награждает Тибора Самуэли премией. И та же «Дьёрская газета» 9 июня 1907 года писала по этому поводу: «На заключительном торжественном собрании кружка самообразования учащиеся высшего коммерческого училища отме-

тили сорокалетие коронования Его величества. По этому случаю состоялось вручение премий. За усердное участие в работе кружка самообразования премий удостоены Тибор Самуэли и Микша Рохоњи».

Сомнительно, чтобы директор паграждал ученика, которому незадолго до этого чуть ли не падала пощечина...

Однако в воспоминаниях одноклассника для нас гораздо важнее тот факт, что семнадцатилетний Тибор Самуэли уже тогда твердо решил, кем быть: радикальным журналистом, который (если его статьи станут предметом провокационных выпадов) ни перед чем не остановится, чтобы доказать свою правоту...

Один из его учителей, преподаватель литературы и истории и руководитель кружка самообразования Мано Карпати так характеризовал Тибора Самуэли в 20-х годах: «Я всегда говорил Тибору: ты станешь большим человеком или кончишь жизнь на виселице».

Довольно странная аттестация, но, по-видимому, достоверная. Непростым учеником, вероятно, был Тибор Самуэли. Школьные предметы его не интересовали, и учебу он закончил посредственно. В евангелической гимназии города Ньиредьхаза он также относился к числу плохо успевающих учеников. Тем не менее, по свидетельству одноклассников, на уроках он часто вызывал споры. Как вспоминает один из его учителей, «он был чрезвычайно сообразительным мальчиком, очень любил спорить. В этих спорах никто в классе не мог опровергнуть его логических доводов».

В гимназии у него возник конфликт с классным руководителем, преподавателем венгерского, немецкого и латинского языков Режэ Циммерманном. Одноклассник Тибора Андраш Хаваш рассказывает, что все в классе дрожало перед Циммерманном, который не терпел ни малейших возражений и вымещал на гимназистах все удары своей судьбы. «Один лишь Тибор Самуэли смел противостоять ему», — пишет в своих воспоминаниях Андраш Хаваш.

Неизвестно, какого рода был этот конфликт. Во всяком случае, третий класс гимназии ему пришлось заканчивать в Надькалло. Четвертый класс он заканчивает опять в родном городе, но в конце года директор настаи-

вает на том, чтобы он ушел из гимназии. Да и среди преподавателей не нашелся ни один, кто мог бы вступить за слабо успевающего, постоянно спорящего и конфликтующего гимназиста.

Каким все-таки остался Тибор Самуэли в памяти своих одноклассников? Послушаем вновь Андраша Хаваша: «Рядом со мной сидел мальчик. Звали его Тибор Самуэли. В глаза бросался его возмужалый вид. Он носил длинные брюки, что не было принято среди тогдашних гимназистов. У него были темные волосы, бледное лицо, характерный профиль, глубокий, слегка носовой голос. Тибор всегда смело смотрел человеку в глаза. Относился он к среднему успевающим учащимся, чего я никак не мог объяснить, потому что считал его очень умным. Возможно, это было потому, что он пренебрегал школой, учителями, учебным материалом. Он будто на голову был выше нас».

Это довольно достоверный портрет нашего героя, нарисованный его другом и товарищем, которого трудно заподозрить в предвзятости. Не будем и мы идеализировать этого семнадцатилетнего юношу. Был он наверняка задиристым и даже в какой-то степени высокомерным. Но нельзя оставить без внимания и две другие фразы из воспоминаний его одноклассника: «Тибор всегда смело смотрел человеку в глаза...», «Он будто на голову был выше нас». Эти слова заставляют размышлять. Юноша явно был не из покладистых, но он отличался от остальных, не спосил оскорблений школьных властей и в свои юные годы уже научился смело смотреть в глаза человеку, кем бы он ни был.

Но это лишь одна сторона его характера. «Он был прелестным юношей и великолепно танцевал,— рассказывает его бывшая партнерша по школе танцев.— Я была на полтора года старше его, но я всегда ждала, когда он пригласит меня к танцу. Иногда Тибор приходил на танцы в национальном костюме — тогда это было в моде. Мы, девушки, были очень счастливы, когда этот молчаливый и симпатичный юноша приглашал нас танцевать». Нет, это был не мальчик, а скорее возмужавший подросток. Сохранилась его единственная школьная фотография. Строгая прическа, серьезный взгляд, накрахмаленный белоснежный воротничок, костюм с жилетом из тонкого сукна. Вероятно, эти глаза

могли улыбаться приветливо и презрительно, привлекать девушек и настораживать бесчинствующих учителей.

Переехав в Дьёр, Тибор Самуэли живет у дальнего родственника, смотрителя железнодорожных складов Имре Кемени. Хотя и здесь он не относится к числу лучших учащихся, занятия у него идут успешнее. По свидетельству одного из дьёрских одноклассников, он становится заядлым театралом и великолепным декламатором. Его любимым стихотворением было «Смерть пана» Дюлы Ревидького. Любопытно и такое замечание того же одноклассника: «По вопросам, касающимся политики, преподаватель права и политэкономии Жигмонд Деак всегда вызывал отвечать Тибора. Тибор, уже тогда увлекавшийся идеями социализма, давал самые исчерпывающие ответы».

Нет оснований сомневаться в достоверности этих слов. Уже в то время Дьёр был значительным промышленным городом с крупными предприятиями, построенными в конце XIX века. В 1904 году дьёрские рабочие булыжниками встретили Иштвана Тису¹. Здесь неоднократно происходили рабочие волнения и в последующие годы. Не исключено, что Тибор Самуэли участвовал в одном из рабочих митингов, хотя вряд ли он мог выступить на нем с речью, как это утверждает Имре Кемени. Многие мог он услышать и на собраниях дьёрского торгового общества, которые посещали учащиеся высшего коммерческого училища.

Годы учебы в Дьёре не были безмятежными.

Позднее один из редакторов, с которым он работал, говорил, что уже тогда у Самуэли были неприятности из-за его смелых выступлений в печати. Случилось так, что 15 марта 1908 года рабочие-социалисты выступили с решительным протестом против антидемократических парламентских мер, направленных на подавление сво-

¹ Тиса, Иштван — граф, сын бывшего премьера Калмана Тисы, выдвинулся на роль лидера либеральной партии в начале XX века. Видел спасение буржуазно-помещичьей Венгрии в прочном содружестве с Австрией, а монархии в целом — в тесном союзе с Германской империей. В октябре 1903 года стал главой правительства. (Здесь и далее примечания переводчика.)

боды печати¹. Участники рабочей демонстрации в Дьёре выкрикивали лозунги: «Да здравствует свобода печати!», «Долой намордники!» В этот же день на торжествах в высшем коммерческом училище оказался один юноша — рабочий с мартовским значком. О дальнейших событиях дьёрский корреспондент газеты «Непсава» («Народное слово») сообщал 19 марта 1908 года следующее: «Господин учитель Мапо Карпати поклялся уничтожить в Дьёре гидру социализма. А социализм — надо же такому случиться! — пожаловал в самый патристический мартовский праздник в его вотчину — в актотый зал коммерческого училища, и притом — о, ужас! — в виде мартовского значка на лапкане пиджака нашего товарища, молодого рабочего Ференца Фрапкля. И как же это возмутило Мапо Карпати! Громоподобным голосом он приказал: «Выбрось этот значок вон!» Товарищ, однако, не внял его приказу ни с первого, ни со второго, ни с третьего раза, и тогда господин Мапо несколько раз паотмашь ударил его по лицу. В знак протеста остальные двенадцать юпошей хотели покинуть зал, но господин учитель снаружи запер дверь. Ей-ей, господин Мапо, это был действительно героический поступок. Только совершили его не вы, а тот небольшой парнишка, который под градом пощечин не расстался со значком рабочей чести».

Материал для статьи подготовил один из выпускников высшего коммерческого училища, который специально с этой целью приезжал в Будапешт и встречался в редакции газеты «Непсава» с журналистом Михаем Ревесом. Однако маловероятно, что он сам написал эту статью. В памяти современников и родственников осталось не менее значительное событие. Возмущенный тем, что 15 марта 1908 года директор школы избил подростка-рабочего, который пришел на праздник со значком и красным галстуком на шее, Тибор написал и направил

¹ В феврале 1848 года революционное брожение охватило всю империю Габсбургов. Основными центрами назревавших потрясений были Италия, Чехия и Венгрия, откуда исходила угроза монархии и феодально-абсолютистской системе. 15 марта 1848 года в Венгрии вспыхнула буржуазно-демократическая революция. (См. История Венгрии, в 3-х томах. М., 1972, т. II, с. 125—180.) Вероятно, события в Дьёре, о которых пишет автор, были не случайно приурочены к 15 марта.

в газету «Непсава» статью, разоблачающую произвол. Учитывая приближающиеся выпускные экзамены, педагогический совет ограничился лишь строгим порицанием.

В ежегодном училищном отчете строгое порицание не упоминается, а 31 мая 1908 года классный руководитель сделал следующую запись в журнале против фамилии Тибора Самуэли: «К выпускным экзаменам допущен». Сейчас трудно установить, догадывались или не догадывались в школе о том, кто информировал редакцию «Непсава» о непристойной выходке господина Карпати. Возможно, что и отец Тибора позаботился о том, чтобы поскорее забыли «возмутительное поведение» сына. Все возможно, и, не имея достоверных данных, пожалуй, не стоит искать категоричный ответ на этот вопрос. Отмечен также факт, что на выпускных экзаменах директор Матавовски вступил с ним в диспут и что в этом диспуте директор был посрамлен. Такое тоже случилось не часто, но вполне могло случиться. И если это произошло, то можно легко представить, во что превратились выпускные экзамены.

Председателем экзаменационной комиссии был вице-президент Союза венгерских кустарей-строителей, вице-президент Дьёрской торгово-промышленной палаты, депутат Государственного собрания от города Дьёра. Вполне вероятно, что он пытался утешить разгневанного директора такими словами: «Вот увидите, из этого парня выйдет отменный борзописец!» Вполне вероятно, что он оказался бы более сдержанным в своей прозорливости, если бы знал, что шесть лет спустя этот бойкий на язык и острый на ум юноша разоблачит в будапештской прессе именно его махинации.

В июне 1908 года Тибор Самуэли закончил учебу в дьёрском высшем коммерческом училище, получив аттестат зрелости с довольно приличными оценками.

«Да сгинет ницета!»

Тибор Самуэли

После выпускных экзаменов Тибор возвращается в семью, проживавшую в Ньиредьхазе. В 1920 году один из ретивых репортеров опубликовал статью «Откуда взялась в Венгрии семья Самуэли?», в которой прослеживает родословную Тибора начиная с 1848 года. В обпаруженных им документах фамилия Самуэли пишется то с одной, то с двумя буквами «л». И только с 25 декабря 1908 года, когда в «Дьёрской газете» была опубликована «Рождественская сказка» Т. Самуэли, она устойчиво пишется с одним «л». Дух и стиль репортажа о рождественских днях бедствующей рабочей семьи наводит на мысль о том, что его автор хорошо знаком с творчеством великого французского писателя Эмиля Золя. Послушайте только: «Язычок пламени под разбитым стеклом старенькой керосинки тускло освещает комнатку. Через худое окно ветер насвистывает убаюкивающую песню над большой женщиной, недвижно лежащей на кровати с засаленной подушкой. Поблекшее лицо, впавшие глаза, сухая кожа, обтягивающая кости, потрескавшиеся синие губы. Кроме нее, в комнатке никого нет...»

Но конкурсное ли это сочинение из кружка самообразования? А начинается оно так: «Ослепительно ярко освещены уличные витрины, заваленные детскими игрушками и рождественскими подарками. Лавки полны людей, принесших сюда потом добытые филлеры, чтобы сменять их на безделушки, не имеющие никакой ценности, но без которых вроде бы и немисливо рождество».

Убийственная ирония, хотя и не новая в журналистском арсенале.

По случаю окончания учебы Тибора была сделана семейная фотография — единственная сохранившаяся до сих пор. Слева сидит состоятельный торговец сельско-

хозяйственными продуктами, степенный гражданин Ньиредьхазы с выпуклыми рыжими усами Лайош Самуэли, справа — мать, урожденная Ц. Фаркаш. Энергичные черты ее лица смягчает беременность — вскоре у нее родится шестой сын. Большую семью держала в руках темпераментная, неуязвимая на рыночной площади и обладавшая, судя по всему, не золотым характером женщина, которая разбиралась не только в торговых делах, но и в политике. «Уже в детские годы мы часто спорили по политическим вопросам, — писала позже сестра Тибора Маргит. — Заводилой всегда была мама, которая каждый вечер после ужина читала газеты и обсуждала новости, главным образом с Тибором».

Некоторое время Тибор работает служащим в Будапеште. Его попытки сотрудничать с газетой «Непсава» терпят неудачу. Наконец он нанимается в консервативную газету родного города «Сабольч вармедье», называвшую себя независимой и конфликтовавшую с «Непсава». В мае 1909 года уже из Ньиредьхазы он пишет Михая Ревесу: «О «Непсава» не хочу забывать, и, если мои материалы приемлемы, я с удовольствием стал бы Вашим корреспондентом в Ньиредьхазе».

На первых порах он живет обычной для начинающих журналистов жизнью: ищет повости, выслушивает советы коллег, дежурит в типографии. «Только никаких социалистических штучек», — предостерегает редактор «Сабольч вармедье» Дежэ Варга, узнав, что самый молодой сотрудник его газеты вступил в местную организацию социал-демократической партии.

Как-то в редакцию зашел подсобный рабочий-жестяпщик и рассказал, что его младший брат покончил с собой. На гибель его толкнул владелец мастерской Даниэль Папп, известный своим жестоким нравом. Юношу избивали до тех пор, пока он не потерял сознание. Самуэли тут же написал обличительную статью и отнес ее редактору. «Ни в коем случае! — швырнул господин Варга рукопись на стол. — Я хорошо знаю Даниэля Паппа. Прекрасный человек, к тому же он секретарь нашего общества собаководов. Мы, сынок, не «Непсава»!»

Самуэли ничего не ответил, а на следующий день отправил в «Непсава» свою первую корреспонденцию из Ньиредьхазы, которая была опубликована под заголов-

ком «Смерть молодого рабочего». «В Ньиредьхазе об этом случае говорят на каждом перекрестке,— писал Самуэли.— Подозрение вызывает многое: и следы избития на трупе, и почти не затянутая петля на шее парня, и тот факт, что труп был обнаружен с таким запозданием... Тем не менее полиция Ньиредьхазы предпринимает все возможное, чтобы не предавать этот случай гласности».

«Сабольт вармедье» возбуждает судебный процесс против «Непсава». Самуэли определяет свою позицию: «В этом процессе «Непсава» может рассчитывать на мою непоколебимость!» Его не трогают ни язвительные реплики, ни молчаливое порицание со стороны сотрудников своей редакции. «В школьные годы,— говорил он,— я не вступил в союз антидуэлянтов потому, чтобы иметь возможность по достоинству ответить тем, кто посмеет провоцировать меня по поводу моих статей. И уж во всяком случае я не боюсь секретаря собаководов!»

С этого времени для Самуэли как журналиста существует единственная цель: разоблачение.

Отметим одно свойство этого молодого журналиста, наиболее ярко отличавшее его от собратьев по перу: он вникает в самые мельчайшие детали и не увлекается остроумными обобщениями — его разоблачения всегда связаны с конкретными событиями, людьми и учреждениями. Он не изобретает лишь рецептов для излечения бед, чем увлекались его, порой талантливые, современники. Он разоблачает беды. Он пока еще не сознательный революционер, но его поступки синхронны с действиями тех, кто считал в то время разоблачительную журналистику не «литературствованием», а революционным оружием. Ленин, например, еще в начале века указывал, что революционная партия должна умело пользоваться политической публицистикой. Но в то время в нашей стране не было революционной партии. Через несколько лет Самуэли с горечью убедится в том, что «Непсава» «с кислой миной» принимает его корреспонденции, содержащие «слишком много фактов» и «мощных данных».

Пока же он не подозревает об этом. Он не собирался навечно оставаться в редакции «Сабольт вармедье», и его не взволновало, что злополучная статья в «Непсава» означала конец его журналистской карьеры в Ньиредь-

хазе. Для газеты «Нап» («День») он пишет о предвыборных махинациях Иштвана Тисы.

Затем Самуэли отправляется в Надьварад¹, где знакомится с сотрудником газеты «Надьваради напло» («Надьварадский дневник») Нандором Хегедюшем, который убеждает главного редактора Дежэ Фехера принять на работу молодого ньередьхазского журналиста.

Холеные офицеры императорско-королевской армии позванивают саблями по городским тротуарам, вызывая восторг местных дам. Именитые педагоги наставляют уму-разуму молодежь в королевской юридической академии. Предприимчивые акции зажиточных семей знаменуют расцвет капитализма. Здесь в кафе «Бол-боньер» Эндре Ади² услышал фразу о «свинорылом господине», по произнесшему ее кельнеру Марци так и не довелось узнать, что он вдохновил поэта на знаменитое стихотворение. Здесь под боевым знаменем поэзии Эндре Ади в 1908 году родился поэтический сборник «Завтра», в котором выступили популярные в то время поэты Дюла Юхас, Акош Дутка и другие. Самуэли вскоре знакомится с ними.

Самуэли посещает также надьварадскую масонскую ложу. Масонское движение возникло в страпах Европы в XVIII веке. Оно призывало к «нравственному совершенствованию людей», объединению их на «началах братской любви». Масоны проповедовали принципы просвещения. В эпоху буржуазных революций они играли прогрессивную роль, однако позднее это движение стало раздирать непримиримые противоречия. Масонские организации, так называемые ложи, начали создаваться в Венгрии с 1861 года³. В 1908 году была основана ложа «Мартинович», ставившая целью распространение прогрессивных буржуазно-демократических идей. Но Самуэли поддерживает контакт не только с буржуазно-

¹ Венгерское название г. Орады.

² Ади, Эндре (1877—1919) — выдающийся венгерский революционный поэт, публицист.

³ Из рядов оживившегося в начале XX века в Венгрии масонского движения, из трех его наиболее прогрессивных лож: «Мартинович», «Демократия», «Комеппский» — вышли буржуазные радикалы, образовавшие новое течение, называемое буржуазным радикализмом. Сильной стороной его была критика пороков и недостатков существующего строя. (См. История Венгрии, т. II, с. 450.)

демократическими организациями, но и налаживает связь с местными социалистами. Он дружит с одним из деятелей социал-демократической партии Каройем Вантушем, редактировавшим в то время газету в Надьвараде. К Тибору Самуэли присматриваются и вскоре обращают внимание на его статьи сотрудники другой газеты социалистов «Надьваради мункаш уйшаг» («Надьварадская рабочая газета»).

«Надьваради напло», однако, ждет от него не сенсационных репортажей. Газету, скорее, интересует жизнь «отцов города», например семьи Редей, один из предков которой покровительствовал поэту Михаю Чоконаи Витезу, написавшему по его просьбе знаменитое стихотворение «Бессмертие души» и прочитавшему его на похоровах жены богатого бихарского¹ помещика. Газета, правда, скромно умалчивала о том, что сам Редей был поэтом-дилетантом, опубликовавшим это произведение Чоконаи под своим именем.

«Надьваради напло» была уже не той газетой, как во времена Эндре Ади. Только благодаря счастливому случаю на ее страницах могла появиться статья Самуэли «Кладбище безземельной деревни». В статье говорилось о том, что жителям деревни Пишкольт нигде хоронить умерших, потому что кладбище уже переполнено, а лишних земель нет. Они обратились к своей помещице графине Йоганне Редей с просьбой выделить из ее имения три хольда² земли под новое кладбище. Проживавшая в Вепе графиня-вдова ответила крестьянам: «Ни пяди земли из моего пишкольтского имения не дам». Не щадя аристократической спеси бихарской графини, Самуэли язвительно пишет: «Пишкольтцы в отчаянии. Теперь они не могут даже умереть спокойно. Вена — на краю света, и они не могут каждый день обивать пороги инстанций, пока не смягчится каменное сердце ее высокоблагородия графини». Главный редактор Дежэ Фехер наверняка не похвалил его за эту статью, но рабочая газета «Надьваради мункаш уйшаг» тут же перепечатала ее.

Эндре Ади увидел индустриальный Надьварад, бывший в начале столетия воплощением набравшего силу

¹ Бихар — одна из областей страны.

² Один хольд равен 0,57 га.

капитализма, разглядел его загнивающее нутро. В первом десятилетии века Надьварад погубили джентри и барствующие мещане.

Как и во времена Ади, город с издевкой называют непризнанным Парижем. В его ресторанах развлекаются бихарские господа, щедростью своего покровителя Иштвана Тисы насыщавшиеся шампанским, сэндвичами и надьварадской диковинкой — «филе а ла беф», оказавшейся самой обыкновенной говяжьей вырезкой.

Самуэли вновь пишет для газеты «Непсава» о подлинном Надьвараде. В рубрике «Зарисовки о венгерских городах» появляется его корреспонденция, которая начинается словами: «Попы сидят на шее этого невероятно радикального города...» Каждый день молодой журналист проходил мимо шестнадцати белостенных особняков каноников и епископского дворца, и наверное тогда у него созрело решение разобраться в финансовых делах церкви. Один из его надьварадских коллег Пал Араньоши пишет: «Перед его взором раскинулись епископские владения на площади в двести тысяч хольдов, окруженные нищими деревнями, в которых не было врачей, голодали учителя, свирепствовал туберкулез, и лишь обитатели церковных домов, полицейских казарм и особняков городских властей процветали в здравии и благополучии. Все это Тибор Самуэли хорошо видел и отмечал в своем репортерском блокноте». Однако осуществить свой план — разобраться в финансовых делах церкви — в Надьвараде Самуэли не имел возможности. Он все чаще схватывается с главным редактором Дежэ Фежером и в конце 1911 года уходит из редакции «Надьваради напло» и вскоре, по-видимому в феврале 1912 года, становится сотрудником другой надьварадской газеты, «Сабадшаг» («Свобода»).

Его планы известны немногим, а кое-кто считает этого бледнолицего, изысканно одевавшегося юношу лишь сердцеедом. Им восхищаются популярная в конце прошлого века опереточная примадонна Илка Палмаи, звезды надьварадского кабаре. Здесь выступают танцовщицы парижского «Мулен Руж», бывает молодой Морис Шевалье и частенько приезжают артисты известного будапештского кабаре. И конечно, в числе сотрудников газеты «Сабадшаг» он встречается с «посланницей английского феминистского движения, королевой красоты»

Сесиль Дин Корбет и с иронией признается читателям, что он «готов был бы хоть три недели лежать сторожевым псом у ее крошечных ног». Тем не менее он не берет интервью у этой английской красавицы-суфражистки, поборницы женского равноправия. Вместо интервью он пишет фельетон. Из фельетона явствует, что госпожа Корбет «великолепно» разбирается в надьварадских проблемах и даже «высказывается» по национальному вопросу: «Прежде чем добиться мирных отношений с национальными меньшинствами, венгры должны установить мир между собой. Пожалуй, лишь тогда мое учение пойдет здесь более благодатную почву. Адью!» Эта статья была опубликована в фельетонной рубрике «Сабадшаг», для которой он писал «Воскресные письма» в последние месяцы своего пребывания в Надьвараде под псевдонимом Тиборц.

Его фельетоны — это остроумные памфлеты, их автор не случайно выбрал для своего псевдонима имя мятежного крепостного из оперы «Банк Бан»¹.

После состоявшегося 28 ноября 1911 года выступления в Надьвараде испанского виолончелиста и композитора Пабло Казальса Тиборц рассуждает о благотворительных обществах и бедственном положении театров с одной из надьварадских дам, скорее всего, с мамашей городских красавиц — дочек Нойманна, в доме которых Самуэли частенько бывал, к зависти золотой надьварадской молодежи. Когда на площади Бремер, сияющей огнями кафе и ресторанов, мадам спросила его, почему он не был на устроенном ею благотворительном ужине — а игнорирование таких ужинов считалось в надьварадских господских кругах непростительным грехом, — он сказал:

— Я не пришел потому, что принципиально против всякого благотворительства. Проблему бедности можно решить только на государственном уровне, и, поверьте, скоро так оно и будет. По мне — да сгинет нищета! Приведите мне хоть один факт, который подтвердил бы, что за время существования благотворительных обществ стало меньше голодающих и лишенных крова людей, и

¹ «Банк Бан» — опера Ференца Эркеля (1810—1893) на сюжет одноименной драмы Йозефа Катаны.

я сплмму шпльпу перед всякой благотворительностью, подогретой чаепитием.

Неукротимая страсть борца проявляется в его фельетонах. Подобно дыханию вулканического кратера, она обжигает пока лишь местные власти и ошарашивает городских красавиц.

Последние надъварадские месяцы он проводит в напряженной борьбе. Был такой случай. Самуэли публикует в своей газете статью о противопожарной беспечности в кабаре «Бонбоньер». Это оскорбляет владельца кабаре, корбит «неподкупного» начальника полицейского управления и в такой же мере «неподкупных» его подчиненных, которых владелец кабаре после генеральной инспекции противопожарной безопасности угощал шампанским на собственной вилле, и возмущает «бескорыстные» редакции местных газет, грызущихся за выгодные публикации репертуара кабаре. Самуэли сразу оказывается под ударами «Надъварادي напло», «Надъварад» и «Надъварادي фришш уйшаг» («Надъварадские свежие новости»). Газета «Сабадшаг» пока поддерживает его, но и она уже начинает сожалеть о том, что опубликовала разоблачительные статьи Самуэли, лишившие ее материальных выгод от рекламы кабаре. Пытающиеся рекламой газеты обрушивают брань на «горлопана» и «бузотера», вокруг которого в Надъвараде, как выразился один из журналистов, «постепенно образуется пустота».

Только «горлопан» ни перед кем не обнаруживает и признака страха. Он в одиночку ведет эту войну, спорит почти со всеми газетами города. Редактор Дежэ Фехер затевает против него процесс, на котором в качестве свидетеля должен выступить губернатор Бихара. Последний счел свое участие в процессе недостойным и приказал редактору «Надъварادي напло» прекратить следствие и снять обвинение против Самуэли. Итак, в 1912 году в Бихаре, задыхающемся от засилия джеэтри, Самуэли удалось загнать в угол владельцев газет, начальника полицейского управления, владельца кабаре и губернатора! Семь лет спустя он будет вести уже иную войну, и его борьба лишит покоя не только один город.

Вспоминая о Тиборе Самуэли, его жена писала в своей последней статье: «Как сейчас вижу перед собой Тибора Самуэли, журналиста, составляющего очередные

номера «Вёрёш уйшаг» («Красная газета») ¹ в конспиративной редакции в феврале 1919 года. Небольшими ножницами он раскраивает статьи, подготовленные для публикации. Работает быстро и сноровисто в чрезвычайно сложных условиях. Вспоминая об этом Тиборе Самуэли, который стал учеником Ленина, который в годы мировой войны познал на себе кровавые законы империализма и сознательно посвятил свою жизнь революции, я легко могу представить себе Самуэли-журналиста, каким он был перед войной».

Добавим лишь: для тех, кто лично знал Тибора Самуэли в довоенные годы, его последующий путь не казался неожиданным. Один из его надъварадских коллег писал: «Самуэли именно для того вступил на арену активной политической борьбы, чтобы осуществить то, за что он последовательно и порой с риском для жизни выступал в годы своей журналистской деятельности».

¹ 7 декабря 1918 года вышел первый номер газеты венгерских коммунистов «Вёрёш уйшаг». Газета сыграла важную роль в пропаганде идей социализма в Венгрии, в идейном и организационном укреплении революционных рядов, в создании той обстановки, которая привела к возникновению Советской власти в Венгрии.

«А грозный вал обвинений все нарастает...»

Тибор Самуэли

В марте 1912 года Самуэли едет в Риеку в качестве сотрудника газеты «Тенгерпарт» («Морской берег»), изредка наезжая в Будапешт. Последний раз он был в Будапеште в декабре, сопровождая больную мать. Ц. Фаркаш не могли спасти и столичные врачи, семья Самуэли остается без матери. Отец Лайош Самуэли вскоре женится вновь. Состоятельный пиредьхазский торговец гордится журналистской профессией старшего сына и потому не скупится, желая обеспечить ему безбедную жизнь. В Риеко Тибор Самуэли живет и обедает в Гранд-отеле, становится завсегдатаем кафе «Борша», где, по-видимому, его и знакомят с Эндре Ади. «Борша» было излюбленным местом встреч писателей и актеров, здесь бывает Ференц Херцег и устраивает сольные концерты Ханна Хонти¹. Стройный и элегантный, с галстуком бабочкой и в котелке, Самуэли в компании друзей часто бывает в Опатин, Венеции, Постойне.

Журналистской работой, однако, он остается недоволен. Через год в Будапеште он так скажет о проведенных в Риеке месяцах: «Это не жизнь. Человек даже разучился писать. А бороться? Какое-то разнообразие вносили разве что прогулки по морю и по Венеции». Здесь он завязывает дружбу с корреспондентом вечерней газеты «Эшти лапок» («Вечерние листы») и католической «Мадьяр курир» («Венгерский курьер») Ференцем Блажиком. Он хочет попасть в Будапешт, и Блажик помогает ему подыскать место. Самуэли пишет для «Непсава». За одиннадцать дней до грандиозной будапештской демонстрации рабочих, вошедшей в историю под названием «кровавого четверга»², он разоблачает

¹ Хонти, Ханна — известная венгерская актриса.

² В 1911 году, после долгого перерыва, в Венгрии вновь ожили классовая борьба пролетариата. Усилилось стачечное дви-

произвол па риекском судостроительном заводе, принадлежавшем акционерному обществу «Ганц-Данубиус». Статья озаглавлена: «Риекский завод смерти». «Многотонные, обладающие скоростью двадцать пять узлов, снабженные паровыми турбинами крейсера Австро-Венгерской монархии окрашены кровью рабочих». В статье Самуэли называет имена восьмидесяти рабочих, ставших жертвами заводских несчастных случаев с 24 февраля 1911 по 9 мая 1912 года. Он дает точные и достоверные факты о кровавых трагедиях. И в заключение — единственный вопрос: «До каких же пор на риекском заводе смерти акционерного общества «Ганц-Данубиус» будут безнаказанно убивать рабочих?» Через одиннадцать дней будапештские рабочие так отреагировали на это: в рядах демонстрантов, направлявшихся к центру столицы, раздавались возгласы: «Риекские палачи!»

Кто встречался в Надьвараде, Риеке, а затем в Буда-

жение, которое было направлено главным образом против растущей дороговизны и усиления налогового бремени, связанных с хозяйничанием монополий и аграриев в экономике страны и увеличением военных расходов. 12 ноября 1911 года в Будапеште состоялась большая демонстрация рабочих против милитаризма. 4 марта 1912 года социал-демократическая партия организовала забастовки и демонстрации 28 тысяч рабочих под лозунгом всеобщего избирательного права, призывая к тому, чтобы демонстрации и забастовки проходили «в рамках закона, без нарушений порядка».

Логика обострившейся классовой борьбы опрокинула расчеты социал-демократических лидеров. 23 мая 1912 года рабочие окрестки Будапешта в знак протеста против избрания графа Тисы председателем парламента двинулись к центру города, опрокидывая полицейские кордоны. Вокруг парламента и в других частях города развернулись уличные бои. В некоторых местах возникли баррикады. Рабочие сражались под лозунгами: «Да здравствует народный парламента!», «Долой классовое господство!», «Долой графскую банду!», «Да здравствует революция!»

После «кровавого четверга», 23 мая, реформистское руководство социал-демократии всячески стремилось удержать рабочих от боевых выступлений, в особенности от массовых политических забастовок.

Таким образом, накануне мировой войны в венгерском рабочем движении четко определились две противоположные тенденции: реформистская, представленная руководством партии и профсоюзов, и революционная, представленная рядовыми рабочими и левой оппозицией. (См. История Венгрии, т. II, с. 466—468.)

пеште с этим элегантно одевавшимся молодым человеком, который будто бы искал легких приключений, по-беждал на танцевальных конкурсах, бывал в кабаре? Кто сохранил в памяти его подлинный образ? Воспоминания о далеком прошлом не всегда точны. Вряд ли Самуэли дружил в Надьвараде с Дюлой Юхасом, а в Риеке разве что здоровался с Эндре Ади. Достоверный образ Тибора Самуэли донес до нас талантливый художник Лайош Тиханьи, написавший его портрет в 1913 году в Будапеште. Художник увидел лицо юноши с модной прической на пробор, его живую насмешливо-ироническую улыбку и в то же время сумел рассмотреть и показать Самуэли таким, каким он станет через шесть лет — народным комиссаром с напряженным и устремленным вдаль взглядом слегка прищуренных глаз.

В октябре 1912 года Самуэли уже находится в Будапеште и при поддержке Блажика сотрудничает в газете «Мадьяр курир», которую издавал Эмиль Малчинер. «Ежедневно «Мадьяр курир» выпускала подборку сообщений, главным образом для дневных газет,— писал один из ее редакторов.— За определенную плату она снабжала новостями клира газеты и другие церковные учреждения. Каким образом стал ее сотрудником придерживающийся радикальных взглядов Самуэли, неизвестно».

Нам это известно. В Будапешт он приезжает преисполненный решимости осуществить свой старый план: разоблачить финансовую политику церкви и предпринять попытку хотя бы «приблизительно определить те несметные богатства, которыми обладают венгерские церковные епархии и которыми беспрепятственно пользуется клир». Ему нужны факты и статистические данные. А факты и точные данные он может добыть, только поработав некоторое время в клерикальной газете. Будучи «церковным журналистом», в действительности он оставался репортером, собирающим разоблачительные материалы.

Самуэли готовится к схватке с фуриями церковной собственности. В предисловии к «Капиталу» Карл Маркс пишет: «Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на 1/30 ее денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет собой *culpa levis* (небольшой грех) по сравнению с критикой традиционных отношений собст-

венности»¹. В этом отношении венгерская церковь ничем не отличалась от англиканской. В конце 1913 года по личному указанию главы католической церкви Яноша Черноха «Мадьяр курир» выгонит мятежного сотрудника Тибора Самуэли — вероломного еретика и масона.

Как-то в кафе «Криштай» Самуэли встретил своего бывшего надъварадского коллегу Золтана Франьо. «Может быть, у тебя найдется что-нибудь интересное для моей газеты?» — спросил Золтан. Так получилось, что первые материалы Тибора Самуэли появились в столичной «Уй ревью» («Новое обозрение»), которую редактирует Золтан Франьо. Он же знакомит его со своими друзьями Лайошем Надем и Андором Неметом. Лайошу Надю нравится этот не лишенный чувства юмора и иронии молодой человек, и они становятся друзьями. Позднее, в двадцатых годах, писатель часто упоминает имя Тибора Самуэли в беседах с молодым, ставшим впоследствии известным писателем-коммунистом Шандором Гергеем. Именно от Шандора Гергея мы узнаем о том, как со свойственным ему юмором Лайош Надь рассказывал о встрече с Тибором Самуэли в 1919 году, когда он неожиданно появился в союзе писателей и журналистов «Оттхон кёр» («Домашний круг»): «Однажды в дни пролетарской диктатуры Самуэли прибыл в «Оттхон кёр». Когда ему надоело слушать подхалимов, он осадил их: «Не уверяйте меня в том, что вы коммунисты. Потому что это неправда! Во всей этой компании есть единственный коммунист, он сидит вон там, в углу. — И он показал на меня...»

В кафе «Криштай» частенько заглядывает сутуловатый, молчаливый и замкнутый молодой человек. Он пишет лирические стихи, мечтает стать поэтом. Это — Отто Корвин². С какой-то тревожной завистью слушает он уверенные слова Тибора Самуэли и думает: «Этот человек хорошо знает, чего хочет!» И он бы удивился, если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что через семь лет они станут соратниками по революционной борьбе.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

² Корвин, Отто (1894—1919) — один из основателей и руководителей Компартии Венгрии. После падения диктатуры пролетариата в Венгрии остался в Будапеште для нелегальной партийной работы, но был схвачен и казнен 29 декабря 1919 года.

Вскоре Тибор Самуэли знакомится с редактором экономического и финансового журнала «Пензавиллг» («Финансовый мир») Оскаром Фодором. «В Риеке я был с Вами солидарен», — говорит ему Самуэли, когда речь зашла о новом риекском скандале. А затем в журнале появляется его статья. «Меня поразила непринужденная проничность его стилиа, — вспоминает Фодор 50 лет спустя. — Его статья была остроумной. Он писал о приближающихся выборах в городской муниципалитет и в связи с этим — о состоянии городского хозяйства, мошенничестве и круговой поруке городских господ. Статья имела неожиданньй успех: так смело и откровенно еще никто не писал о закулисных делах городской ратуши».

Топ выступлений молодого журналиста действительно поражал. Опубликованную 16 ноября 1912 года статью «Не в лесу ли мы?», например, он заканчивает так: «От обвинений в мошенничестве даже никто не защищается, никто не оправдывается. А грозньй вал обвинений все нарастает. Когда же он сметет окончательно нынешний режим вместе с пыпешними господами?»

Его новые знакомые, в том числе писатель Дьердь Бёлёни, журналист Лайош Мадяр, художники Роберт Берень, Дежэ Цигань, Карой Киришток, Лайош Тиханьи, относились к двадцатидвухлетнему Самуэли как к равному, как к человеку, который решительно вступал в спор с самыми сильными противниками. Он ищет возможность опубликования своих разоблачительных материалов о церкви, и эти поиски приводят его к председателю Венгерского общества свободных мыслителей¹ Шаму Феньешу.

В те годы прогрессивная буржуазная интеллигенция повсюду в Европе вела борьбу против церковного засилья. Популяризаторы естественнонаучных знаний, называвшие себя свободными мыслителями, выступали за передачу церковных владений в государственную

¹ Объединение буржуазных радикалов, выступавших с критикой религиозных предрассудков и догм. Его членами были представители различных слоев общества. Объединение издавало журнал «Свободная мысль» атеистической ориентации, отличавшийся, однако, непоследовательностью по многим вопросам.

собственность, за лишение церкви монополии на духовную жизнь общества.

В 1911 году Шаму Феньеш основывает журнал и общество под названием «Уттёрё» («Пионер»). Сам он читает антиклерикальные лекции, преподает, редактирует журнал, ведет просветительскую работу. В его пьесах и трактатах также проводится идея свободомыслия. Во время представления одной из его пьес между семинаристами и прогрессивными юношами в зале театра завязывается драка. Спектакль заканчивается уличной демонстрацией, которую разгоняет конная полиция. Приветственная открытка Эндре Ади вдохновляет его на дальнейшую борьбу, однако он тут же получает угрожающее предупреждение премьер-министра Иштвана Тисы, который не преминул привести свою угрозу в исполнение — общество «Уттёрё» распускается, а против Шаму Феньеша возбуждается судебное дело.

Шаму Феньеш встретился с Тибором Самуэли и с интересом выслушал его план. «Я опубликую в «Уттёрё» все ваши данные! — сказал он. — К статье можете подобрать как можно больше таблиц».

Апостол свободомыслия нашел в молодом журналисте верного единомышленника. Полтора года Тибор Самуэли трудится над осуществлением задуманного — разоблачает церковников, завладевших несметными богатствами страны. Серия его статей легла в основу рукописи книги «Страна святой Марии во власти попов».

«Страна святой Марии во власти попов»

Тибор Самуэли

На стыке веков венгерская католическая церковь вела ожесточенную борьбу против «атеистических, еретических, масонских, подрывных и социальных» течений. В слепом фанатизме правоверные общества пытались опровергнуть учение Дарвина. Они издают «научные» труды, распространявшиеся по всей стране приходскими священниками и канторами. Кампанию по одурачиванию масс возглавила основанная в 1895 году Католическая народная партия. Издается даже специальный песенник, прославлявший партию и призывавший «уважаемых господ капторов разучивать эти песни, особенно «народные», с народом, который распевал бы их повсюду».

Работая в провинциальных газетах, Самуэли не слышал «народно-католические» песенки, подобные этой:

Страна лишь тогда горда, величава,
Если в ней счастливы и млад, и стар.
Народной партии нашей слава,
Ведущей к триумфу всех мадьяр!

Редакция «Мадьяр курир» получает самые секретные церковные новости. В распоряжении ее сотрудников имеются точные данные о жизни епархий, о доходах, получаемых с церковных земель, и редакция с иезуитской изворотливостью сортирует их на подлежащие опубликованию и подлежащие хранению за семью печатями. Никому даже в голову не приходит, что один из сотрудников вскоре разгласит эти тайны в «еретическом» журнале Шаму Феньеша и в «социалистическом» издании Оскара Фодора.

Антиклерикальные материалы Самуэли публикуются без подписи, изредка — под инициалами С. Т. Его современникам эти инициалы ничего не говорили, поэтому

и «Мадьяр курир», откуда он черпал разоблачительные сведения, смогла избавиться от Самуэли лишь год спустя.

За полтора года, с 24 ноября 1912 до 26 апреля 1914 года, Самуэли опубликовал 30 статей на антиклерикальные темы, в которых содержалось более двух тысяч статистических данных! «Эти статьи предварила серьезная и глубокая исследовательская работа. Его данные были неопровержимы», — вспоминал позже Оскар Фодор.

Писатели и журналисты, встречавшиеся с Тибором Самуэли, с пескрываемым удивлением слушают своего юного коллегу, выкладывающего перед ними ошеломляющие факты. «Стоимость движимого и недвижимого имущества высшего духовенства в Австрии составляет 380 миллионов кроп, не считая владений монахов, оцениваемых в 180 миллионов кроп. Недвижимое имущество англиканской церкви — 200 миллионов кроп. У нас же (и здесь, как вспоминают очевидцы, он говорил с особым жаром) к началу века даже не предпринимались попытки хотя бы приблизительно определить скромные доходы слуг господних». Такую попытку сделал он сам. 2487431 хольд церковных земельных угодий, считал он, могут быть оцены почти в один миллиард кроп. Если к этому добавить стоимость ценных бумаг и имеющих в распоряжении церковников деньги, то можно смело утверждать, что стоимость имущества венгерской католической церкви превышает полтора миллиарда кроп.

В те годы вряд ли кому не было знакомо слово «секуляризация». Шли ожесточенные споры о методах передачи земельных владений церкви в государственную собственность. Большинство буржуазных ученых и политиков высказывалось за то, что церковные земли нельзя отчуждать без компенсации. Но уже тогда для Тибора Самуэли было очевидно, что это отчуждение должно быть осуществлено без всякой компенсации. «Землю можно отнять у церкви только насильственным путем, — писал он, — и это насилие должно быть совершено как можно скорее. Под насилием, естественно, я понимаю принятие закона, с жалобой на который церковь могла бы обратиться разве что к небесам».

Одну из своих статей он заканчивает словами: «Да

будет воля твоя, секуляризация...» Шаму Феньеш, считавший источником всех социальных зол одурманивающее народ всемогущество церкви, поздравляет его: «За эту молитву и вам несдобровать от кардинала Черноха...» Считал ли Самуэли, что передача церковной собственности в руки государства еще не решает всех социальных проблем венгерского общества? Трудно сказать. Из его статей нельзя сделать вывод, что церковные владения он рассматривал в качестве одного из препятствий на пути буржуазно-демократического развития. Во всяком случае, шесть лет спустя в первой газете венгерских интернационалистов в Москве он так перефразирует ту «молитву»: «Да будет воля твоя, революция...»

Кардинал Янош Чернох наверняка с раздражением спрашивал своего секретаря:

— Кто этот Самуэли и откуда у него такие данные?

«Предателя» увольняют, но уже было поздно — в распоряжении Самуэли оказываются важные сведения о финансовых махинациях духовенства.

Эти сведения явно компрометировали церковь. Оскар Фодор, например, вспоминает, как однажды Самуэли пришел в редакцию «Пензвилаг» с пастырским посланием веспремского епископа и заявил:

— Да ведь тут яснее ясного, что церковь уклоняется от уплаты налогов со своего имущества!

Главный редактор загорелся было темой, но потом остыл, оценив риск, связанный с опубликованием этого материала.

— Вам этого не простят, Тибор, — сказал он.

И тем не менее Самуэли настаивает на опубликовании разоблачительного материала. Наконец они находят выход.

Через неделю в «Пензвилаг» появляется сенсационная статья: «Налог с церковной собственности. Как скрываются фонды». Автор — налоговый инспектор. Один лишь Оскар Фодор знал, что налоговым инспектором был Тибор Самуэли. Но этим дело не ограничивается. На следующей неделе он направляет редактору «Пензвилаг» письмо, в котором статья безымянного налогового инспектора дополняется новыми данными о неуплате церковью налогов.

Как журналист, привыкший работать с фактами, он понимал, что решить социальные проблемы можно лишь

при условии их точного и обстоятельного изучения. К такой же точности он будет стремиться, став профессиональным революционером и редактируя газету «Вёрёш уйшаг», и требовать такой же точности от своих сотрудников. Писатель Эрвин Шинко вспоминает совет, который дал ему Самуэли в редакции «Вёрёш уйшаг», возвращая статью о забастовке рабочих пошивочных мастерских: «Вы написали статью о забастовке портных и ни единым словом не обмолвились о самих портных. Говорили ли вы хоть с одним портным, прежде чем писать статью? Мы на самом вершом пути,— иронизировал он,— если между нами и рабочими,— он приглушил голос, и уголки его губ обрисовала горькая складка,— я уже не говорю о крестьянах, сложились бы такие отношения, как у доброжелательного нотари к крестьянину».

В марте 1913 года Тибор Самуэли отправляется в заграничное путешествие и плет своим знакомым открытки из Венеции, Амстердама.

По возвращении на родину 14 июля 1913 года он становится корреспондентом газеты «Непсава» и ведет рубрику полицейской хроники, но значительные его статьи по-прежнему публикуются в «Пепзвилаг» и «Ут-тёрё». Тем временем Тибор Самуэли выигрывает процесс, затеянный против него начальником отдела по делам уголовных преступлений капитаном полиции Бела Сенткирайи в связи с опубликованием статьи «Дочь американского миллионера в тисках будапештской полиции». В этой статье Самуэли информирует читателей о том, как будапештская полиция потворствовала шантажу. Пострадавшей в этом деле была дочь американского миллионера красавица Элайн Ловетт Десрейсмесс, которую капитан полиции Бела Сенткирайи арестовал как... «опасную шпионку». А суть дела была в том, что американка в Ницце влюбилась в одного венского банкира. Но тот захотел освободиться от своего обещания жениться на ней, а заодно с помощью будапештской полиции вернуть драгоценности, которые он ей подарил. В Будапеште у американской красавицы нашелся покровитель — журналист Самуэли, который описал, как непристойно оклеветал госпожу Десрейсмесс начальник отдела по делам уголовных преступлений. «Дело как

раз для такого повесы», — иронически замечает один из его коллег, не подозревавший, что этот же «повеса» уже готовил очередную серию статей для «Уттёрё» на тему «Клерикальный Будапешт». В семи статьях он рассказывал о том, как церковь паводнила столицу религиозными обществами, журналами, лженаучными изданиями, произведениями писателей-дилетантов.

Одновременно с кардиналом Яношем Чернохом крамольные статьи, подписанные инициалами С. Т., замечает и премьер-министр Иштван Тиса. Тисе, хоть и привыкшему к презрительным кличкам, которыми паделаля его пресса, посягательства на его имущественные тайны тем не менее показались дерзкими. Именно такое посягательство совершил Тибор Самуэли. Он неопровержимо доказал, что «образцовый хозяин», каким считали его в верхах, сам погряз в долгах, что финансовые дела премьер-министра вызывают подозрение. «На 7000 хольдов земельных владений графа Иштвана Тисы в Гесте, — пишет он, — приходится 3 212 610 крон долгов, а стоимость имения по самым объективным оценкам не превышает трех с половиной миллионов крон... «Образцовый хозяин» Иштван Тиса оказался несостоятельным... Миллионные долги намечают ему путь, который приведет его не к вечности, а к гибели». Статья, озаглавленная «Гибнущие джентри», открывается словами поэта: «И началась гибель некогда сильного мадьяра!»

К началу 1914 года готова рукопись книги Тибора Самуэли. Ее названием Самуэли избирает заголовок первой статьи «Страпа святой Марии во власти попов». На основе трудов историка Фракнои в этой главе рассказывается о том, как высшее венгерское духовенство прибирало к своим рукам несметные богатства. С лукавой радостью он обнаруживает в итальянской книге XIV века несколько строк, ядовитее которых трудно было бы и придумать в качестве вступления к книге: «Во имя распятия Господа Иисуса Христа и Матери Богородицы Девы Марии! Книга сия содержит избранные цветы: чудеса и божественные примеры от бедных слуг Христовых и его праведных сподвижников во славу Иисуса Христа. Аминь».

В двадцатых годах рукопись книги Самуэли хранилась в будапештской прокуратуре среди документов, связанных с деятельностью коммунистов. В 1922 году

Йожеф Секей делает о ней запись. Была ли у него возможность познакомиться с экземпляром рукописи, находившимся в полиции, или у него был второй экземпляр, неизвестно.

Йожеф Секей снял также копию титульного листа:

Баланс клерикализма

Попытка

определить моральную и материальную мощь
венгерской католической церкви

Автор

Тибор Самуэли

Будапешт

1914

В шести главах книги Тибор Самуэли показывает, какими богатствами владеет церковь, как она уклоняется от своих же обязательств по культурным расходам и стремится к накоплению еще больших богатств. Нет ничего удивительного в том, что издатель «Непсава» не решился на публикацию такой опасной книги. Тем не менее Оскару Фодору удалось найти небольшое издательство, рискнувшее ее выпустить.

В 1914 году Тибор Самуэли вновь отправляется в зарубежную поездку. В Париже он встречается со своим надъварадским другом Палом Араньошши. «В течение пяти недель я водил его не только по музеям, выставочным залам, театрам, историческим местам, — вспоминает он, — но и главным образом на открытые акции французского рабочего движения. Тибор хотел встретиться и завязать знакомство с тогдашними руководителями французской социалистической партии...» Из французской столицы Самуэли отправляется в Италию, проводит несколько дней в Ницце, а затем в Монте-Карло.

На родину Тибор Самуэли возвращается в конце июня 1914 года и спешит к своей семье в Ньиредьхазу. Лайош Самуэли с явным удовольствием выслушивает рассказ старшего сына о зарубежной поездке, гордится его журналистскими успехами и с нетерпением ждет выхода в свет его книги.

«За правду мы готовы бороться всегда, с кем угодно и в любых обстоятельствах...»

Из статьи Тибора Самуэли

Весть об убийстве в Сараеве (Босния) Франца Фердинанда застала Самуэли в Ньиредьхазе. Как истинный репортер, он спешит в редакцию «Сабольч вармедье», в которой когда-то работал, звонит в Рим и Вену, собирает факты о покушении на австрийского престолонаследника и пишет достоверный репортаж для специального выпуска газеты.

От призыва в армию его освобождают. По свидетельству брата Дьердя, однако, он вскоре лишается брони за антивоенные высказывания.

Точную дату его призыва сообщает Пал Араньошши: 15 января 1915 года Тибора Самуэли направляют в запасную роту 65-го пехотного полка, расквартированного в Шальготарьяне. Война перечеркнула его планы, связанные с изданием книги.

О последующем полугодии его жизни сохранилось мало точных данных. Вряд ли достоверны сведения об его антивоенных высказываниях, потому что в первые месяцы войны военная цензура вообще не допускала опубликования никаких материалов антивоенного характера.

Зная Самуэли, можно предположить, что он стремился прежде всего к тому, чтобы оказаться вблизи событий, и вряд ли сокрушался по поводу призыва в армию. Фронта он не боялся, он хотел писать о войне. Он готовился писать репортажи о событиях на фронте, об окопной жизни, а не о ханжеских благотворительных торжествах в тылу, где ретивые лжепатриотки собирали пожертвования для «проливающих на поле боя кровь, страдающих и терпящих лишения героев».

Вскоре у него появляется такая возможность. После призыва его направляют в школу вольноопределяющихся. Здесь он ссорится с одним из офицеров. В порядке

наказания его отчисляют обратно в полк и в марте 1915 года определяют в маршевую роту, отправляющуюся на фронт.

8 апреля 1915 года из Галиции при посредничестве журналиста социал-демократа Йожефа Погания он присылает редакции газеты «Непсава» свою первую корреспонденцию «На Днестре все спокойно...» Но «Непсава» не публикует статью, в которой рассказывалось о пасхальном братании русских и венгерских солдат, об их тяге к миру. Газета, считавшая, что никогда еще «не лилась благородная и бесценная кровь за более великое дело, за более великую историческую идею, чем сейчас, на полях сражений в Польше и Галиции», не пуждалась в таких статьях.

Тибор Самуэли не удивлялся тому, что отечественная социал-демократическая пресса ратовала за империалистическую войну. Он понимал, что его открытое выступление против войны обречено на провал, поэтому пытается предложить газете «Непсава» свой материал в жанре пасхального фронтового анекдота. Но и на этот раз не удается притупить бдительность редакторов.

Что мог поделать журналист, чьи материалы не публикует ни одна газета?

И все-таки капрал Тибор Самуэли находит способ выразить свое мнение о войне. В то время на фронте в моде были рукописные газеты, восхвалявшие войну. «А почему бы и нам не выпускать такую газету? — спросил он сержанта Андраша Тира. — Только наша газета была бы другой, юмористической». Андраш Тира добивается разрешения на выпуск газеты у капитана Аптала Мацашши, который снисходительно замечает: «Посмотрим, на что способен этот бумагомаратель!»

16 апреля 1916 года выходит первый номер газеты «Окоп и окрест». Заголовок сопровождается следующим текстом: «Регулярный выпуск газеты не гарантирован. Редакция и издательство — главная военная ставка во II взводе. Редактирует газету по принуждению доброволец капрал Тибор Самуэли. Без всякой надежды на доходы от подписки издательские права сохраняет за собой прапорщик А. Тира».

В письме Блажику в Рику Самуэли с нескрываемой гордостью пишет: «В примитивных условиях и в рамках допустимого юмора выпускаю газету «Окоп и ок-

рест», которая пользуется таким успехом, что слух о ней дошел до дивизии и даже выше».

Газета, состоявшая из четырех полос и содержавшая написанные карандашом статьи, версталась по всем правилам. Здесь были и передовица, и фельетон с продолжением, и разделы объявлений и юмора. Редактор умалчивает только об одном: всю газету приходилось делать ему одному. Он даже не исправляет ошибок, «чтобы в газете были и опечатки».

В апреле солдаты с нетерпением ждут пасхальные посылки. Но значительная часть доходивших до фронта благотворительных посылок оседала в штабах — господа офицеры тоже обожали кондитерские изделия.

Для Самуэли была ясна тема передовой статьи первого номера газеты «Окоп и окрест», и он пишет ее под заголовком «Пасхальные посылки». Но место под многообещающим заголовком осталось пустым, а до сведения солдат доводилось: «Статья с чрезмерными претензиями из-за ее нескромного и непочтительного тона не допущена к опубликованию цензурой».

Капитана Антала Мадашши пока что не тревожит тот факт, что доброволец-капрал выпускает юмористическую газету. Как настоящий фронтовой офицер, он презирает вышних «штабных крыс»: «Им не повредит, если кто-нибудь позубоскалит над нами!» Он не обращает внимания и на то, что вместо фельетона редактор помещает строки из польского гимна, взятые им из одной старой газеты:

Польша не попрапа!
В наших надеждах жива она.
То, что отняли у нее тираны,
Мы возвратим сполна.

К четверостишию он сделал примечание в расчете на недогодаливых: «Это стихотворение публикуется по заявке на оду».

Господи! капитан не обладал цензорскими навыками. От его внимания ускользает и другая статья о благотворительных посылках, в которой высмеиваются не только вышние офицеры бригадного командования. Он, скорее, сожалеет о том, что разрешил поместить в газете заметку «Народные гулянья на берегу реки».

«Сегодня на рассвете на берегу местами полноводной, местами мелководной реки, разделяющей девятую

роту, — говорилось в заметке, — состоялись народные гулянья личного состава роты с применением палок. Количество палок, которые раздавались как пасхальные благотворительные посылки, колебалось от 25 до 100, и таким образом был побит палочный рекорд роты. Личное первенство удерживает цыган Давид, который за недолгое пребывание во втором взводе получил 125 палок и в дополнение — 30 пощечин от капитана Мацашши. Подобная крепость духа поистине достойна признания!»

Господин капитан, надававший пощечин цыгану, в порыве раздражения возвращает присланный ему экземпляр газеты с решительным замечанием на полях рядом с текстом, в котором говорилось о 30 пощечинах: «Было всего две пощечины!»

Материалы газеты «Окоп и окрест» вызывают порой впечатление, будто рассказ об очередной истории ведется от лица бравого солдата Швейка — героя известного произведения талантливого чешского писателя Ярослава Гашека. «Был как-то я в далеких краях, за околицей деревни, в городе N, где господин старший лейтенант Шрайдеберг с беспримерным усердием дрессирует свою собаку по кличке Келеф, господин прапорщик Константинович ломает голову над тем, что будет на обед, а Давидович с поразительной споровкой утаивает сигареты, предназначенные для сержантов».

После такого вступления Самуэля с иронией описывает торжественную церемонию освящения знамени, на которой присутствовал его превосходительство генерал армии барон Пфланцер-Балтип в сопровождении несметного числа важных господ, «сверкавших красными лампасами и галунами и бряцавших саблями в ножнах щучьего цвета». Во время затянувшегося молебна корреспондент не отрывал взора от сурового лица генерала армии барона Пфланцера-Балтина и с ужасом думал: «Господи, что будет, если этот господин, чья власть поди выше твоей, господи, что если этот господин вдруг скамандует: «Армия, ложись! Армия, встать!»

К счастью, его превосходительству не взбрело в голову подать такую команду, поэтому более чем двумстам тысячам человек не пришлось шлепаться на живот и вскакивать на ноги. «Со столов бесшумно и незаметно исчезли сигары и сигареты, — заканчивает историю кап-
прал, — никого не удивило даже то, что бутылки с ви-

ном и шампанским каким-то загадочным образом обрели ноги и с войсковой кухни перекочевали в более приличные дома». В заключение корреспонденции ее автор пишет: «Другие подробности торжественной церемонии освящения знамени публикуются в ежедневной прессе».

Выпускать газету, выставляя господ офицеров на потеху солдатам, будучи всего-навсего капралом и имея на то разрешение всего лишь капитана,— дело пелегкое. Хотя эта ядовитая корреспонденция и была опубликована, уже четвертый номер газеты Антал Мадашши сопровождает более серьезным предупреждением: «Шлю бутылку шампанского в счет подписки с одним, однако, условием: если еще раз позволите подобную дерзость, редактор и издатель получают по десять палок».

Бутылка шампанского означала, что капитан пока не намеревался запрещать выпуск газеты «Окоп и окрест» — он просто хотел припугнуть редактора. Только эту угрозу молодой человек, распивший шампанское вместе с Андрашем Тира, успел предупредить в передовой статье этого же номера: «...Как дитя свободы печати, газета «Окоп и окрест» пользуется этой свободой, и лишать ее этого права было бы преступлением; вот почему и нас не испугает угроза оказаться по приказу командования выброшенными на колючие провололочные заграждения одиннадцатой роты. За правду мы готовы бороться всегда, с кем угодно и в любых обстоятельствах, и пусть от нас не ждут угодливости и унизительного смирения».

Старшина, обладавший достаточной решительностью, и капитан, с удовольствием потешавшийся над высшими офицерами, сами того не сознавая, в первые годы мировой войны обеспечили Тибору Самуэли возможность средствами политического юмора разоблачать злоупотребления и тупость штабного офицерства. Единственным средством вести антиофицерскую агитацию в окопной газете, говорить правду был юмор. Будапештская печать пишет о «благородных идеях» войны, за которые «если и умирают, то весело умирают солдаты». С отчаянным риском выполняющий редакторскую работу капрал пишет по этому поводу: «С веселым настроением умирают люди и лишь потом сожалеют, что им было так весело. Но слишком поздно. Мертвому ведь не помогают припарки».

Что давала война простым солдатам? Ответ на этот вопрос подсказывало небольшое объявление, помещенное в соответствующем разделе газеты: «Сдается или продается по сходной цене прекрасно отделанный склеп с двумя окнами и отдельным входом. Писать под девизом «Пуля в лоб», Полевая почта 92».

Рапо или поздно капитан Мадашши все-таки привел бы в исполнение свою угрозу, а возможно, такое «потешное редактирование» имело бы и более серьезные последствия. Но началось наступление русских, и 14 мая 1915 года вместе с тысячами своих соотечественников Самуэли попадает в плен¹.

¹ К концу 1917 года в Советской России насчитывалось 1 670 395 солдат и 54 146 офицеров — бывших военнопленных из Австро-Венгрии (ЦГАСА, ф. 28361, оп. 3, д. 398, л. 1). Многие венгерские военнопленные принимали активное участие в Октябрьской революции, в установлении Советской власти. Советское правительство дало военнопленным все гражданские права, какими пользовались трудящиеся России. Они создавали свои революционные организации. (См. История Венгрии, т. III, с. 25.)

«Театр военнопленного Яноша»

В каком лагере для военнопленных оказался Тибор Самуэли, неизвестно — сохранилось мало достоверных документов об этом периоде его жизни. С Анталом Погоньи, чьи стихи еще до войны публиковались в эгерских газетах, он встречается, по-видимому, в Красноярске. Ставший впоследствии писателем и переводчиком художественной литературы Антал Погоньи вспоминает: «Это был чрезвычайно подвижный, любивший спорить молодой человек, пользовавшийся авторитетом, потому что увлекался марксистской литературой, владел немецким и итальянским языками...»

В лагерях для военнопленных Самуэли впервые познакомился с марксистской литературой. Он относительно быстро научился говорить по-русски и, очевидно, познакомился с рядом марксистских работ на русском языке. Однако революционером его сделали прежде всего те события, свидетелем и участником которых он оказался в Советской России.

В декабре 1915 года Самуэли переводят в лагерь для военнопленных близ Даурии. Отсюда 25 июля 1916 года он шлет Блажику письмо и просит сообщить ему новости с родины. Самуэли нуждался в информации из Венгрии, потому что и здесь, среди военнопленных, он организовал выпуск юмористической газеты, которую назвал «Даурия».

Первый номер «Даурии» вышел в воскресенье 25 декабря 1915 года. Она была написана от руки чернилами на больших листах бумаги. Как и «Окоп и окрест», «Даурия» версталась по всем газетным правилам. Ради шуток указана была и подписная месячная цена — один рубль. Газета выходила, по-видимому, с одобрения пленных офицеров, потому что главным объектом ее юмористических выпадов было царское офицерство.

В офицерском бараке организуется господское казино, и пленные офицеры довольно быстро находят общий язык со своими русскими «коллегами» — их объединяет презрение к солдатской массе. Тем временем обеспечение военнопленных солдат ухудшается, усиливая среди них педовольство.

Самуэли и па этот раз находит способ разоблачения царивших в лагере несправедливых порядков.

«Рождество! Что же припесло оно нам в Даурию?» — размышляет преисполненный решимости редактор. Для большей выразительности перечисление «рождественских подарков» приводится вразбивку:

полное взаимопонимание —

венгерским и австрийским господам офицерам,
варплату —

господам кадетам,
денежную падбавку —

офицерскому пополпению,

щи из мерзлой капусты —

солдатам.

Можно догадываться, что «Даурия» пользовалась большей популярностью у обитателей солдатских барачков, чем у офицеров. Страдавшие от холода и голода солдаты наверняка от души хохотали над таким «объявлением»: «Наше предприятие предлагает свои услуги по доставке на дом первоклассного казенного топлива по цене 30 рублей за один кубометр. Наша задача облегчается тем обстоятельством, что все топливо находится рядом с кухней пленных офицеров, поэтому за доставку мы берем баспословно низкую плату».

На повогодном вечере, который устроили в холодном зале офицерского помещения, Самуэли выступает в роли конференсье. «Вы не можете себе представить, — пишет он в девятом номере «Даурии», — как я стыл от холода в тот депь за кулисами. Другие — тоже. Не удивляйтесь поэтому (и мы приносим за это извинения), что наши самые лучшие реплики так и остались свежезамороженными».

Неизвестно, было ли пианино в том холодном зале, но если оно было, то конференсье наверняка садился за него, чтобы после нескольких аккордов объявить следующий номер: «Театр военнопленного Яноша!»

В Даурии рядовые пленные солдаты оставались бес-

правными — рождественские посылки и здесь осодали в офицерских бараках. А на долю солдат оставались вши и щи из мерзлой капусты. Вот почему сатирические роулики Самуэли — Яноша, основавшего этот театр, сопровождались громким хохотом. Особенно популярными оказались «Письма лейтенанта Питью». Лейтенант оповещает свою супругу о том, что он скоро вернется с фронта домой, потому что у него обнаружили шрам от раны на голове. А шрам этот остался у него еще с детства, когда его уронили на пол вниз головой. Господам офицерам, естественно, не понравилось новогоднее представление, а тощая фигура двадцатилетнего капрала явно вызывала у них антипатию.

В подтверждение этого приведем слова самого Самуэли. В январском номере «Даурии» он пишет о том, что вскоре будет организовано еще одно представление, и добавляет: «Ходят, однако, слухи, что среди господ офицеров уже нарастает оппозиция и они готовы сорвать наши планы».

Во второй половине 1916 года из Даурии его переводят на Урал, а затем в соликамский лагерь для военнопленных. «Во всех лагерях,— пишет Бела Кун,— он вел социалистическую антивоенную агитацию среди военнопленных...»

Будучи капралом — кандидатом в офицеры,— Самуэли тем не менее жил в солдатском бараке и всякий раз отклонял возможность переселиться к офицерам. Раздраженные строптивостью капрала, «заражавшего солдат социалистической отравой», однажды ночью они врываются в барак и сильно избивают его. На несколько месяцев Самуэли оказывается в госпитале — «господа офицеры» сломали ему два ребра. После выздоровления Самуэли переводят в один из крупных лагерей для военнопленных в Надеждинске. Отсюда Самуэли совершает побег, чтобы попасть в Америку: он знает, что в Нью-Йорке выходит на венгерском языке социалистическая газета «Элёрё» («Вперед»), где бы он мог быть полезен как журналист.

На русско-финской границе его задерживают, избивают и с первым же транспортом отправляют обратно, в Надеждинск. Америка обернулась для него штрафным бараклом в лагере военнопленных.

«...Два-три заседания ежедневно...»

Узников штрафного барака в лагере надеждипского лагеря освободила величайшая революция двадцатого века — Октябрьская социалистическая революция. Вышел на свободу и Тибор Самуэли.

В январе 1918 года он уже в Москве. И сразу же направляется в гостиницу «Дрезден». Московский центр организации военнопленных-интернационалистов — Комитет военнопленных — находится в этой гостинице. Революционно настроенные военнопленные, не колеблясь, помогают русским товарищам. В Комитете рассказали Самуэли, его представляют венгерским членам организации печатнику Палу Гистлу и токарю Ференцу Ячнику. «Наконец-то хоть один пишущий человек, — восклицает Ячник, — мы вот как раз сочиняем листовку!»

Не теряя времени на лишние разговоры, Самуэли готовит текст листовки, призывающей венгерских революционно настроенных военнопленных выступить на защиту пролетарской революции. Вскоре он встречается с писателем Фридьешем Карикашем, который в 1917 году участвовал в московском вооруженном восстании. Теперь он бывает на московском заводе Гужона¹ и вместе с другими интернационалистами организует военнопленных пролетариев.

Руководители Октябрьской революции придают важное значение организации революционно настроенных военнопленных-пролетариев. Александра Михайловца Коллонтай в статье, опубликованной в «Правде», называет военнопленных пролетариев братьями русских пролетариев, потому что и тех и других на смерть посылали общие враги — злые, враждебные силы капитала.

В январе Комитет военнопленных созывает конфе-

¹ Ныне завод «Серп и молот».

рению представителей лагерей военнопленных, находящихся на территории московского военного округа. Из Петрограда в Москву на конференцию прибывает один из венгерских журналистов, представлявший теперь вышедшую на венгерском языке газету интернационалистов «Немзеткёзи социалишта» («Социалист-интернационалист»).

Самуэли еще до войны несколько раз встречался с Бела Куном — а это был именно он. Теперь они приветствовали друг друга в Комитете.

Оба были в штатском, навсегда сбросив с себя военные мундиры австро-венгерской армии. Бела Кун писал о первой встрече: «У него еще болел бок, но, невзирая на недомогание, он ежедневно участвовал в двух-трех заседаниях.

Самуэли рассказал мне о своем намерении уехать в Америку. Я отговаривал его, советуя остаться в Советской России, в Петрограде, перейти к нам в редакцию, остро нуждавшуюся в эффективной помощи грамотного и опытного журналиста-революционера»¹.

Сначала Самуэли настаивает на своем: «Все-таки я попробую еще раз!» Бела Кун пытается убедить его в бессмысленности этой затеи. После конференции Самуэли провожает на вокзал отправлявшегося в Петроград Бела Куна. Выждав, когда он займет свое место в купе, Самуэли кричит ему на прощание: «Я останусь в Советской России и буду сотрудничать с газетой „Немзеткёзи социалишта“».

Комитет направляет к военнопленным своих агитаторов. Получив 4 марта 1918 года удостоверение агитатора, Самуэли едет по заданию Комитета в Орел, Смоленск, Пермь и другие города. Здесь одна за другой возникают организации военнопленных. 24 марта 1918 года создается Венгерская коммунистическая группа Российской Коммунистической партии (большевиков)². Ее председателем стал Бела Кун. Тибор Самуэли назначается комиссаром по военно-организационным делам. 3 апреля в Москве выходит первый номер газеты «Со-

¹ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике. М., 1966, с. 485.

² Группа получила официальное название «Венгерская группа РКП(б)». (См.: Йожа А., Милош Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977, с. 129.)

циалиш форрадалом» («Социальная революция») ¹. Комиссар по военным делам не может удержаться от соблазна заняться журналистикой и одновременно с решением военных вопросов принимает активное участие в редактировании «Социалиш форрадалом».

Он работает круглые сутки — из Комитета спешит в редакцию, из редакции — в типографию, где возникают самые неожиданные проблемы. В русской типографии, например, не хватает таких литер, которые часто употребляются в венгерском тексте. Букву «z» поначалу пришлось заменять буквой «x», пока русские друзья-печатники не изготовили недостающие латинские литеры. Вместе со старым знакомым по Надьвараду Кароем Вантушем, который был вторым ответственным редактором газеты, и Палом Гистлом, используя каждую свободную минуту, он верстает очередной номер газеты, вычитывает грапки. Пал Гистл и другой печатник Рудольф Гарашин не переставали удивляться типографским навыкам и редакторской компетентности Самуэли.

«Без новостей с родины нам не обойтись, — тормозит своих друзей Самуэли. — Надо что-то предпринять». И сам же находит выход из положения — налаживает связь с писателем и журналистом Эрнё Брестовски, бывшим в то время корреспондентом газеты «Непсава» в Швейцарии, и просит его присылать ему будапештские газеты. И вот один раз в две недели в московскую редакцию «Социалиш форрадалом» начали поступать пакеты с тщательно подобранными номерами газет «Будапешти хирлап» («Будапештские новости») и «Непсава». Тем временем в редакции «Непсава», не подозревая о связи Самуэли и Брестовски, с удивлением читают ма-

¹ Печатный орган группы — газета «Социалиш форрадалом» ставила своей целью распространение коммунистических идей среди военнопленных в России и пролетариев и крестьян в Венгрии в интересах социальной революции. Одной из главных задач газета считала распространение в популярной форме «истинного революционного марксизма», «научного обобщения классовой борьбы пролетариата».

До осени 1918 года «Социалиш форрадалом» выходила дважды в неделю, а затем до марта 1919 года — раз в неделю тиражом 14—20 тысяч экземпляров. Почти за год своего существования редакция выпустила 78 номеров, общий тираж которых составил около полутора миллионов экземпляров. Членами редакционной коллегии были Бела Куш, Тибор Самуэли, Эндре Рудиянски, Карой Вантуш.

териалы своего швейцарского корреспондента, содержащие обилие московских новостей.

Газета пока еще продолжает публиковать эти материалы, в которых он довольно сдержанно интерпретирует информацию из «Социалистического фронта» — газеты, резко разоблачавшей соглашательскую политику Социал-демократической партии Венгрии.

В будапештском управлении полиции с тревогой-listают первые номера газеты «Социалистический фронт», а проворные сыщики пытаются напасть на след ее распространителей. Однако их усилия оказались тщетными. «Социалистический фронт» и серию выпускаемых в Москве революционных брошюр нелегально переправлял в Будапешт левый журналист Фаркаш Лебович.

С апреля по декабрь 1918 года Тибор Самуэли написал для «Социалистического фронта» 23 статьи. Кроме того, он выпускает три брошюры и составляет большое количество листовок. По свидетельству современников, с марксистскими идеями Самуэли познакомился еще в лагерях для военнопленных, как уже упоминалось, а в 1918 году он изучает главным образом работы Владимира Ильича Ленина.

Как известно, еще летом 1914 года В. И. Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, в революцию против господствующих классов. Этот лозунг был встречен враждебно социал-шовинистами и педоверчиво, скептически — социал-демократами, а также не был принят большинством на международных социалистических конференциях в Циммервальде (август 1915 г.) и Кинтале (апрель 1916 г.). Тибор Самуэли не знал об этих конференциях, но, если бы вдруг оказался на них, он, несомненно, выступил бы на стороне Ленина.

14 апреля 1918 года в Москве открылся Всероссийский съезд военнопленных. Делегаты приняли резолюцию, осуждавшую грабительские условия Брестского мира, навязанные Советской России империалистической Германией и Австро-Венгрией. В резолюции подчеркивалась революционная решимость военнопленных бороться посредством вооруженного восстания у себя на родине против своих угнетателей и правительств «до тех пор, пока не будут уничтожены милитаризм и капитализм и на их развалинах не будет построена

воиалистическая Советская республика рабочих и крестьян»¹.

Тибор Самуэли был делегатом съезда².

На страницах «Социалиш форрадалом» Тибор Самуэли призывает военнопленных быть готовыми к борьбе. Он пишет о том, что в рабочих кварталах Будапешта, Праги, Вены патрулируют тирольские стрелки в киверах с петушиными перьями, охотятся за «бунтовщиками». Дело в том, что ни на венгерских солдат в Праге, ни на чешских солдат в Будапеште власти уже не могли опираться. Вот почему из Тироля вызвали верных императору горных стрелков и хотели с помощью их ружей сеять смерть среди революционного пролетариата. «То, что происходит сейчас в Австрии и Венгрии, является элементарным примером того, как рождается революция», — писал Самуэли.

В мае 1918 года создаются первые венгерские коммунистические курсы агитаторов. Постоянные лекторы — Бела Кун, Тибор Самуэли, Карой Вантуш, Эрпё Пор. Среди венгерских революционно настроенных военнопленных распространяется призыв записываться на курсы агитаторов. На одном из занятий военного комиссара и лектора курсов Тибора Самуэли ждал сюрприз: из Ташкента приехал его младший брат Ласло. «Я тоже приехал учиться коммунизму», — сказал он старшему брату.

¹ См. «Szociális Forradalom», 22.IV.1918.

² Во время работы съезда его участники собрались у Кремлевской стены и возложили венок на могилу павшим в революционных боях. Тибор Самуэли произнес пламенную речь, в которой призывал не прекращать борьбу с врагами пролетариата до полной победы. (См. История Венгрии, т. II, с. 27.)

Встань, мадьяр, зовет революция!

Лекторов курсов агитаторов приходилось иногда отвлекать от занятий. Летом 1918 года Тибора Самуэли направляют в Казань. Ему поручается координирование боевых действий интернациональных отрядов. По возвращении из Казани он докладывает о своей поездке Ленину. После официального доклада Ленин спросил о премьер-министре Тисе. «Это — венгерский Трепов», — сказал Самуэли, сравнив венгерского премьер-министра с палачом русской революции 1905 года, бывшим царским министром внутренних дел. В беседе участвовал также Бела Кун. Позже Б. Кун писал: «Во время этой встречи Ленин долго беседовал с нами о Венгрии, о борьбе там за всеобщее избирательное право, расспрашивал о Тисе, о венгерской социал-демократической партии и особенно интересовался, готовы ли мы создать свою, самостоятельную коммунистическую партию или собираемся пока оставаться в рядах социал-демократической партии. Самуэли сослался на статьи, опубликованные в «Социалистическом форрадалом», в которых мы развернули ожесточенную борьбу против венгерской социал-демократической партии. Ленин одобрил нашу работу, направленную на быстрейшее создание Компартии Венгрии»¹.

В июле в Москве вспыхивает эсеровский мятеж. Мелкобуржуазная партия русских социалистов-революционеров возникла в России в конце 1901 — начале 1902 года. В ходе развития революции партия эсеров стала контрреволюционной. «Левые эсеры», оформившиеся в партию из фракции партии эсеров в декабре 1917 года, после победы Великой Октябрьской социалистической революции сотрудничали с большевиками, и их представители вошли в состав первого Советского правитель-

¹ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике, с. 488—489.

ства. После заключения Брестского мира они вышли из Совнаркома и начали открытую борьбу против Советской власти, организовывали вооруженные мятежи и заговоры, совершали террористические акты. К числу таких акций относился и мятеж в Москве.

Контрреволюционерам удалось захватить Главный почтамт и разослать во многие города лживые сообщения, что Советская власть пала. Вместе с отрядом красноармейцев, с делегатами V Всероссийского съезда Советов¹ слушатели венгерских курсов агитаторов, другие интернационалисты разгромили левоэсеровскую группу, захватившую почтамт. Одной из групп командовал молодой венгр в кожаной тужурке. Это был Самуэли. Мятеж подавили в течение нескольких часов. И вскоре телеграфист оповестил мир: «Эсеровский мятеж подавлен! Москва в руках большевиков!»

Самуэли уже свободно говорил по-русски. Один из его друзей по курсам агитаторов пишет: «Немногие из нас в начале 1918 года так свободно говорили по-русски, как он». Закаленные в боях русские революционеры называли Тибора «рыцарем коммунизма» — даже в бою он придавал значение внешнему виду и с такой же элегантностью носил кожанку, как и самый модный пиджак шесть лет назад в довоенном Будапеште.

После подавления мятежа венгерские интернационалисты возвратились к занятиям на курсах агитаторов. В перерывах между лекциями они спорят о том, как развернуть революционную борьбу дома, в Венгрии. «Делать революцию, — считает Самуэли, — всегда более прекрасная задача, чем теоретизировать о самой революции или о ее причинах, но и теоретизирование необходимо». Вести с родины он воспринимает с позиций интернационалиста, участвующего в революционных российских событиях.

Идеи антимилитаризма, выдвинутые Лениным в Циммервальде, доходят и до Венгрии. Под воздействием Октябрьской революции в России растет и усиливается левое революционное крыло венгерской социал-демократии.

¹ 4 июля 1918 года открылся V Всероссийский съезд Советов. 8 июля после трехдневного перерыва съезд Советов возобновил свою работу, но уже без участия левых эсеров, поднявших мятеж.

Венгерские антимилиитаристы стали на родине вести агитацию против империалистической войны, за братание с русскими солдатами, за социалистическую революцию.

Активизировала свою работу и нелегальная антимилитаристская организация — группа революционных социалистов (Отто Корвин, Илона Дучинска, Тивадар Шугар, Йожеф Келен, Дежё Вега, Имре Шаллаи и др.). Они налаживают связь с революционно настроенными русскими военнопленными, а также с революционером-большевиком Владимиром Юстусом. В январе 1918 года полиция арестовывает руководителей движения, но ей не удается раскрыть их связи с рабочими.

Самуэли следит за борьбой сторонников большевизма в Венгрии. В газете «Социалистический фронт» он пишет о них: «Из материалов военного трибунала вырисовывается все более полная картина того разгорающегося в подполье и преодолевающего всяческий гнет и насилие движения, которое подготавливает революцию в Венгрии... Лидеры официальной социал-демократии... продают и предают поднимающееся и свидетельствующее о внутренней мощи венгерского пролетариата движение, пытаются погасить революционный накал потоком предвыборной трескотни... Массы выдвигают новых лидеров, тех, кто вдохновлен революцией, кто лучше видит задачи пролетариата, кто бескомпромиссно идет по пути классовой борьбы. Эти венгерские провозвестники большевизма — новые люди, которых предадут суду военного трибунала».

Самуэли интересуется также деятельностью левого крыла социал-демократической партии, пишет на страницах «Социалистического фронта» о Енё Ландлере и Енё Гамбургере.

В своих листовках революционные социалисты призывают венгерских рабочих и солдат к революционной борьбе. Одна из таких листовок заканчивается страстными словами из «Национальной песни»¹ Шандора Петёфи:

Встань, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно:

¹ Петёфи Шандор. Собр. соч. в 3-х т. Изд. «Корвина», 1964, т. II, с. 35.

Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?¹

В то же самое время в Москве Тибор Самуэли пишет свои знаменитые статьи, в которых звучит пабат: «Гудят колокола, трубят тревогу трубы. Встань, мадьяр! Золет революция!»

О подпольной деятельности революционных социалистов Венгрии становится известно в московской редакции «Социалистическом форрадалом»². Но Тибор Самуэли тогда еще не знал, что ими руководит тот самый молчаливый и замкнутый молодой человек, с которым когда-то его познакомил Золтан Фрапью в кафе «Криштай». Это был Отто Корвин.

17 октября 1918 года выразитель интересов венгерских помещиков граф Иштван Тиса вынужден был заявить в Государственном собрании, что Венгрия проиграла эту войну.

25 октября представители СДП, партий Каройи и Яси официально заявили об образовании Венгерского национального совета.

Революционный накал масс усиливался изо дня в день. В эти дни Самуэли пишет: «Доживающая послед-

¹ Перевод Л. Мартынова.

² В условиях назревания революции в Венгрии не было подлинно революционной партии, способной повести за собой рабочий класс. Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ), имевшая за плечами почти три десятилетия легальной деятельности, была в то время единственной партией рабочего класса. Однако ее руководство находилось в основном в руках правых реформистов и центристов, поддерживавших буржуазию и, в сущности, пытавшихся превратить партию в ее прислужницу.

Среди оппозиционных к правоцентристскому руководству СДПВ разрозненных групп самой значительной была группа, объединившая к 1918 году левых, исключенных из СДПВ еще перед войной. Следует назвать группу циммервальдцев, так называемых антиимпериалистов (Отто Корвин, Йозеф Реван, Имре Шаллан и др.) и революционных синдикалистов. Эти группы и составили в Венгрии накатуне буржуазно-демократической революции радикальное революционное течение, затем в ноябре ставшее одной (наряду с левыми социал-демократами и прибывшими из России коммунистами) из трех составных частей первой в истории страны марксистско-ленинской партии.

В октябре 1918 года участники этого революционного течения вели особенно активную деятельность, превращая стихийные антивоенные и антиправительственные выступления трудящихся в организованное движение. (См. История Венгрии, т. III, с. 44, 45.)

ние минуты великодержавная германская карточная крепость уже не обеспечивает убежища своим мелким паразитам; немецким одеялом уже не прикрыть интересы австро-венгерских грабителей. Вчера Болгария, сегодня Турция, а завтра... настанет очередь и других. Сусличьи норы наполнены водой. И не долго ждать, пока императорские короны свалятся с державных голов, а вместе с коронами — и пустые головы».

В октябрьских событиях 1918 года, за которыми трудно было следить из Москвы, он замечает искры пролетарской революции. «Создаются также небольшие коммунистические группы, — пишет он, — которые с подлинно революционной сознательностью приступили к подготовке вооруженного восстания и передаче политической власти в руки пролетариата».

В Венгрии сложилась революционная ситуация, но не было революционной партии. 31 октября 1918 года в стране победила буржуазно-демократическая революция¹.

Для находившихся в Советской России организованных венгерских интернационалистов события на родине не были неожиданными. За шесть дней до них, 25 октября 1918 года, они заявляют о необходимости создания Коммунистической партии Венгрии.

Члены венгерской секции РКП(б) созвали в Москве (в гостинице «Дрезден») 4 ноября 1918 г. совещание, на котором обсуждали положение в Венгрии. Участники совещания приняли решение о том, чтобы основная часть бывших военнопленных выехала в Венгрию и развернула там работу по созданию Коммунистической партии².

«Революция уже разворачивается по всему миру, —

¹ Перед победившей в Венгрии буржуазно-демократической по своему характеру революцией стояла задача осуществить программу-минимум рабочего класса: свергнуть монархию, разрешить аграрный вопрос.

Коалиционное правительство Каройи всю свою деятельность направило на спасение буржуазного строя и габсбургского трона; намеченными в своей программе реформами оно стремилось упрочить поколебленную в дни революции власть господствующих классов. Это ставило на повестку дня необходимость борьбы за социалистическую революцию. (См. История Венгрии, т. III, с. 62, 63.)

² 17 ноября 1918 года группа во главе с Бела Куном прибыла в Будапешт и приступила к работе.

говорил Бела Кун. — Самое крупное препятствие на ее пути сегодня — это социал-демократические партии, которые, подобно меньшевикам, добровольно отказываются от власти... Встает лишь вопрос о том, можем ли мы в противовес социал-демократической партии организовать свою партию — Коммунистическую партию Венгрии? Говорят, нас маловато. А вы спросите у кого хотите, у любого большевика, сколько их было, когда в феврале вспыхнула русская революция?»¹

Самуэли не было на совещании 4 ноября.

В последнюю неделю октября из Москвы в Варшаву через Брест-Литовск отправился поезд. В поезде были советские дипломаты. Один из них ехал под именем Степана Александровича Краузе. По внешнему виду этого молодого человека, отращивавшего усы, можно было приять за туриста. «В таком дальнем пути усы отрастут обязательно, Степан», — говорил Краузе (а им и был Тибор Самуэли) советский дипломатический курьер, ехавший с ним вместе.

В 1932 году Бела Кун писал об обстоятельствах этой поездки. По его мнению, Тибор Самуэли отправился в дальний путь для того, чтобы с помощью Эриё Брестовски и Фаркаша Лебовича наладить связь с директором Будапештской библиотеки Эрвином Сабо² и через Швейцарию установить контакты с венгерской оппозицией. Возможно, это было первоначальной целью или по крайней мере одной из целей поездки. По-видимому, с чрезмерной долей оптимизма Бела Кун считал воевавшего с правыми социал-демократами Эрвина Сабо одним из вероятных лидеров будущей коммунистической партии. Но в ночь с 29 на 30 сентября в возрасте сорока одного года Эрвин Сабо скончался, и весть о его смерти застала Самуэли еще в Москве. 19 октября 1918 года

¹ К у н, Б е л а. О Венгерской Советской республике, с. 118—119.

² Сабо, Эрвин — выдающийся деятель венгерского рабочего движения. Работал в библиотеке Парламента, затем Промышленно-торговой палаты, а с 1904 года до конца жизни — в столичной библиотеке. Глубокая эрудиция, широкая образованность Э. Сабо, исключительная честность, убежденность, высокая чистота его натуры привлекали к нему сердца молодых социал-демократов. В числе их были члены студенческой социалистической организации Бела Ваго, Карой Вантуш, Дюла Алпари, Енё Ласло, Бела Кун. (См. История Венгрии, т. II, с. 375.)

Бела Кун писал в газете «Правда», имея в виду Э. Сабо: «Смерть помешала тому, чтобы Венгрия обрела в его лице лидера коммунистической партии — интернационалиста».

Так что, отправляясь из Москвы в конце октября 1918 года, Тибор Самуэли не мог уже, естественно, ставить задачу наладить связь с Эрвином Сабо. Бела Кун, видимо, допустил неточность, говоря о событиях четырнадцатипятилетней давности.

Закономерен вопрос: какова же была действительная цель поездки Самуэли? Не имея в распоряжении связанных с поездкой документов или свидетельств современников, об этом можно лишь догадываться. Еще до победы буржуазно-демократической революции группа из 20 венгерских коммунистов, в числе которых был соратник Бела Куна Эрнё Зайдлер, отправляется на родину, чтобы на месте изучить обстановку¹. Мог ли Самуэли налаживать контакты с отечественной оппозицией в конце октября через Швейцарию, если эту попытку уже предприняла упомянутая группа? Тем более что в ноябре на родину возвращаются еще 200 коммунистов, среди которых был и Бела Кун. О связанных с этим планах Самуэли знал еще до отъезда из Москвы.

Как же развивались события?

30 октября Самуэли прибывает в Берлин. Здесь он встречается и ведет переговоры с Карлом Либкнехтом, который просит информировать Бела Куна о том, что вскоре будет создана Коммунистическая партия Германии. Самуэли пишет письмо Бела Куну, который не успевает его получить: 6 ноября с паспортом на имя полкового врача Эмиля Шебештьена вместе с другими товарищами он отправляется в Венгрию.

Ответ на вопрос о цели поездки Тибора Самуэли, вероятнее всего, следует искать в его берлинских переговорах. В нашем распоряжении нет пока документа, подтверждающего поручение, которое выполнял Самуэли, ведя переговоры с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Неизвестно также содержание переговоров, хотя сохранилось немало писем Ленину о других подобного

¹ Коммунистическая венгерская группа нелегальным путем направила в Венгрию своих представителей для налаживания связей с левыми социал-демократами.

рода переговоров. Бела Кун, например, встречался с социал-демократом Фридрихом Адлером, о чем он пишет Ленину 5 января 1919 года и в этом же письме подчеркивает: «Мы прекрасно знаем, что наша судьба решается в Германии, но независимо от этого мы делаем все возможное, чтобы подготовить рабочих к взятию власти»¹.

Учитывая сложившуюся в то время обстановку, можно предположить, что в октябре 1918 года Карл Либкнехт и Роза Люксембург говорили со Степаном Александровичем Краузе о реальных перспективах революции в Германии. О письме Самуэли Бела Кун узнает лишь в 1920 году — по-видимому, оно сохранилось в архиве венгерских коммунистов в Москве.

В ноябре 1918 года Самуэли прибывает из Берлина в Швейцарию. Однако швейцарские власти высылают из страны вызвавшего подозрение Краузе-Самуэли, выпроваживая назад, к германской границе. Отсюда не лишенным приключений путем Самуэли возвращается в Москву, где узнает, что Бела Кун уже в Венгрии. В те дни ему не было известно, что возвратившиеся из России коммунисты, действовавшие на родине революционные социалисты и левые социал-демократы основали Коммунистическую партию Венгрии.

24 ноября 1918 года, когда Тибор Самуэли был на пути в Москву, в доме 42 по улице Варошмайор в Будапеште, на квартире Йожефа Келепа, состоялось учредительное собрание революционной партии венгерского пролетариата. Об обстоятельствах организации партии он узнает от Бела Куна через пять недель.

Некоторое время Тибор Самуэли еще находится в Москве, пишет работу «Что произошло в Венгрии», а затем 25 декабря вновь отправляется в путь. И вновь под фамилией Степана Александровича Краузе.

Вторая поездка в Берлин дает больше оснований предполагать, что с руководителями формирующейся Коммунистической партии Германии Тибор Самуэли, видимо, встречался по рекомендации советских товарищей. К тому же известен факт, что 25 декабря вместе с ним из Москвы отбыл Фаркаш Лебович, знавший Ленина еще по швейцарской эмиграции. В письме, на-

¹ Кун, Б. а. О Венгерской Советской республике, с. 121.

писанном в феврале на немецком языке, он информирует Ленина об обстановке в Австрии, Чехословакии и, конечно, в Венгрии. Копию письма Ленин передаст народному комиссару иностранных дел Георгию Васильевичу Чичерину, а оригинал оказывается в архиве венгерских коммунистов.

Вполне вероятно, что Самуэли просил немецких левых социал-демократов, руководителей «Союза Спартака»¹ оказать помощь также венгерскому революционному движению. «Союз Спартака» образовался в 1916 году. Ленин высоко ценил революционную, антимилитаристскую деятельность этой организации². В декабре 1918 года, когда спартаковцы, признав свои старые ошибки, пришли к выводу, что победа немецкой революции невозможна без самостоятельной пролетарской партии, в истории немецкого рабочего движения начинается новый этап. Самуэли принимает участие в работе учредительного съезда Коммунистической партии Германии, проходившего 30 декабря 1918 — 1 января 1919 года. Тогда еще ни сам он, ни его немецкие товарищи не знали, что он приветствовал делегатов съезда братской партии, уже будучи членом Центрального Комитета Коммунистической партии Венгрии³.

¹ Группа «Спартак» с ноября 1918 года стала называться «Союз Спартака». Революционная деятельность этой организации подготовила создание в декабре 1918 года Компартии Германии.

² В. И. Ленин, отмечая заслуги спартаковцев, в то же время критиковал их ошибки.

³ Тибор Самуэли был кооптирован в состав ЦК КПВ в начале января 1919 года. (См. История Венгрии, т. III, с. 76.)

«Он будет говорить о коммунизме?»

В январе 1919 года Самуэли прибывает в Будапешт. Его имя уже хорошо известно на родине — в газетах и полицейских донесениях его называют то русским народным комиссаром, то членом Советского правительства.

Прибыв в Будапешт, «русский нарком» спешит на квартиру Бела Куна на улице Юдьёк. Едва обменявшись приветствиями, Самуэли «отчитывает» Бела Куна: «Вы все-таки беспечный человек! Четыре детектива околачиваются вокруг дома. Вас кто угодно и когда угодно может прихлопнуть в этой квартире. Почему вы не выбрали себе более подходящее жилье, где хватало бы места и для нескольких товарищей из бывших слушателей московских курсов агитаторов?»¹

Он был, конечно, прав. В конце декабря — начале января, встревоженная тем, что ряды Коммунистической партии Венгрии росли и крепили, в Будапеште зашевелилась контрреволюция. Министр внутренних дел Винце Надь дает полиции санкции на репрессии против коммунистов. Издаётся приказ: «Бела Кун должен быть арестован». Военный министр готовится объявить 7 января чрезвычайное положение и хвастливо заявляет своим подчиненным, что «лидеры большевистской коммунистической партии будут схвачены в ранние утренние часы в своих постелях».

«Вы правы, Тибор», — говорит Бела Кун. Тибор Самуэли, однако, не удовлетворяется лишь его согласием и уже в тот же день инструктирует одного из выпускников московских курсов агитаторов и поселяет его по соседству с Бела Куном. На следующее утро поездом он сам отправляется в Ньиредьхазу, где еще в декабре его братья Ласло, Дьердь и Золтан организовали ком-

¹ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике, с. 490.

мунистическую ячейку. Братьям, кроме того, удалось склонить на свою сторону личный состав артиллерийского полка, большинство совета уполномоченных гусарского полка и самую влиятельную в Ньиредьхазе рабочую организацию — группом профсоюза печатников.

Лайоша Самуэли тревожит коммунистическая активность сыпшей — он даже не испытывает особой радости от встречи со старшим сыном, который тут же принимается обсуждать с братьями план завтрашнего митинга в городском театре. Смутным ему представляется и само название лекции, с которой Тибор собирается выступить на митинге: «Империалистическая диктатура или диктатура пролетариата».

«Мэр города скрепя сердце разрешил проведение митинга», — рассказывал Ласло Самуэли, который в тот же день побывал у него и заявил, что его старший брат Тибор собирается прочитать политическую лекцию в городском театре. «Он будет говорить о коммунизме?» — спросил мэр Ньиредьхазы Калман Бенч и примирительно покачал головой. Митинг объявили на 11 часов 5 января. По действовавшему в городе законодательству мэр не мог отклонить требование Ласло Самуэли, который, однако, и не подозревал, что Калман Бенч тут же обсудил вопрос о проведении митинга с начальником городской полиции Шандором Кишем.

По рекомендации Шандора Киша мэр в тот же день (обратите внимание на оперативность!) налаживает связь с министерством внутренних дел. Чиновники министерства с беспокойством интересуются: «Достаточно ли в Ньиредьхазе вооруженных сил, чтобы запретить митинг или поддержать порядок?» Когда мэр и начальник городской полиции дали отрицательный ответ, из министерства поступило следующее распоряжение: «Митинг, безусловно, следует разрешить в соответствии с законом. Мэр и начальник полиции должны вступить в контакт с руководством социал-демократической партии и добиться, чтобы на митинге было как можно больше социалистов, которые могли бы предпринять попытку сорвать митинг демонстрацией...» Мэр в недоумении покачал головой: «Как печально, что этой страной уже руководят социал-демократы...» Начальник полиции ворчит: «Эти будапештские господа всегда были беспомощными в таких делах!»

Во второй половине дня 4 января Калмап Бенч приглашает к себе Тибора Самуэли. «Я прошу вас,— говорит он,— обеспечить порядок во время митинга».

В воскресенье 5 января в 11 часов в городском театре состоялся митинг. 8 января местная газета писала: «В первой половине воскресенья перед публикой, собравшейся в зале городского театра, с лекцией «Империалистическая диктатура или диктатура пролетариата» выступил Тибор Самуэли. В России Тибор Самуэли играл важную роль в организации ленинской революции, по поручению Советского правительства для военнопленных он выпускал газету на венгерском языке, затем был избран в революционный орган. В своей лекции оратор подробно рассказал о причинах, ходе и результатах ленинской революции, охарактеризовал цели и задачи венгерской коммунистической партии».

Уже в два часа дня мэру города Калману Бенчу становится известно содержание выступления Самуэли. Докладывавший ему об этом офицер с раздражением заявил: «Он всячески хотел разжечь страсти и подорвать установленный порядок».

Офицер, кстати, тут же довел до сведения мэра, что об этом скандале он уже информировал по телефону министерство внутренних дел. Через два часа он снова прибывает в городскую ратушу и сообщает, что министерство просило его передать господину мэру Калману Бенчу распоряжение немедленно арестовать Тибора Самуэли. Калмап Бенч, за долгие годы управления городом не раз благополучно выходивший из критических ситуаций, готов послать усердного офицера ко всем чертям. «Если министерство хочет принять какие-то меры, оно может обратиться непосредственно ко мне»,— назидательно говорит он ему и просит не вмешиваться в решение официальных городских дел. «Митинг прошел,— размышляет он,— через день-два страсти улягутся, и незачем ворошить муравейник».

Едва офицер покинул здание ратуши, как раздался телефонный звонок из министерства внутренних дел. Секретарь министерства просит мэра Бенча сообщить, какое воздействие на жителей города произвел митинг. «В городе полнейший порядок и спокойствие,— отвечает Калман Бенч, но из предосторожности добавляет: — Правда, пока трудно определить, какое это спо-

койствие — настоящее или кажущееся». Секретарь удивляется — только что министерство получило информацию о том, что в городе полностью нарушен порядок. «Этот вопрос интересует лично министра внутренних дел Винце Надя», — заканчивает разговор секретарь, вызвав у господина мэра раздражение.

Отвлечемся, однако, от хода событий. Если верить словам мэра Калмапа Бенча, 4 января и во второй половине дня 5 января он стремился избежать всяческих конфликтов. С досадой он принимает к сведению, что за его спиной ведут переговоры с министерством внутренних дел (так, вероятно, оно и было), и пытается успокоить министерского секретаря. Сомневаться в искренности его слов нет оснований, потому что в условиях стремительно меняющейся обстановки для него было бы самым предпочтительным, если бы в городе не произошло никакого громкого скандала.

Почему офицеры Ньиредьхазы ведут переговоры с министерством внутренних дел за спиной мэра города? Почему они преднамеренно преувеличивают эффект выступления Самуэли?

Дело в том, что ньиредьхазские офицеры, национальные охранники и унтер-офицеры во главе со старшим лейтенантом Иштваном Ковачем, давно с неприязнью наблюдают за деятельностью братьев Самуэли. Атмосферу усиливающейся по всей стране антикоммунистической истерии они считают самой подходящей для осуществления своего плана — рассчитаться с братьями Самуэли и в первую очередь с Ласло.

Время они выбирают довольно удачно. С 8 до 9 часов вечера 5 января министерство внутренних дел вновь налаживает связь с мэром Калманом Бенчем. Все это, повторяем, происходило так по словам мэра, если, конечно, Калмап Бенч по каким-либо соображениям не искажает действительное развитие событий — у сохранившего продолжительное время свой пост мэра могут быть самые различные соображения... Приведем, однако, странный по своему содержанию и стилю текст сообщения, сделанного мэром в 1919 году: «Мною было получено следующее распоряжение: «Самуэли обязательно надо обезвредить». Необычная суть этого указания крайне удивила меня, и я тут же попросил назвать фамилию разговаривавшего со мной, который на это

ответил: «Рядом со мной стоит министр Винце Надь, а распоряжение передает государственный секретарь». Исходя из того, что распоряжение все-таки было целым и необычным, я спросил: «Господин министр, следовательно, приказывает арестовать Тибора Самуэли?» На это мне ответили: «Поймите нас, господин мэр, господин министр хотел бы, чтобы Тибор Самуэли был обезврежен и мы были бы поставлены перед свершившимся фактом».

Трудно установить, как дальше складывались события, в нашем распоряжении имеется единственный документ — уже упоминавшееся сообщение Калмана Бенча. Вот только последующая его часть вызывает сомнение. Господин мэр, например, утверждает: «Об этом недвусмысленном и постоянном распоряжении я поставил в известность находившегося тут же начальника полиции, вместе с которым мы отправились в комитатское управление, куда пригласили выборного начальника комитата, функции которого выполнял главный потарь, от местного гарнизона — командира дивизии генерал-майора Людвига вместе с адъютантом и двумя майорами из военного трибунала».

Все это произошло в здании комитатского управления в девять-десять часов вечера? Впрочем, послушаем дальше господина мэра: «Обо всем сказанном выше я информировал прибывших официальных лиц, хотя в то время нам было доподлинно известно, что Тибор Самуэли уже отбыл из Ньиредьхазы; и все же мы пришли к согласию в том, что не можем взять на себя ответственность, связанную с угрозой человеческой жизни, тем более что исполнение распоряжения невозможно, так как, согласно докладу полицейского надзирателя, Тибор Самуэли уже уехал из города».

Отдав дасть стилистической занимательности этого заявления, задумаемся в его суть. Если мэру действительно было доподлинно известно, что Тибор Самуэли покинул Ньиредьхазу, то почему он тут же не сообщил об этом господину государственному секретарю? «Обезвредить» кого-то означало недвусмысленный приказ лишить жизни, а Калман Бенч не желал брать на себя такую ответственность, так как от переданного по телефону распоряжения в любое время могут откреститься. С другой стороны, неудобно игнорировать распоря-

жение министра, поэтому отбытие смутьяна из Ньиредьхазы сразу после митинга действительно счастливый выход из положения.

Во всей этой запутанной истории последнее, пожалуй, не вызывает сомнений. Самуэли не остается в Ньиредьхазе до понедельника. «Разве тебе не интересно послушать лекцию твоего коллеги Рудольфа Поллака?» — спрашивает брата Ласло Самуэли. «Могу представить, о чем он будет говорить», — отвечает Тибор. На митинге, состоявшемся на городской площади, сотрудник газеты «Непсава» Рудольф Поллак призывает ньиредьхазцев к спокойствию и рассудительности. «Социал-демократическая партия, — говорит он, — хочет претворить в жизнь идеи марксизма, но мирным путем, а не насильем. Мы должны добиться улучшения положения рабочих и бороться за более счастливое будущее трудящихся честными революционными средствами».

Тибор Самуэли прибывает в Будапешт вечером, примерно в те часы, когда отцы Ньиредьхазы собрались на совет в комитатском управлении, если, конечно, этот совет вообще состоялся. И как раз на вокзале облава: детективы охотятся за коммунистами. Смешавшись с толпой, Самуэли удачно ускользает от шпииков.

Итак, в тот вечер Самуэли действительно не было в Ньиредьхазе, однако сомнительно, чтобы Калман Бенч считал обязательным ставить об этом в известность господ офицеров. Следует также иметь в виду, что в совещании в комитатском управлении участвовал командир национальной охраны старший лейтенант Иштван Ковач. Из сообщения мэра явствует, что Ковач информировал офицеров о том, что распоряжение из министерства поступило по телефону с восьми до девяти вечера. С какой целью он сделал это, если знал, что Тибор Самуэли уже уехал из Ньиредьхазы? А может быть, к концу 1919 года мэр запамятовал эту деталь? Впрочем, как он мог запамятовать, когда покушение на Тибора Самуэли в то время считалось делом «национальной чести»?

Необычное распоряжение министра внутренних дел пришлось как нельзя кстати организаторам покушения на братьев Самуэли. Если они и знали о том, что Тибора Самуэли уже нет в Ньиредьхазе, то теперь у них были

все основания вести себя так, будто им ничего об этом не известно.

Согласно сообщению мэра, в тот же вечер Иштван Ковач в кругу военных «выражает беспокойство тем, что власть могут захватить коммунисты». В ответ на это «двое воодушевившихся солдат,— именно в таком духе глава Ньиредьхазы и будет излагать случившееся,— тут же решают убрать братьев Самуэли, распространяющих принципы, разлагающие нацию и подрывающие страну».

Значит — «двое воодушевившихся солдат», которых никто не просил и не подстрекал к преступлению и которых никто не обещал поддержки... Полноте, господин мэр!

О том, что произошло в половине восьмого вечера 6 января в Ньиредьхазе, Тибор Самуэли узнает в Будапеште. Газета Коммунистической партии Венгрии «Вёрёш уйшаг» писала: «6 января 1919 года в половине восьмого вечера, когда братья Самуэли возвращались домой, вблизи квартиры их поджидали добровольцы национальной охраны Прок и Сабо, которые сделали четыре выстрела в Дьердя и Золтапа Самуэли. Ласло остался невредимым. Преступники бежали».

Дьердь Самуэли был ранен в спину, а Золтану пуля попала в ногу. Действительно ли двое «воодушевившихся» хотели лишь разделаться с тремя братьями Самуэли или они еще и выполняли распоряжение министерства внутренних дел? Расследование покушения в Ньиредьхазе могло бы поставить в тупик самого Шерлока Холмса. Один из свидетелей, член местной социал-демократической организации Калман Мезен, например, выдал такую фантастическую историю: «Во время преферанса в кафе «Сечени» один из заговорщиков младший лейтенант Ласло Ходоши с таинственным видом покинул мою компанию. Он оставил свою визитную карточку и попросил, чтобы в тот день, когда ко мне придет Ласло Самуэли, я предупредил его об этом. «Зачем?» — спросил я. «Я хочу убить его», — ответил он. Я попробовал отговорить его, но, убедившись в тщетности своих усилий, предупредил Ласло Самуэли, чтобы он был осторожен». Эту невероятную историю он рассказал репортеру городской газеты в январе 1919 года.

Здесь действительно есть над чем поломать голову.

С какой стати Ходоши стал бы говорить Мезен о своем намерении? И почему он собирался убить Ласло Самуэли у квартиры Мезен, а не перед домом самого Самуэли? Не будем продолжать ставить вопросы, ответы на которые мы дать не можем. Вернемся лучше к событиям, которые произошли в Ньиредьхазе после покушения.

Ньиредьхазская полиция действует эпергично: старший лейтенант Ласло Винтер отдает распоряжение об аресте Ласло и Золтапа Самуэли. 10 января газета публикует интервью с правительственным комиссаром по поводу этих арестов. Хорошо информированный журналист во вступительной части интервью пишет, что эти аресты были вызваны не положением дел в Ньиредьхазе и не имели целью преследование за политические преступления. Дело было в том, что военный прокурор Ньиредьхазы направил военному министерству докладную записку, в которой утверждал, будто в качестве русского народного комиссара Тибор Самуэли... казнил венгерских военнопленных офицеров. Военное министерство воспринимает эту клевету, основанную на допосе одного из бывших пленных офицеров, в качестве достоверного факта и потому преследует братьев Самуэли. 14 января 1919 года сам главный инспектор сыска Ласло Нанани арестует Тибора Самуэли в будапештской редакции газет «Вёрёш уйнаг», «Ифью пролетар» («Молодой пролетарий») и «Вёрёш катона» («Красный солдат») по улице Вишегради.

15 января 1919 года мэр города Ньиредьхазы засыпал спокойным слом, теша себя мыслью, что тревожнения кончились и «организатор большевизма» сидит в надежном месте...

Впрочем, вспоминая об этих днях одиппадцать месяцев спустя, Калман Бепч писал в газете «Уй Сабольч» («Новый Сабольч»): «Коммунистические выступления в Ньиредьхазе, к сожалению, приняли широкий размах...»

«А если схватят и казнят...»

Старый знакомый Йозеф Вагашт, ставший из учителя закона божьего в дьёрском высшем коммерческом училище начальником полиции, вместо камеры поселяет Самуэли в своем служебном кабинете. Здесь его посещает новый военный министр социал-демократ Вилмош Бем, в то время вряд ли и предполагавший, что через три месяца они вместе будут обсуждать проблемы как члены одного венгерского Советского правительства. Уже в то время Бему было ясно, что аргументов, сфабрикованных с помощью богатого воображения прокурора, недостаточно даже для предъявления обвинения. Попытки главного инспектора сыска Нанаши добыть новые доказательства «казней в России» не дают никаких результатов. Таким образом, намерение Фештетича ввести чрезвычайное положение терпит провал. КПВ предпринимает решительную акцию в интересах освобождения Самуэли. 22 января его выпускают из тюрьмы.

В тот же день вечером в Будапеште, в старом помещении парламента, состоялся коммунистический митинг. Вместо заболевшего Ласло Рудаша с лекцией о Ленине выступает Бела Куп. За ним на трибуну поднимается сухощавый молодой человек. По залу проносятся возгласы: «Самуэли, Самуэли!»

Только сейчас участники митинга узнали, что Самуэли выпущен из тюрьмы. «Если мы будем терпеть и не выступим против правительства, то нас постигнет судьба немецких спартаковцев, революционную борьбу которых социал-демократическое правительство утопило в крови с помощью кайзеровских офицеров!» — заканчивает свое выступление Самуэли.

Самуэли теперь уже очно кооптируют в состав Центрального Комитета и поручают ему редактирование газеты «Вёрёш уйшаг». Один из молодых сотрудников

«Вёрёш уйшаг», племянник Отто Корвина, Пал Хайду писал в журнале «Уй марциуш» в 1929 году о редакторской работе Самуэли: «Самуэли был в высшей степени добросовестным и вместе с тем взыскательным редактором, критически оценивавшим каждую строку и безжалостно отвергавшим все неудачно написанные материалы. Если только ему не приходилось отлучаться на заседания, он целыми днями работал в редакции, где и жил вплоть до волны арестов в феврале 1919 г.».

В конце января Самуэли публикует в «Вёрёш уйшаг» статью о двух своих погибших друзьях — Карле Либкнехте и Розе Люксембург. Руководителей «Союза Спартака», основателей Коммунистической партии Германии, пишет он, убили подлые наемники, берлинские собратья пьиредьхаазских офицеров. Выпущенные против Самуэли пули попали в его братьев, но завтра они настигнут и его. Контрреволюцию необходимо вырвать с корнем из немецкой и венгерской земли. На ленинский вопрос «кто кого?» можно ответить только решительными действиями.

«Если вы не хотите, чтобы была пролита ваша кровь, уничтожьте контрреволюционных бандитов», — призывает он в начале февраля со страниц «Вёрёш уйшаг».

Изредка он навещается в «Оттхон кёр», к своим старым коллегам. Писатели замечают, что Тибор Самуэли уже не тот веселый и беспечный молодой человек, который до войны казался им франтом. Бывший редактор экономического и финансового журнала «Пензвиллаг» Оскар Фодор вспоминает: «Он подошел к моему столу легкой походкой, улыбаясь, будто мы распрощались только вчера. А между тем прошло четыре с половиной года. Он улыбался и крепко жал мою руку. И тут я заметил, как он возмужал. Его карие глаза светились, как и прежде, но черты лица стали резче. И улыбка была прежней, но теперь она казалась горьковатой. Так мы говорили некоторое время, и он одного за другим узнавал старых знакомых. Потом мы ушли в библиотечную комнату, чтобы поговорить наедине о том, что было, что есть и что будет с ним и с нами».

«Вы пойдете с нами?» — спрашивает Самуэли своего друга. Оскар Фодор уклоняется от ответа, говорит о своих сомнениях, сокрушается по поводу того, что кругом хаос. Самуэли кивает головой, потом уверенно гово-

рит: «Через месяц-два рабочие возьмут в свои руки власть и наведут порядок».

Терпеливо и благожелательно объясняет он своим коллегам, что произошло в Советской России, за что борется Коммунистическая партия Венгрии. Писатели и журналисты мучительно размышляют, не решаясь высказаться с определенной ясностью. Его не удивляет, как медленно плетутся они вслед за событиями, он отчетливо сознает, как чужд ему их мещанский мир.

Многие члены союза «Оттхон кёр» верят в буржуазную демократию и делают вид, будто ничего не знают о том, что пазывающее себя демократическим правительство преследует коммунистов, устраивает погромы в редакции их газеты «Вёрёш уйшаг», расстреливает рабочих в Тисадобе, Шаторальяуйхее, Мако, Ньиредьхазе, Шальготарьяне. Кое-кто из его друзей-писателей наверняка удивился бы, узнав, что Самуэли не только призывает пролетариат вооружаться. Редактор «Вёрёш уйшаг» направляет в Сегед двадцать пять солдат-автомобилистов с задачей собрать на хуторах оставленное немцами боевое снаряжение и материалы и возвратить в Будапешт захваченные французами венгерские машины. «Пролетарии, вооружайтесь!» — призывает он в «Вёрёш уйшаг».

Членов союза «Оттхон кёр» пугает этот призыв. Ошеломленные кровопролитием мировой войны, они жаждут мира и не понимают, что подлинный мир возможен только с победой социалистической революции. Самуэли дает исчерпывающие ответы на их вопросы и все чаще приходит к выводу, что грамотные люди страны «имеют очень слабое представление о новом, марксистском учении Ленина». Он беседует с такими крупными писателями, как Шандор Броди, Иелё Хелтаи, Жигмонд Мориц, Лайош Надь, Эндре Надь. В восторге от встреч с ним, Броди заявляет: «Это — новый человек! Я напишу о нем!»

Как-то при очередной встрече выяснилось, что писатели не знают мелодию «Интернационала». Самуэли паспистывает мелодию, и находившийся тут же пианист пишет ноты. Поэт Арпад Пастор, ставший впоследствии ренегатом и первым автором одного из самых погромных романов, с воодушевлением исполняет «Интернационал». Не удивительно, что в августе 1919 года он так

описывал это событие: «Весь Будапешт должен был за одну неделю разучить национальную песню коммунизма. Нот не было, и Тибор Самуэли, который выучил эту варварскую песню в России, насвистал ее мелодию одному известному пианисту... и через неделю ее распевал каждый организованный хулиган города».

А пока он и сам распевает ее, не смущаясь под пролическим взглядом Лайоша Надя, обескураженного впазпной революционностью своих коллег. Не верит столь быстрому перевоплощению собратьев по перу и Шандор Броди. Через два месяца, в дни Венгерской Советской республики, вспоминая об увивавшихся вокруг Самуэли литераторах, он говорил: «Я почувствовал отврацение к своим коллегам оттого, что они увиваются вокруг него, льстят ему, ибо я знал, что многие из них не любят его, неискренни с ним».

Влияние коммунистов на массы трудящихся продолжало расти. Чтобы уменьшить это влияние, правительство усиливает полицейские репрессии.

Так, 3 февраля 1919 года в четыре часа утра полиция устроила погром в помещении центрального органа компартии — в редакции газеты «Вёрёш уйшаг». Шпики произвели обыск в помещении, где жил Тибор Самуэли. Прав был Самуэли, когда говорил: «Святой водой и увещеваниями не остановить контрреволюцию».

20 февраля правые спровоцировали столкновение между безработными, демонстрировавшими под коммунистическими лозунгами, и охраной здания редакции социал-демократической газеты «Непсава». В мирных демонстрантов стреляют из пулеметов «охранники», засевшие на чердаках и крышах соседних домов. Есть жертвы с той и другой стороны. Обстоятельства этой провокации до сих пор не выяснены. Власти пытались свалить вину на коммунистов. Начальник будапештской полиции, опираясь на то, что убитые — это «жертвы коммунистов», тут же запрашивает правительственные санкции на арест руководства коммунистической партии. «Гарантирован ли успех этой акции?» — спрашивает его министр социал-демократ Вилмош Бем. «Если мы снесем голову с туловища, то туловище непременно погибнет», — заверяет начальник полиции Будапешта.

Для того чтобы узнать последние новости, Самуэли спешит в «Оттхон кёр», оттуда — на квартиру Бела

Куна, на заседание Центрального Комитета партии. Новости вызывают тревогу. «Правительство и социал-демократическая партия готовы предпринять решительные действия», — сообщает Самуэли Центральному Комитету.

О решении Центрального Комитета мы знаем из достоверного источника — из воспоминаний Бела Куна: «20 февраля, когда стало ясно, что после нападения демонстрантов на редакцию газеты «Непсава» и вооруженного столкновения по настоянию министров социал-демократов «народное» правительство отдаст приказ об аресте руководителей КПВ, по моему предложению было принято решение о переходе Тибора Самуэли на нелегальное положение, а я сам должен был дожидаться ареста. Тибор скрепя сердце согласился с этим решением. Когда, скрываясь в Пеште, он 21 февраля прочитал в газетах сообщение о том, будто меня убили полицейские, а вслед за тем опровержение этой версии и подробные сообщения репортеров буржуазных газет о нападении на меня озверевших полицейских, он тайно переслал мне в тюрьму письмо. В нем Тибор горько упрекнул меня за мое предложение, чтобы не он, а я предстал перед судом»¹.

22 февраля в статье «Большевистские лидеры схвачены» «Непсава» с удовлетворением сообщала об аресте руководителей КПВ. В статье, однако, прозвучала и нотка огорчения: «Тибора Самуэли дома не оказалось, во время обыска было найдено только что написанное письмо, в котором он сообщает отцу, чтобы его не искали, потому что приключилась беда и он должен уехать».

По свидетельству печатника Рудольфа Дешелага, в ту ночь Самуэли паходился в типографии, вычитывая гранки готовившейся к изданию брошюры. «В типографию можно было попасть через длинный двор. Вдруг я увидел, что Самуэли прекратил чтение, посмотрел в одно из окон, выходящих во двор, затем торопливо взял со стола фуражку и гранки, сказал, что скоро придет, и поспешил к винтовой лестнице. Эта лестница вела к помещениям третьего этажа. Выглянув во двор, я сразу понял, в чем дело. Длинный прямоугольный двор как раз пересекали четверо мужчин в шляпах и с дубинками

¹ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике, с. 492.

в руках». Господа в шляпах ищут Тибора Самуэли в наборном цехе. «Сейчас придет», — отвечает на их требование Рудольф Дешелак. Полицейские сыщики первичают, заглядывают в туалет, тормозят Дешелака, который только и повторяет: «Сейчас придет». Сыщики нетерпеливо ждут, пока наконец не соображают, что из служебных помещений по коридору через первую лестницу он спокойно вышел из здания.

Можно предположить, что в первые дни подполья Самуэли помогал уже упоминавшийся Йожеф Вагашт, уже в то время сотрудничавший с коммунистами. По свидетельству главного инспектора сыска Нанаши, Вагашт в течение суток прятал Самуэли в своей квартире.

Обеспечить безопасность Тибора Самуэли партия поручила Марии Гостоши, с конца 1918 года входившей в организацию левой молодежи «Кружок Галилея» и занимавшейся в школе изобразительного искусства. В течение двух дней она скрывает его на своей квартире, затем просит Арвале — жену одного из членов «Кружка Галилея» — подыскать место укрытия для преследуемого товарища. Юлия Арвале рассказывает об этом своей младшей сестре Эржебет, работавшей ассистентом врача в военном госпитале на проспекте Фехервари. «Не пайдется ли у вас надежное место для одного важного товарища?» — спрашивает Эржебет коммуниста доктора Андранша Хаваша. «Конечно, есть», — отвечает доктор. Когда Эржебет сказала, о ком идет речь, Андраш Хаваш удивился и долго не мог поверить, что в убежище нуждается его прославившийся одноклассник, с которым он сидел за одной партой в ньередьхазской гимназии.

«Тибор Самуэли, одетый в военный плащ, пришел вместе с Арвале к вечеру 24 февраля, — пишет Андраш Хаваш. — Тут же втроем мы провели «военный совет» и решили дать Самуэли имя Яноша Краузе, который будто бы прибыл из Кошице. Персоналу госпиталя и больным доктор Хаваш представил Яноша Краузе как своего племянника.

Яноша Краузе частенько павешают молоденькие женщины, и это никого не удивляет — юноша отличался приятной внешностью. Еженедельно в госпиталь приходила Мария Гостоши и другие художницы. Однажды вместе с ними пришла еще одна ученица школы изобразительного искусства — Йолан Силадьи. Она обладала

несомненным талантом — в 1916 году у нее уже была самостоятельная выставка в Национальном салоне.

«Стройный молодой человек расхаживал по комнате и курил. Я сразу узнала его: он часто выступал на митингах. Но теперь он был без усов. И так лучше. Молодой человек с приятным продолговатым бледным лицом, светящимися карими глазами, энергичным разрезом рта и темными волосами пожал мне руку. Брови густые, а ресницы длинные. Он казался строптивым юношей с каким-то насмешливым выражением лица. «Крепкий орешек», — подумала я и тут же сравнила его с моими знакомыми по университету, художественной школе и «Кружку Галилея». Но Тибор ни на кого из них не походил». Таким увидела двадцатичетырехлетняя Йолац Силадьи Тибора Самуэли при их первой встрече.

Находясь в госпитале на проспекте Фехервари под именем Яноша Краузе, Самуэли занимается нелегальной партийной работой. Так, всего лишь восемь дней на будапештских улицах не продавалась газета «Вёрёш уйшаг»¹.

Арест руководителей компартии лишь укрепил симпатии масс к коммунистам. Кризис внутренней и внешней политики правительства обострился. «В демонстрациях на будапештских улицах массы, сочувствующие социалистам и коммунистам, уже участвуют вместе», — пишет министр юстиции Шандор-Юхас Надь. Левые социал-демократы налаживают связь с арестованными коммунистами, которые требовали обеспечить им права, предоставляемые политическим заключенным. И руководители компартии, находившиеся под арестом в пересыльной тюрьме, получили возможность вновь действовать открыто. В тюремных камерах готовятся обращения к массам. Отто Корвин записывает тексты выступлений Бела Куна, который проводит переговоры с левыми социал-демократами.

Однажды Эржебет Арвале встречает Йолац Силадьи новостью: «Самуэли летит в Москву!» «Вот, только что познакомилась с ним, и он уже уходит. Может быть, навсегда», — с тревогой размышляет Йолац. Об этих пе-

¹ Тибор Самуэли возглавил подпольный ЦК партии, который еще активнее повел организационную работу. Создавались партийные организации на заводах, а также в профсоюзах. (См. История Венгрии, т. III, с. 85—86.)

реживаниях она будет так вспоминать через пятьдесят лет: «В слезах я ходила в художественную школу, слезы душили меня, когда я шагала по улице в сторону моста Йожефа Ферепца. Однажды утром на этом мосту я встретила с доктором Хавашем. С удивлением он спросил, что со мной. Я смутилась и рассказала обо всем...»

На следующий день они вновь встретились на мосту. «Зайди ко мне, тебя кто-то ждет», — сказал Хаваш. Когда Йолап пришла к нему, то увидела Тибора. Временный Центральный Комитет партии отклонил его план поездки в Москву.

«Мы стояли в смущении, взявшись за руки и не сводя глаз друг с друга, — пишет Йолап Силадьи. — Наконец хриплым голосом он произнес: «Доктор Хаваш говорит, что вы все время в слезах. Он спрашивал, что я сделал с этой девушкой — она постоянно плачет». Потом серьезно попросил рассказать обо всем и от чистого сердца».

Йолап откровенно рассказала о том, что ее тревожит. В Тиборе проснулся азарт «покорителя жепских сердец», и он уверенно произнес: «Есть только один выход — я должен жепиться на вас». Но уже в следующую минуту он стал серьезным: «Подумайте хорошенько, прежде чем решиться выйти за меня замуж. Я связал свою судьбу с революцией и в любое время могу погибнуть. А если меня схватят и казнят?...» Раздумывать Йолап не о чем — с нынешнего дня, помимо искусства, ее жизнь будет наполнять эта любовь... Тибор вновь просит Йолап подумать, прежде чем принимать окончательное решение, — ведь он может в любое время умереть. Потом вдруг смеется и с энтузиазмом произносит: «А если меня схватят и казнят, неужто не покроют труп мой журналистским покрывалом Йокаи?»

В госпитале любят Яноша Краузе, и весть о том, что у него теперь есть симпатичная невеста, обрадовала всех. «Только мне непонятно, почему такой умный и толковый парень не включился в наше движение», — сокрушается Дюла Ковач, который работал в госпитале парикмахером и вел активную коммунистическую агитацию. «Ваше место с нами, господин Краузе!» — настаивательно говорил он.

«Победа или смерть!»

В госпитале Самуэли много читает, пишет и беспрестанно курит. Организм его слабеет, и доктор Хаваш назначает инъекции. Однажды произошло следующее. Тибору сделали очередную инъекцию. «Возможно, медсестра перепутала ампулы, а может быть, с одной из них слетела этикетка,— вспоминает доктор.— Как бы там ни было, но через некоторое время Тибор Самуэли почувствовал сильную усталость. Не исключается и попытка отравить одного из работавших в подполье руководителей компартии. Самуэли мужественно боролся с недомоганием, много ходил и пил чай, чтобы не заснуть, и наконец преодолел кризис. И только после того, как опасность миновала, он рассказал мне обо всем. Упрека от него я не услышал, но дальше принимать инъекции он отказался».

Из воспоминаний Йоан Силадьи мы узнаем, как встретил Тибор Самуэли исторический день — 21 марта 1919 года. «Однажды вечером в дверь к Тибору сильно постучали. Это могло означать все что угодно — даже самое худшее. Но среди возбужденных голосов Тибор различил знакомый. Открыв дверь, он увидел двух мужчин с раскрасневшимися лицами и горящими глазами. Они бросились обнимать его, радостно восклицая: „Да здравствует диктатура пролетариата!..“»

Из госпиталя Самуэли спешит на улицу Шандора (ныне улица Броди) в здание парламента, где с лекцией «Старая и новая культура» выступает Дьердь Лукач. В куртке военного покроя Самуэли появляется на ступеньках трибуны и слышит чей-то возглас: «Да здравствует Тибор Самуэли!»

Находившийся в зале писатель Лайош Кашшак так описывает это событие: «Вдруг, словно в этом военном каждый узнал своего лучшего друга или брата, люди с

восторгом стали приветствовать его. Они знали, что ему удалось избежать ареста, но никто не имел представления о том, где он скрывался и что делал в последние дни. И вот он на трибуне — здоров и невредим, в военной куртке, улыбается и, вытянув руки, призывает зал к тишине. Он собирается говорить, и по залу проносятся возгласы:

— Внимание! Внимание!

— Тихо, говорят Самуэли!

Наконец гул стихает. Без пафоса, твердым, чистым голосом он говорит:

— Дорогие товарищи, я пришел, чтобы передать вам радостную весть. В эти часы две партии достигли соглашения. Произошло объединение на социалистической основе, в результате которого возникла Венгерская Советская республика! Да здравствует Советская республика венгерских рабочих, крестьян и солдат! Да здравствуют наши русские братья!»¹

Таким он и остался в памяти венгерского пролетариата — молодым человеком в кожаной куртке, который говорит энергично, но без пафоса, и его слова просты и доходчивы. До самой смерти Самуэли буржуазия будет считать его своим главнейшим врагом. В глазах венгерского пролетариата Тибор Самуэли был олицетворением карающего меча, запесенного пад буржуазией.

Пожалуй, одним из ярких свидетельств того, кем был для современников Самуэли, как он вошел в нашу национальную историю, является высказывание Э. Шипко: «Мне определенно известен один человек, который не только знал — и никогда не забывал об этом, — но и ясно предвидел, что в тех условиях от исхода борьбы зависела судьба Венгрии: быть ли ей социалистической

¹ Вечером 21 марта 1919 года расширенное руководство (пленум) СДПВ, а позднее и рабочий Совет Будапешта одобрили соглашение об объединении СДПВ и КПВ и о провозглашении Советской республики. (См. «Всрещь уйшаг», 22.III.1919.) К этому времени было сформировано советское правительство из социал-демократов, возглавляемое Шапдором Гарбан; в правительство вошел Бела Кун в качестве народного комиссара иностранных дел. Во всех других народных комиссариатах коммунисты были назначены вначале только заместителями. Было установлено, что руководящим органом правительства и объединенной партии станет Революционный правительственный совет. (См. История Венгрии, т. III, с. 93.)

или стать страной белого террора. Этим человеком был Тибор Самуэли. Он ясно видел, что поставлено на карту, и именно потому, что он это видел, отдал всего себя борьбе за то будущее, к которому стремился, против будущего, грозившего гибелью».

Вечером того же дня его видели на улице Вишегради, где находился ЦК партии. Нужны были безотлагательные меры по защите общественных зданий от возможных беспорядков. Никто не знает, как будет действовать полиция.

К зданиям общественных и административных организаций Самуэли направляет патрулей. По его распоряжению вооруженное пулеметом воинское подразделение охраняет Базилику, а здание полицейского управления на улице Зриньи блокируется.

Новое правительство называется Революционным правительственным советом¹, а деятельностью министерств теперь руководят народные комиссары. Тибора Самуэли вместе с Бела Санто назначают заместителем народного комиссара по военным делам социал-демократа Йозефа Погана. Сотрудничество с социал-демократами на практике, однако, оказалось непростым делом.

Большинство руководителей Венгерской Советской республики, например, считало, что в ближайшее время не следует опасаться наступления стран Антанты. И хотя еще 24 марта Революционный правительственный совет издал декрет о создании венгерской Красной армии, на его заседании в апреле, за два дня до румынской военной интервенции², имелись разногласия в принципиальных вопросах формирования армии пролетариата.

Тибор Самуэли не был оптимистом и не питал иллюзий относительно намерений Антанты. Он был убежден, что империалистическое вмешательство неизбежно, поэтому Венгерская Советская республика должна иметь сильную армию, которую можно создать путем всеобщей мобилизации. Все это кажется очевидным теперь,

¹ Так назывался Совет народных комиссаров.

² 16 апреля 1919 года вооруженные силы королевской Румынии напали на Венгерскую Советскую республику. Началась отечественная война венгерского народа против вооруженной интервенции международного империализма. (См. История Венгрии, т. III, с. 128.)

спустя десятилетия, а в то время для многих ситуация оставалась неясной. Дальновидность Самуэли заключалась именно в том, что с первого дня Советской власти он настаивал на необходимости всеобщей мобилизации, на организации обороны страны.

23 марта в газете «Вёрёш уйшаг» было опубликовано обращение к находившимся в Венгрии русским военнопленным и к венгерским военнопленным, возвратившимся из Советской России, с призывом вступать в первый интернациональный отряд Красной армии.

30 марта газета «Вёрёш катона» («Красный солдат») публикует статью «Победа или смерть!». «Интересы международного пролетариата,— говорится в ней,— зовут под знамена всех трудящихся Венгрии. Нет и не может быть исключений, никто не может уклониться от выполнения этого долга. Место каждого — в рядах Красной армии. На освободительную борьбу всех угнетенных и эксплуатируемых ныне поднимается западный аванпост этой святой борьбы. Пусть руку и сердце каждого воина укрепляет революционное пролетарское сознание. Перед ним лишь два пути: победа или смерть!»

В результате сложной борьбы в Революционном правительственном совете происходит его реорганизация. Позиции коммунистов укрепляются. Самуэли становится членом состоящей из четырех человек коллегии народного комиссариата просвещения, в которую входят также Жигмонд Кунфи, Дьердь Лукач и Шандор Сабадош. Самуэли возглавляет отдел пропаганды. По его желанию вопросы пропаганды в армии и в области просвещения сосредоточиваются в одних руках. В качестве народного комиссара просвещения он произносит речь на митинге призывников, состоявшемся 8 апреля на Первом венгерском винторезном заводе.

Еще Самуэли поручают руководство Управлением жилищных дел. Вместе с Бела Ваго он стремится смягчить жилищную проблему столицы, облегчить положение пролетариев, не имеющих сносного жилья. Он решительно выступает против злоупотреблений лиц, занимающихся реквизицией и распределением квартир. «Мы хотим, чтобы жилье получил каждый не имеющий его пролетарий, но мы не допустим, чтобы господские квартиры занимали какие-нибудь бездельники», — заявляет он в одном из обращений к населению. Не приукраши-

вая истинного положения дел, он пишет в газете «Вёрёш уйшаг», что еще недостаточно продовольствия, что не хватает квартир и пока невозможно немедленно решить эти проблемы, снять с повестки дня продовольственный и жилищный вопросы. Спекулянтам и дельцам вскоре придется распрощаться с Управлением жилищных дел.

Началось наступление румынской империалистической армии на Венгерскую Советскую республику. Узнав о злодейском нападении буржуазно-помещичьей Румынии на Советскую Венгрию, Владимир Ильич Ленин шлет телеграмму главному командованию Красной Армии Советской России: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее...»¹

Ленинское указание свидетельствует о решимости Советской России и Советской Украины выполнить интернациональный долг и оказать братскую помощь Советской Венгрии.

13 мая В. И. Ленин телеграфировал Бела Куну: «Уверен, что, несмотря на громадные трудности, пролетарии Венгрии удержат власть и укрепят ее. Привет крепнущей Красной армии венгерских рабочих и крестьян. Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр. Шлю наилучшие приветы Вам и всем венгерским товарищам»².

Это была косвенная поддержка Венгерской Советской республике, результаты которой сказались незамедлительно.

Судьба Венгерской Советской республики зависела от самоотверженности пролетариата страны. «Перед лицом опасности по всему миру надо пронести знамя, на котором должно быть написано: «Пролетарская родина в опасности! Смерть всем врагам пролетариата! Смерть буржуазии!» Ныне нам известны лишь два человека: пролетарий или буржуа», — призывал Тибор Самуэли³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 285—286.

² Там же, с. 310.

³ Революционное правительство Советской Венгрии принимало срочные меры по организации отпора иностранным интервентам. 20 апреля социалистическая партия, Революционный

Он отправляется в Дьёр для организации пабора добровольцев в Красную армию. «Раньше, когда начиналась война, по стране носили окровавленную саблю,— говорит он на митинге на площади Сечени.— Теперь мы должны пронести по стране красное знамя, и каждый пролетарий должен встать под это знамя».

После митинга Самуэли выступает с речью на заседании дьёрского рабочего Совета. На обратном пути в машине он беседует с Аурелом Штромфелдом¹, который принял назначение на пост начальника генерального штаба Красной армии. Без обиняков он рассказывает Штромфелду об угрожающем военном положении.

Революционный правительственный совет назначает Тибора Самуэли председателем чрезвычайных революционных трибуналов. В постановлении об этом назначении говорится: «Революционный правительственный совет поручает народному комиссару Тибору Самуэли поддержание порядка и дисциплины в прифронтовых районах Красной армии в Затисье и облакает его правом в случае необходимости прибегать к любому средству, минуя революционный трибунал»².

Правительственный совет и Будапештский Совет рабочих и солдат обратились к рабочим и крестьянам страны с воззванием «Революция в опасности», в котором призывали трудящихся к оружию.

Для оперативного руководства войсками Красной армии на восточном фронте было создано специальное командование, во главе которого был поставлен Вилмош Бем. Начальником штаба стал Аурел Штромфелд, кадровый офицер, преданный делу пролетарской революции. Тибору Самуэли было поручено вести борьбу против контрреволюционеров и обеспечить порядок в тылу. (См. История Венгрии, т. III, с. 128—129.)

¹ *Штромфелд, Аурел* (1878—1927) — офицер генерального штаба. Во время Венгерской Советской республики — начальник генерального штаба Красной армии. После падения Советской власти в Венгрии был приговорен к 3 годам тюремного заключения. В 1923 году вступил в нелегальную Компартию Венгрии. (См. История Венгрии, т. III, с. 496.)

² Рабочий класс страны уже в первые дни Советской власти упразднял старые буржуазные суды и создавал пролетарские революционные трибуналы. Созданные их законодательно было закреплено 28 марта 1919 года специальным декретом. В ведение этих трибуналов передавались дела политического характера.

Революционные трибуналы первоначально в силу необходимости выполняли функции чрезвычайных судов. Позже они были преобразованы в обычные органы правосудия. (См. История Венгрии, т. III, с. 104, 105.)

Внешняя интервенция вдохновляет внутренних контрреволюционеров — в Будапеште и в провинции усиливается заговорщическая деятельность против Советской республики.

В распоряжении Самуэли пет постоянной воинской части для борьбы с контрреволюцией. В особых поездах чрезвычайных трибуналов службу несут молодые революционные рабочие, которые называют себя солдатами Лешна. Самуэли помогают два заместителя. При необходимости по распоряжению начальника следственного отдела по политическим делам народного комиссариата внутренних дел Отто Корвина к нему направлялись агенты уголовного розыска, красноармейцы. Под лозунгом «мягкого применения» диктатуры социал-демократические лидеры саботируют выполнение революционных мероприятий, от которых зависит судьба Советской республики. С крохотным отрядом Тибор Самуэли выполняет задачу, которую в Советской России решала возглавляемая Феликсом Эдмундовичем Дзержинским ВЧК, — сдерживать натиск контрреволюции. Бела Кун в связи с этим писал: «Тибор Самуэли с помощью многих достойных, смелых революционеров — рабочих-коммунистов, поскольку это было возможно, выправлял в сфере применения революционного насилия то, что под предлогом «мягкого применения» диктатуры и в целях саботажа революционных мероприятий творили социал-демократические лидеры»¹.

Самуэли произносит речи на митингах по набору добровольцев в Красную армию. После очередного митинга в театре оперетты был показан революционный балет. Возвращаясь с этого митинга, Самуэли сказал своей жене: «Зал был переполнен ожиревшими будапештскими буржуа, не скрывавшими любопытства по отношению ко мне».

Самуэли становится главным объектом «шипящей пропаганды». Журналист из социал-демократов Ференц Гёндёр называл его «террористом с окровавленными руками». Бела Кун писал: «Он мужественно принял на себя огонь всей той лютой ненависти, которую питали классовые враги к организатору и руководителю революционного террора... Наша ошибка состояла не столько

¹ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике, с. 505.

в том, что мы в достаточной мере не сумели оградить Самуэли от этой клеветы (к тому же Тибор не пуждался в защите), сколько в том, что мы не заметили, как клевета и сплетни, направленные против Тибора, превратились в одно из средств и методов классовой борьбы буржуазии»¹.

Самуэли не говорит даже Йолап, какая клевета обрушивается на него, и считает ниже своего достоинства отвечать на грубую ложь. Лишь единственный раз в беседе с прибывшим в Будапешт австрийским корреспондентом он касается этого вопроса. «Я — решительный сторонник более суровой формы диктатуры, — подчеркивает он, — потому что она требует меньших кровавых жертв...» И с огорчением добавляет: «То, о чем я здесь вам говорю, по-видимому, вряд ли удовлетворит тех, кто знает меня лишь по сообщениям газет. Но, к сожалению, я не могу показать вам скальпов контрреволюции или портативной виселицы, без которой, как утверждает пресса, я не делаю ни шага».

Как народный комиссар просвещения он организует подготовку к празднованию первого свободного Первого мая — ведет с этой целью переговоры с художниками и с Союзом работников прикладного искусства, контролирует связанные с организацией празднеств расходы и сокращает их с 10 миллионов до 5 миллионов крон. «Советская республика отпраздновала бы самым достойным образом Первое мая, если бы могла выделить десять миллионов крон инвалидам войны», — говорит он.

Назначение Тибора Самуэли на пост председателя чрезвычайных трибуналов прифронтовых районов отвлекает от организации первомайских празднеств. Его кандидатура оказывается самой подходящей в качестве руководителя борьбы с контрреволюционными вылазками.

В конце апреля особый поезд чрезвычайных трибуналов направляется к Надьвараду, но у Пюшпёклада на него настигает весть о том, что в Хайдусобосло вспыхнул контрреволюционный мятеж. Самуэли посылает туда отряд из девяти человек, который арестует зачинщиков мятежа и троих из них расстреливает. Узнав об этом,

¹ Там же, с. 497.

Самуэли предупреждает своих солдат против самоуправства. «Он дал такой строжайший приказ: кто допустит беззаконие, самоуправство или присвоит что-нибудь, будет тут же на месте расстрелян. И мы побанвались его», — писал в сентябре 1919 года перед своей гибелью от рук контрреволюционеров один из участников рабочего движения, рабочий-токарь Арпад Керекеш¹. Случаев самоуправства с тех пор больше не наблюдалось.

29 апреля, находясь в Цегледе, Самуэли узнает о том, что ободренные наступлением румын контрреволюционеры взяли в свои руки Абонь. В тот же день он выступает с речью, текст которой публикуется в первом номере местной газеты «Непакарат» («Народная воля»). «От нашей победы зависит судьба мировой пролетарской революции, и пусть ваши ряды сплотят порядок и дисциплина, — говорил он. — Ни шагу назад, только вперед. Революция означает, что мы сожгли за собой все мосты и нет пути назад — есть путь только вперед».

С фронта продолжали поступать тревожные вести. Красная армия без боя оставила Сольнок, который заняли контрреволюционеры.

В результате организованного контрнаступления отряд под руководством Тибора Самуэли 3 мая освобождает Абонь и отсюда продолжает наступление на Сольнок. На следующий день этот город оказывается в руках Красной армии. Главнокомандующий Вилмош Бем в специальном приказе отмечает заслуги «товарища Тибора Самуэли, вдохновляющего наших воинов на решительную борьбу». 6 мая жители столицы могли прочитать в газете «Вёрёш уйшаг» следующее сообщение о сражении под Сольноком: «Наступлением войск руководил неутомимый Тибор Самуэли... Плечом к плечу с наступающими воинами в борьбе, отмеченной достойной пролетариата решимостью и смелостью, приняли участие вооруженные отряды сольнокских трудящихся во главе с рабочими-железнодорожниками».

Но и в радостные минуты после победы у Тибора Самуэли немало забот. Четверых красноармейцев, уличенных в грабеже, суд приговаривает к расстрелу. При исполнении приговора один из них остается в живых. «Отправьте его в госпиталь, ведь он еще может стать поря-

¹ Цитируется по воспоминаниям Бела Куна.

дочным человеком»,— приказывает Тибор Самуэли одному из красноармейцев, Ласло Берепьи. Так оно и произошло впоследствии.

В двадцатые годы Ласло Берепьи за коммунистическую деятельность оказывается брошенным в тюрьму. И здесь, в хортистской тюрьме, один из заключенных, также арестованный и осужденный за коммунистическую деятельность, сказал ему: «Разве вы меня не помните? Это меня тогда Тибор Самуэли приговорил к расстрелу!»

«Надо лететь дальше, отдыхать некогда...»

Вернемся, однако, в столицу, которую Тибор Самуэли покинул в конце апреля.

Первого мая Будапешт оделся в красный парад. Мимо скульптурных изображений Маркса, Энгельса, Ленина проходят колонны демонстрантов, славящих революцию. Пролетариат столицы ликует, а положение Венгерской Советской республики остается критическим. Да и в колоннах демонстрантов это знают. Более осведомленным в военных делах становится известно, что Красная армия без боя сдала Сольнок и он оказывается в руках контрреволюции. Сольнокский плацдарм пал как раз первого мая, тяжелые бои шли у Шальготарьяна.

На заседании Революционного правительственного совета 2 мая Беда Куш заявляет о том, что приняты все меры для продолжения борьбы. И, как уже говорилось, через два дня отряды Красной армии под командованием Тибора Самуэли освобождают Сольнок. На фронт из Будапешта отправляются рабочие батальоны.

Начальник генерального штаба Аурел Штротфельд разрабатывает план контрнаступления. После консультаций с руководящими деятелями Республики созрело решение нанести противнику главный удар в северо-восточном направлении. 20—21 мая Красная армия занимает Мишкольц, а 6 июня наносит поражение чешской буржуазной армии у Кошице. Руководство Венгерской Советской республики приходит к выводу, что сложилась благоприятная обстановка для осуществления прежнего плана — объединения усталых Красных армий Венгрии и Советской России.

В радостные дни второй половины мая Тибора Самуэли не было в Венгрии. Для согласования военных планов в Москву должен был отправиться посланец. Таким посланцем мог быть человек, которому Ленин безгра-

ничего верил. «Важнейшей целью поездки,— пишет Бела Куп,— мы считали обмен взаимной информацией о военном положении».

Будапешт и Москву разделяли фронтовые линии и тыловые зоны. Расстояние от Будапешта до столицы Советской России около двух тысяч километров, а до Киева по воздуху — около 900 километров. Само собой напрашивалось единственное решение — лететь самолетом, без промежуточной посадки.

В середине мая правительственный уполномоченный по делам производства встречается с инженером автосборочного завода в Альбертсфалве Оскаром Ашботом и сообщает ему: «То, о чем я скажу вам, товарищ Ашбот, секретно. Тибор Самуэли летит в Киев на важные политические переговоры. Стоит ли говорить о том, что могла бы означать вынужденная посадка на вражеской территории. Поэтому самолет и его важнейшие части должны быть в безупречном состоянии».

Отличный инженер Оскар Ашбот, ставший впоследствии конструктором венгерского вертолета, получил нелегкую задачу. Обычного запаса горючего для двухместного самолета — биплана с мотором в 230 лошадиных сил — на такой дальний перелет было недостаточно. Ашбот снимает с самолета излишнее оборудование и монтирует вместо него дополнительный бензобак. Самуэли сам приезжает на завод, чтобы проверить подготовительные работы.

«Плохо, что уехал Карл Бёс,— сокрушался Оскар Ашбот.— Это был у нас единственный специалист, который мог делать специальное защитное покрытие для пропеллера». «Для чего нужно такое покрытие сухопутной машине? — спрашивает Самуэли.— Ведь взлет будет совершаться не с водной поверхности». «Это необходимо на тот случай, если во время полета начнется дождь,— объясняет инженер.— Через полчаса кромки пропеллера будут испорчены. Дождевые капли выедают древесину. Сила тяги «изгрызенного» дождем пропеллера, скорость машины станут такими, что полет окажется невозможным».

Самуэли благодарит за разъяснения, интересуется, как можно решить эту проблему, и получает точный ответ. «В течение двух дней,— говорит инженер Ашбот,— я буду покрывать кромки пропеллера быстросохнущим

лаком, чтобы защитный слой стал как можно более толстым. Правда, эта защита будет все же слабее».

Теперь остается найти пилота. Выбор падает на летчика-испытателя Иштвана Добоша. В 1911 году вместе с инженером Яношем Адорьяном он изготовил самолет и на нем участвовал в показательных полетах в Вене. В 1913 году он сдает экзамены и получает квалификацию пилота. Иштван Добош был одним из опытейших летчиков-испытателей того времени. Пилотирование было его единственной страстью, и он с удовольствием соглашается на рискованное предприятие. Политикой он особенно не интересуется, и тогда он, конечно, не подозревал, что ему придется расплачиваться за этот полет. В августе 1919 года после падения Венгерской Советской республики его предают суду военного трибунала. Обвинитель в чине капитана пытался привлечь его к ответственности за то, что он не выбросил Самуэли из самолета. «В воздухе пельзя бороться», — ответил Добош и, обращаясь к капитану, спросил, сидел ли он хоть раз в самолете. «Нет, но теоретически я знаком с полетом», — самоуверенно ответил тот. Тогда Добош попросил господина капитана сесть вместе с ним в самолет, вспоминает жена Иштвана Добоша, чтобы не только теоретически, но и на практике познакомиться с условиями полета. Так случилось, что Добош поднял самолет на высоту 1200 метров и, повернувшись к капитану, предложил побороться с ним. Самолет бросало из стороны в сторону, как бумажный лист. Капитан умолял Добоша не бросать штурвала, и тот, покачивая самолет с крыла на крыло, снизился до 500 метров. Его пассажир к этому времени был «готов». «Он прав, — записаны в протоколе его слова, — в самолете нельзя бороться».

Не ограничиваясь этой подлинной, но в какой-то степени приукрашенной историей, добавим, что в конце 1919 года пилот Иштван Добош заявил газете «Пешти хирлап» («Пештская газета»), что Самуэли с пистолетом сидел за его спиной и таким образом принудил его к полету.

О принуждении, конечно, и речи не было — пилот сам был рад такому полету. Он испытывает самолет, совершая пробный полет до Дьёндьёша и обратно, после чего заявляет сотрудникам журнала «Авиатика»: «Машина и мотор во всех отношениях работали безукориз-

Тибор Самуэли.

Т. Самуэли. 1919 год.

**Тибор Самуэли
в годы
первой мировой войны.**

Т. Самуэли на митинге призывает к оружию.

Т. Самуэли в рабочем кабинете. На плакате призыв: «Вступайте в Красную армию!»

Тибор Самуэли и Н. И. Подвойский.

В. И. Ленин и Т. Самуэли на Красной площади во время парада войск всевобуча.

Т. Самуэли перед отлетом из Киева в Будапешт 27 мая 1919 г.

**В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и Тибор Самуэли
(в центре) на Красной площади.**

В. И. Ленин произносит речь с грузовика перед частями всеобуча на Красной площади в Москве. 25 мая 1919 г.

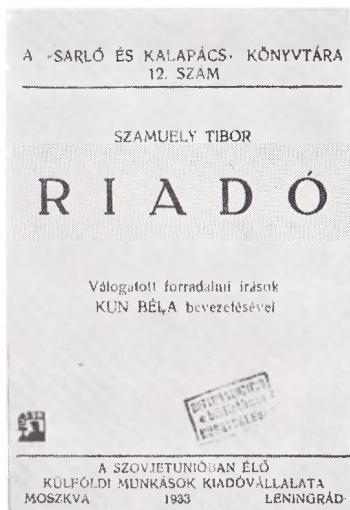
Бела Кун.

Отто Корвин.

Ернő Пор.

**Титульный лист книги
Тибора Самуэли «Riadó».**

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РУССКОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

/Большевиком/.-

Дорогие Товарищи.

Доводим до Вашего сведения, что 24 сего Марта мы создали коммунистическую венгерскую группу.- Группа теоретически и ~~п~~практически стоит на платформе Русской Коммунистической Партии/большевиком/.- Мы признаем программу выработанную коллегией последнего партийного съезда.-

Группа надает - при помощи Ц.К. - два раза в неделю газету под названием " Социальная революция " политического и научного содержания.-

Цель газеты распространение коммунистических идей среди военнослужащих в России и пролетариата и крестьян в Венгрии, в интересах социальной революции при помощи вооруженного восстания.- Для этого мы хотим доставлять газету нелегальным путем в Венгрию и Америку, где живут более 2 миллионов венгерских рабочих.-

Редакция производится коллегией в состав 3 человек.-

Группа устраивает агитаторские курсы.- Таким путем здесь подготовленных товарищей мы хотим отправить в качестве эмиссаров в Венгрию/нелегальным путем/.- Эти эмиссары должны создать там коммунистическую организацию, поддерживающая связь с оставшимися здесь группами эмигрантов и такимым образом являясь крылом социал демократической партии.-

Просим признания нашей группы Русской Коммунистической Партией в рамках организационного устава.-

От товарищеского правления

Председатель *Иван Цукер*
Генрих Кур

Секретарь группы
Франц Тоф

Москва, 25 Марта 1918 года

Плакат. Йолан Силадьи.
«В Красную армию!».

Плакат. Михай Биро. «1 мая
1919 года».

Плакат. Роберт Берень. «К оружию!».

Лихтеровоз «Тибор Самуэли» советского Дунайского пароходства.

ненно — пришлось всего лишь установить ручной насос, чтобы в случае выхода из строя помпы двигателя обеспечить подачу бензина».

«Какое впечатление произвел на тебя Добош?» — спрашивает Тибор восторженную и взволнованную Йолан. «Хорошее. Не угодничает и беззаветно любит свою профессию», — отвечает жена.

Тем временем социал-демократы и журналисты распустили слух, будто Самуэли бежит с золотом. Бела Кун вспоминает, что «Тибор пришел к нему в помер гостиницы «Хунгария» и, открыв ящик письменного стола, со смехом сказал: „Отдай же мне золото, чтобы было с чем бежать!“». В доме № 5 на проспекте Андрашии, в партийном клубе буржуазия распространила слух, будто он собирается бежать в Россию с золотом. «Эту сплетню распространяют и на автосборочном заводе, — продолжал Самуэли. — Прежде чем сесть в самолет, я подвергну себя личному досмотру членами рабочего совета Матяшфёльдского завода».

Дома вместе с Йолан Самуэли составляет список необходимых в полете предметов. Он включает в него и бутылку токайского вина. «Сразу видно, что вы, товарищ народный комиссар, не знаете, что такое полет», — смеется пилот Добош и советует лучше прихватить крепкий кофе и шоколад. Доктора Хаваша беспокоит бронхит Тибора, который может иметь более серьезные последствия при полете. Самуэли отклоняет его предостережения и лишь обещает регулярно принимать средство против кашля.

Утром 18 мая при соблюдении особых мер предосторожности с аэродрома поднимается самолет с венгерским опознавательным знаком. Перед тем как сесть в самолет, Самуэли настаивает на том, чтобы произвели личный досмотр его вещей. Смущенные члены рабочего совета выполняют решительную просьбу народного комиссара.

В июне 1919 года сам Иштван Добош рассказал о полете своему коллеге пилоту и спортивному журналисту Имре Фейеру следующее: «Стояла ясная безоблачная погода, порывов ветра не было... Так что средняя скорость составляла 130 километров. Затем на высоте 3500 метров над отрогами Карпат попали в густые облака, а через полчаса начался снежный вихрь и холод-

пый дождь. Затем мы летели в более теплом слое атмосферы, но ориентироваться (поскольку карта была некачественной, а компас вышел из строя) приходилось только паугад. Выйдя из облачности и убежденные в том, что мы уже миновали вражеские территории, а также с целью пополнения горючим и восстановления ориентации мы приземлились в 80 километрах южнее намеченного маршрута, близ одного украинского города. Мотор продолжал работать».

К самолету бегут крестьяне. Самуэли по-русски спрашивает, в каком районе они сделали посадку. «На территории Советской Украины», — слышатся голоса. Добош и Самуэли выбираются из кабины. До Киева еще несколько десятков километров. «Надо лететь дальше, отдыхать некогда», — говорит Тибор Самуэли. Добош сокрушенно качает головой — оказывается, здесь нет бензина.

До половины следующего дня они тщетно ждут горючее, которое обещали доставить из Киева. Самуэли волнуется, много курит, забыв о таблетках в карманах кожанки. С большим трудом удастся добыть бочку горючего и заправить машину. В 8 часов вечера они продолжают полет в направлении Киева.

На киевском аэродроме для готовящейся к посадке машины выложили сигнальные огни. Народный комиссар по военным делам Украины Николай Ильич Подвойский в то утро 21 мая 1919 года по телефону приглашает своего секретаря: «Зайдите, у меня есть важная новость».

Подвойский встретил его словами: «На самолете к нам прибыл Тибор Самуэли. Он сейчас будет здесь. Решите, когда и каким образом следует сообщить эту новость прессе».

«Нет оснований огорчаться...»

Подвойский хорошо знал Самуэли. Они познакомились в апреле 1918 года в Москве на съезде военнопленных-интернационалистов. Утром 21 мая он обнимает гостя как старого друга, пытается уговорить его поехать, отдохнуть и переодеться. Самуэли и слушать не хочет об отдыхе, достает из кармана кожанки карту и цветными карандашами обозначает линии фронтов, окружающих Советскую Венгрию и отделяющих ее от Советской России.

«Здесь,— говорит он Подвойскому,— Красный Будапешт. На север до границы 160 километров, на восток — 100, на юг — 150, на северо-запад — 60 километров. Если мы объединимся, то станем непобедимыми».

Подвойский информирует Самуэли: «Мы уже направили в Москву шифровку о вашем прибытии. Вам, по-видимому, придется ехать в Москву к товарищу Ленину. Посмотрим, что ответит Москва. А мы постараемся предпринять все для защиты венгерской революции. Вот, познакомьтесь с телеграммой 595». И он передает Самуэли копию текста телеграммы, датированной 8 мая, где говорилось, что быстро формируются 4-я и 6-я украинские дивизии и две интернациональные дивизии — международная и бессарабская с особым заданием: с целью оказать помощь Венгрии. «Эту телеграмму мы получили», — говорит Самуэли и интересуется, знаком ли Подвойский с переданным по телеграфу приказом Бела Куна, в котором содержится призыв к проживающим в России и на Украине венграм в возрасте от 18 до 45 лет вступать в армию.

Самуэли информируют о том, что главнокомандующий советскими вооруженными силами Иоаким Иоакимович Вацетис направил на Украину недавно сформированный 3-й интернациональный полк с задачей уста-

новить железнодорожную связь с Советской Венгрией. Самуэли ведет переговоры с командующим Южным фронтом Владимиром Александровичем Антоновым-Овсеевко, который сообщает ему неутешительные вести о положении в районе Донецкого бассейна и соответственно об ослаблении фронта на Западе.

Самуэли направляет венгерским интернационалистам обращение, которое подписывает как полномочный военный представитель Венгерской Советской республики в России и на Украине. 21 мая это обращение публикуется в печати. В нем говорится о том, что в настоящее время пока нет возможности вывести ни один интернациональный полк из боев в районе Донецкого бассейна, поэтому красноармейцы-интернационалисты должны быть дисциплинированными борцами за дело революции. «Тот, кто допускает неповиновение, уклоняется от выполнения приказа, тот является врагом не только самому себе, но и революции, всем угнетенным и эксплуатируемым, и ему нет места в наших рядах».

На почт Самуэли остается в особом поезде народного комиссариата. Матрос Приходько, участник штурма Зимнего дворца, угощает венгерского гостя селедкой, черным хлебом и чаем.

Вскоре специальный поезд отправляется в путь. Он везет венгерского народного комиссара в Москву. Его сопровождают матросы. Среди них — венгерский интернационалист Миклош Эрош, ставший чекистом и теперь по поручению Дзержинского прибывший в Киев¹. На

¹ *Эрош Миклош* — венгерский интернационалист. В России его называли Николаем Ивановичем. Вот что писала о нем газета «Правда» 27 марта 1979 года: «...Николай Иванович последние годы жил в Черпигове. Зовим в Чернигов. У телефона первый секретарь городского комитета партии Николай Иванович Агеевко:

— Эрош до конца дней своих активно участвовал в общественной жизни нашего города. К 50-летию Великого Октября был награжден орденом Красного Знамени. Часто выступал перед молодежью. Ему было о чем рассказать...

Вместе со своими земляками-интернационалистами Н. И. Эрош в 1917 году на шахте Донбасса вступил в красногвардейский отряд. В составе Пятой армии с кровопролитными боями прошел через донские степи от Луганска до Царицына. Когда рабочие Петрограда и Москвы бедствовали от голода, Эрош возглавил продовольственный отряд, из урожайных районов под Кизляром отправил в адрес москвичей и питерцев эше-

фотографии, снятой на Красной площади, он стоит у грузовика, держится рукой за борт кузова. На нем такая же, как у Самуэли, кожанка со звездой на клапане кармана. Его непринужденное поведение ни у кого не вызывает подозрения в том, что он выполняет задачу по обеспечению безопасности, зорко наблюдая за теми, кто находится вблизи грузовика.

Поездка Самуэли имела важное значение. О переговорах не сохранилось документов. По утверждению Матэ Залка, Самуэли встретил начальник секретариата Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, который сообщил Самуэли, что он прибыл как раз в день проведения парада войск Всевобуча. «Владимир Ильич ждет вас, — сказал он, — и просит принять участие в смотре».

Машина Бонч-Бруевича с большим трудом продвигается сквозь массу людей, направлявшихся на Красную площадь.

Смотр уже начался. Ленин как раз произносил речь с платформы грузовика. Самуэли поднимается на платформу, Ленин обнимает его, затем поворачивается к участникам митинга и говорит: «Я представляю вам венгерского товарища, Тибора Самуэли...»

Самуэли подходит к краю платформы, пачинает го-

лон хлеба. В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится грамота о присвоении Эршун почетного звания Героя Труда.

В Москву Николай Иванович приехал в марте 1919 года — С. М. Киров рекомендовал его на службу в ВЧК. Вскоре В. И. Ленин доверил венгерскому интернационалисту важное поручение.

Навстречу посланцу свободной Венгрии из Москвы в Киев был отправлен состав из трех вагонов. Начальником поезда по указанию В. И. Ленина был назначен Н. И. Эршун. Его инструктировал Ф. Э. Дзержинский: «Чтобы ни один волос не упал с головы товарища Самуэли...»

Из Киева венгерский гость продолжал путь в Москву. На перроне его провожал Н. И. Подвойский. Поезд шел по местам, где бродили шайки врагов революции. За Курском бандиты напали на состав. Н. И. Эршун пришлось применить оружие. 25 мая Т. Самуэли беседовал с В. И. Лениным.

А через несколько дней на том же поезде Эршун снова сопровождал венгерского наркома до Киева. Тибор Самуэли вез из Москвы своим землякам драгоценный подарок — ленинскую статью „Привет венгерским рабочим“.

ворить. В его голосе чувствуется волнение, в речи — акцент.

Начинаются переговоры с Лениным, который получил непосредственную информацию о военном и политическом положении Венгерской Советской республики еще 21 марта 1919 года. Самуэли подробно рассказывает о внутренних проблемах, о колебаниях правых социал-демократических лидеров. В первый день его пребывания в Москве приходит телеграмма от Бела Куна. В ней, в частности, говорилось:

«Москва. Ленину. ...Учитывая, что правые элементы в партии в связи с ожидающимся наступлением Аппаты почувствовали благоприятные для себя возможности, было бы очень хорошо, если бы Вы заявили в открытом письме ко мне, что есть только один выбор: либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии, что секрет успеха не в том, чтобы обеспечить пути для отступления, а скорее в том, чтобы радикально покончить с капиталистическим строем. Письмо прошу передать по радио.

Народный комиссар Кун»¹.

Ленин уже однажды отклонил подобную просьбу. Когда Ласло Рудаш обратился к нему с просьбой написать письмо венгерским рабочим, он ответил: «Этого сделать я не могу. Я не вправе вмешиваться во внутренние дела других стран. Тем более в дела таких стран, внутреннюю обстановку в которых я недостаточно хорошо знаю»².

На этот раз он не отклонил просьбу руководителей Венгерской Советской республики. Информация, полученная от Тибора Самуэли, позволила ему написать 27 мая 1919 года знаменитый «Привет венгерским рабочим».

В ходе переговоров по военным вопросам для Тибора Самуэли становится ясным, что в нынешней обстановке Советская Красная Армия не имеет возможности пробиться к Венгрии через Бессарабию или Карпаты. Еще неделю назад, после запятия Мишкольца, реальным представлялось согласование военных планов двух Крас-

¹ См. Рети, Ласло. Ленин и венгерское рабочее движение. М., 1972, с. 159.

² См. «Венгры о Ленине». Будапешт, 1955.

ных армий, объединение их усилий. Ухудшение обстановки на украинском фронте в конце мая сделало эти планы переальными¹. Это, однако, не лишает Тибора Самуэли оптимизма.

Перед отъездом он встречается с корреспондентом газеты «Правда». «Чего вы ждете от будущего?» — спрашивает корреспондент. И следует естественный ответ: «У меня нет оснований огорчаться. Я знаю, что большинство венгерских пролетариев уверено в победе».

Тибор Самуэли встречается с комсомольскими руководителями, с представителем немецкой молодежи. Он выдвигает предложение провести в Будапеште всемирный конгресс молодых коммунистов. Это предложение поддерживает Ленин, проведение конгресса намечается на август.

На родину Тибор Самуэли возвращался опять через Киев. Он снова встречается с Н. И. Подвойским.

Тем временем Иштван Добош проверяет новый пропеллер — через несколько часов пребывания в Киеве предстоит обратный путь на родину². Перед стартом — фотографирование: Тибор Самуэли, опершись на борт самолета, смотрит вдаль.

Через некоторое время самолет приземляется для дозаправки бензином. Над южными склонами Карпат самолет попадает в зону вихря, компас выходит из строя. Требуется все мастерство Иштвана Добоша, чтобы избежать опасности. В районе Мукачево удастся наконец вырваться из плена вихревой облачности. Наконец через семь часов полета самолет приземляется на аэродроме в Альбертсфалва.

¹ Советская Россия существовала уже более полутора лет и в течение всего этого периода мужественно противостояла эксплуататорам и империалистическим грабителям всего мира. Весной и летом 1919 года положение Страны Советов было особенно тяжелым.

² «В обратный рейс, — вспоминал Н. И. Эрош, — самолет нагружали, что называется, до отказа. Были отправлены коробки с кинофильмами, резина для автомобилей, глицерин для пушек. Самуэли захватил с собой и сверток с пятьюстами красноармейскими звездочками...» («Правда», 27 марта 1979 г.)

**«Нет отступлению,
нет соглашательству,
никакой капитуляции!»**

С аэродрома Самуэли спешит домой, к жене. «Тибор нагрянул неожиданно, с обветренным лицом и воспаленными глазами. Смеясь, он обнял меня и поцеловал,— вспоминает Йолап.— И тут же сказал: „Я должен идти на заседание Совета. Я привез письмо от товарища Лепина...”»

Самуэли торопится на заседание Будапештского Совета рабочих и солдат. Он передает послание Лепина Бсла Купу, который сразу же начинает переводить его на венгерский язык.

Зал горячо встретил посланца к Ильичу.

«Я привез привет от товарища Лепина»,— сказал Самуэли под гром оваций.

«Уважаемые товарищи! Вы, надеюсь, простите меня, если я буду очень краток. Я совершил семичасовой полет и сейчас, откровенно говоря, еще не пришел в себя. Тем не менее я считал своим первейшим долгом засвидетельствовать своим личным появлением ту распространявшуюся басню, будто я вновь уехал без официального разрешения, прихватив миллионы и даже миллиарды... С другой стороны, я считаю необходимым опровергнуть слухи о том, будто наш бесстрашный и отличный пилот товарищ Добош переметнулся на сторону румын как белогвардеец...»

Самуэли рассказывает о своем пребывании в Москве, о борьбе, которую ведет Советская Россия, о послании Ленина. «Полностью с текстом этого приветствия вы, товарищи, сможете скоро ознакомиться,— говорит он.— Здесь же я коротко сообщу только, что, вполне естественно, у товарища Лепина нет иного желания, нет иной просьбы, я бы сказал — нет иного требования, кроме того, чтобы мы все до последнего человека,

до последней капли крови защищали революцию для освобождения пролетариата».

Зал встречает его слова возгласами одобрения и продолжительными аплодисментами. «Нет отступлению, нет соглашательству, никакой капитуляции! — провозглашает Самуэли. — Кто стал солдатом революции, тот должен до конца вести революционную борьбу».

«Верно! Верно!» — доносились восторженные возгласы из всех концов зала.

Поздно вечером Самуэли встречается с Бела Куном, их беседа затягивается до утра. Они обсуждают сложившуюся обстановку, не позволяющую венгерской и советской Красным армиям соединиться через Восточную Галицию.

Социал-демократы Якаб Велтнер и Жигмонд Кунфи протестуют против опубликования в газетах полного текста послания Ленина. Коммунисты заявляют, что если «Непсава» не намерена публиковать полный текст послания, то они разоблачат в газете «Вёрёш уйшаг» эти повые маневры правых социал-демократов.

1 июня «Непсава» помещает на своих страницах полный текст послания Ленина «Привет венгерским рабочим».

Привет венгерским рабочим¹

Товарищи! Вести, которые мы получаем от венгерских советских деятелей, наполняют нас восторгом и радостью. Всего два с небольшим месяца существует Советская власть в Венгрии, а в смысле организованности венгерский пролетариат, видимо, уже обогнал нас. Это попятно, ибо в Венгрии выше общий культурный уровень населения, затем неизмеримо выше доля промышленных рабочих во всем населении (трехмиллионный Будапешт на 8 миллионов населения теперешней Венгрии), наконец, и переход к советскому строю, к диктатуре пролетариата был в Венгрии несравненно более легким и мирным.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Боль-

¹ Печатается по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 384—388.

шинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, так погрязло в предрассудках чисто мещанских, воспитанных десятилетиями сравнительно «мирного» капитализма и буржуазного парламентаризма, что понять Советской власти и диктатуры пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устрояя с своей дороги этих вождей, не удаляя их прочь. Эти люди верили, целиком или паполовину, буржуазной лжи про Советскую власть в России и не сумели отличить сущности новой, пролетарской демократии, демократии для трудящихся, демократии социалистической, воплощенной в Советской власти, от буржуазной демократии, перед которой они рабски преклоняются, называя ее «чистой демократией» или «демократией» вообще.

Эти слепые, забытые буржуазными предрассудками, люди не поняли всемирно-исторического поворота от буржуазной к пролетарской демократии, от буржуазной к пролетарской диктатуре. Они смешивали ту или иную особенность русской Советской власти, русской истории ее развития с Советской властью в ее международном значении.

Венгерская пролетарская революция помогает даже слепцам прозреть. Форма перехода к диктатуре пролетариата в Венгрии совсем не та, что в России: добровольная отставка буржуазного правительства, моментальное восстановление единства рабочего класса, единства социализма на коммунистической программе. Сущность Советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися и пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире, кроме как Советская власть, кроме как диктатура пролетариата.

Эта диктатура предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата.

Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности

передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму.

В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин как труженик тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин как продавец хлеба тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному», старому, «исконному» капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии» вообще, о «единстве» или о «единстве трудовой демократии», о «равенстве» всех «людей труда» и так далее и тому подобное, — этим фразерством, на которое так склонны омещавившиеся социал-шовинисты и каутскианцы, — фразерством делу не поможешь. Фразерство только за-

соряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее.

Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролетариат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться «нейтрализации» тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину, товарищескую дисциплину трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их объединенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины «вольного» наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством пасчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» товаровладельцев, «свободу и равенство» капиталиста и рабочего).

Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом, — только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся, — только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, ве-

ликие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему,— только тот класс, в котором лучшие люди полны несправедливости и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции»,— только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку.

Товарищи венгерские рабочие! Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов. Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел — вот законная участь труса на войне.

Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне. Каждый месяц приближает мировую пролетарскую революцию.

Будьте тверды! Победа будет за вами!

Ленин
27.V.1919.

На заседании Совета уполномоченных рабочих-металлистов 2 июня Жигмонд Кунфи с возмущением цитировал слова Ленина: «Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно. Расстрел — вот законная участь труса на войне». Народный комиссар — социал-демократ заявляет: «Я не согласен с этим тезисом товарища Ленина».

В послании Ленина не только содержится анализ функций диктатуры пролетариата. Оно обращает также

внимание венгерских руководителей на сложный характер политики в отношении крестьянства. «Крестьянин как труженик тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин как продавец хлеба тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад, к «привычному», старому, «исконному» капитализму».

Руководители Венгерской Советской республики ошибочно решали аграрный вопрос, отказались от раздела помещичьей земли при проведении земельной реформы. «Ошибка, допущенная в крестьянском вопросе,— писал позже Бела Кун,— дала пролетариату ценный урок насчет важности крестьянского резерва пролетарской революции»¹.

«Каково настроение у ваших крестьян?» — спрашивал Тибора Самуэли корреспондент «Правды» в Москве. Страшно читать его ответ: «В аграрном вопросе у нас не было таких трудностей, как у вас. Сейчас уже все помещичьи владения преобразованы в советские хозяйства. Вполне понятно, что крестьяне на нашей стороне».

В то время и Тибор Самуэли, и многие его товарищи не понимали указания Ленина о том, что колебания и в основном неосознанная привязанность крестьян к старому укладу жизни объясняются их местом в системе производственных отношений. Позже он с огорчением вспоминал о том оптимизме, с каким говорил корреспонденту «Правды» о безусловной поддержке со стороны крестьянства.

В начале июня в Задунайском крае вспыхивает контрреволюционный мятеж. Объявив этот район зоной боевых действий, Революционный правительственный совет для восстановления порядка учреждает комитет из трех человек под председательством Тибора Самуэли. В телеграмме, направленной ему 7 июня, Бела Кун настаивает на использовании всех средств для подавления мятежа: «Действуйте беспощадно, потому что колебания только вредят делу».

На западе Задунайского края зерна контрреволюции попадают в благоприятную почву. Оставшиеся здесь по-

¹ «Правда», 21 марта 1929 г.

сле провозглашения Венгерской Советской республики управляющие имениями, чиновники, приказчики, нотари легко пробрались в различные руководящие органы. В начале июня происходит забастовка задунайских железнодорожников. 2 июня выступают вооруженные контрреволюционеры в Секешфехерваре и Шопроне, 3 июня — в Лёвё и Капуваре, 6 июня — в Чорпа. Враги Советской власти арестовывают и расстреливают коммунистов.

Особый поезд чрезвычайного революционного трибунала направляется в Задунайский край. Решительными мерами к 8 июня Тибору Самуэли удается ликвидировать контрреволюционный мятеж. Во второй половине июня главный очаг контрреволюции перемещается в центральные районы страны. Быстрыми и решительными действиями под руководством Самуэли в междуречье Тисы и Дуная удается подавить очаги контрреволюции. В Кунсентмиклоше порядок восстанавливается за три дня, отдельные села очищаются от контрреволюционеров группами в несколько человек. Селом Шолт, например, овладевает отряд из восьми красноармейцев. Прибыв к сельской ратуше на машине, Самуэли приказывает трем красноармейцам держать под наблюдением площадь, а четвертому быть наготове с пулеметом и дать очередь, если внутри помещения раздастся выстрел. Еще трое получают задание действовать гранатами в случае опасности. В помещение ратуши входит сам Самуэли в сопровождении одного красноармейца.

Кулаки-контрреволюционеры как раз обсуждают в помещении ратуши свои дела. Вдруг открывается дверь и входит Тибор Самуэли: «Добрый день, господа! Не обижайтесь, что мы помешаем вам, но в этом совещании хотелось бы принять участие и нам. Я — Тибор Самуэли, председатель чрезвычайного революционного трибунала. Довожу до вашего сведения, что село Шолт и здание ратуши окружены». Господа выглядывают в окна и видят нескольких красноармейцев в полном снаряжении, с пистолетами в руках. Сопровождающий Самуэли Арпад Керекеш приказывает «Руки вверх!», обыскивает послушно вставших к стене господ, отбирает у них оружие. Красноармейцы затем освобождают арестованных членов местного Совета, чье место заняли сельские контрреволюционеры.

Подразделения первого будапештского красного полка одно за другим отбивают у контрреволюционеров «белые села». Но положение Советской республики оставалось критическим.

Законы войны требуют жестких мер. После подавления контрреволюционного мятежа в Чорна чрезвычайный революционный трибунал приговаривает нескольких контрреволюционеров к смертной казни. Исполняется смертный приговор шести мятежникам в Капуваре. Остальные, по их заблуждению вовлеченные в мятеж, получают амнистию. Сомбатхей объявляется на военном положении.

Так решительно трибунал ликвидирует контрреволюционные мятежи. Он выносит смертные приговоры в Калоче, Салксентмартоне, Дунапатайе. «В области Пешт до самой демаркационной линии потушена последняя искра белогвардейского мятежа», — писала с пресувеличенным оптимизмом газета «Вёрёш уйшаг» непосредственно перед пештским контрреволюционным мятежом.

12 июня в Будапеште собирается I съезд Социалистической партии Венгрии, а 14 июня начинает работу Всевенгерский съезд Советов¹. Правые социал-демократы требуют на этом съезде мягкого применения диктатуры. Пока в зале заседаний идет дискуссия о «жестком или мягком применении» диктатуры, Самуэли громит контрреволюцию. Вместо признания его заслуг, однако, на Всевенгерском съезде Советов на него обрушивается клевета. На обвинения правых социал-демократов он дает недвусмысленный ответ:

«Те же самые товарищи, которые занимаются критикой в Будапеште, которые провозглашают в Будапеште гуманизм, и не подозревают, каким образом отражается в наивных душах провинции искаженная картина их критики, их приверженности «гуманизму». Товарищи не знают, что когда в Будапеште они провозгласили лозунг гуманизма, то в провинции этот лозунг превратился в призыв «Бей коммунистов!». В то время, когда в Будапеште товарищи говорят о мягком применении диктатуры пролетариата, в комитатах Шопрон и Ваш контрреволюция поддерживает мягкое применение

¹ Съезд партии проходил 12—13 июня 1919 года, Всевенгерский съезд Советов работал с 14 по 23 июня 1919 года.

диктатуры пролетариата в том духе, что надо убивать коммунистов: таковы социал-демократы».

В городском театре, где проходил съезд, обнаруживают контрреволюционные листовки. Социал-демократы с улыбкой отмахиваются: «Собака лает — ветер носит!»

Начальник особого следственного отдела по политическим делам народного комиссариата внутренних дел Отто Корвин предупреждает членов Революционного правительственного совета: «В Будапеште готовится контрреволюция! Контрреволюционный мятеж намечен на 24 июня!» На основе донесений своих сотрудников Корвин раскрывает военный план мятежа: в три часа идущие по Дунаю мониторы начнут обстрел гостиницы «Хунгария», где размещается Совет рабочих и солдат, орудия воинских казарм откроют огонь по острову Маргит, а из здания военной академии «Людовика» холостыми патронами будет вестись огонь в направлении районов Уйпешт и Кишпешт.

Опасность, на которую обращал внимание Отто Корвин, кое-кто считал преувеличенной.

23 июня в квартире Самуэли раздается телефонный звонок. Йолан поднимает трубку и слышит взволнованный голос, который просит к телефону Самуэли. «Его нет дома», — отвечает Йолан. «Я не могу назвать свое имя, — слышится голос. — Готовится контрреволюционный мятеж. Немедленно сообщите об этом товарищу Куну». Йолан разыскивает руководителя группы связи с армией и просит передать Бела Куну тревожную весть.

24 июня в Будапеште вспыхивает контрреволюционный мятеж.

Рабочие столицы под руководством Отто Корвина, Бела Санто и других подавляют его. Самуэли находился в Калоче, а затем в Кецеле, в 117 километрах от Будапешта. Предположительно 24 июня он уже прибыл в столицу и поспешил в воинские казармы, чтобы организовать интернациональный отряд, который занял боевые позиции у моста Йозефа Ференца и вступил в поединок с мониторами.

24 июня на заседании Революционного правительственного совета и Центрального Комитета коммунисты требуют учреждения органа, подобного ВЧК в Советской России, для подавления контрреволюции. Они настаивают также на том, чтобы этот орган возглавлял Ти-

бор Самуэли. Накапуне «Вёрёш уйшаг» писала: «Перед лицом контрреволюции мы требуем введения чрезвычайного положения! Мы требуем также, чтобы исполнение чрезвычайных мер было поручено единственно достойному этой задаче: товарищу Тибору Самуэли. Мы отдаем дань уважения тому, кто бесстрашен в борьбе за дело революции, у кого достаточно культуры и смелости, чтобы решительно, с революционной верой и сознанием идти по неизбежному пути революции!..»

На съезде Советов обсуждалась также внешнеполитическая обстановка. От имени Парижской мирной конференции ее председатель французский премьер-министр Клемансо еще 8 июня направил Советскому правительству Венгрии ноту-ультиматум, в которой требовал, чтобы венгерская Красная армия, победоносно наступавшая и теснившая интервентов, немедленно приостановила действия на северном фронте¹.

Не уяснив до конца сущность коварных маневров Антапты, Бела Кун неосмотрительно приравнивал создавшееся положение в Венгрии к положению России накануне заключения Брестского мирного договора, поэтому он выступал за принятие этого ультиматума, надеясь на выигрыш времени. Его доклад подвергается критике со стороны многих коммунистов и левых социал-демократов. Против принятия ультиматума выступает и Тибор Самуэли. Нога Клемансо, подчеркивает он, не дает никаких гарантий, а отход Красной армии может подорвать наступательный дух солдат, деморализовать войска.

Самуэли дважды прерывает речь Жигмонда Кунфи, ратовавшего за принятие ультиматума, против продолжения борьбы. «Единственный наш долг — сохранить здесь очаг социальной революции», — заявил Кунфи. Самуэли уточняет: «А также сражаться и защитить страну!» Когда Кунфи напоминает о Брест-Литовском мире, Самуэли, не обращая внимания на аплодисменты одобрения, с возмущением говорит: «Это не Брест-Ли-

¹ 13 июня Клемансо направил новую ноту. В этой ноте Антапта в ультимативной форме потребовала в четырехдневный срок прекратить военные действия и отвести войска венгерской Красной армии с северного фронта за определенную Антаптой демаркационную линию.

товский мир, это будет совершенно другое, если мы подпишемся под тем, что нам навязывают!»

Съезд Советов тем не менее голосует за принятие ноты. Этот шаг привел к пагубным последствиям.

В 1933 году Бела Кун писал по этому поводу:

«В своем заключительном слове я ответил Тибору излишне резко, поставив его на одну доску с теми социал-демократами, с которыми у него не было ничего общего, кроме того, что он, как и они, возражал против моего предложения. Я квалифицировал его позицию как левое пораженчество. Тон моего ответа на его выступление был тем более неуместен и несправедлив, что мое предложение в первую очередь поддерживали именно социал-демократы.

Но мой ответ, столь же неуместный, как и несправедливый, не мог отдалить Тибора от меня. Он остался для меня тем же самоотверженным, искренним и добрым другом, каким был в совместной революционной борьбе. Он и впредь каждодневно навещался ко мне, и мы вдвоем обсуждали наиболее важные вопросы»¹.

Съезд Советов закончил работу 23 июня. На первом заседании Центрального исполнительного комитета было сформировано Советское правительство. В высшем руководящем органе Советской республики места для Тибора Самуэли не нашлось. Нападки на него не остались безрезультатными, свое дело сделала и «шипящая пропаганда». Даже кое-кто из коммунистов не считал целесообразным обострять отношения с социал-демократами из-за Тибора Самуэли. Его избирают лишь в Центральный исполнительный комитет, состоящий из 150 человек².

Что было на душе у Тибора Самуэли в эти дни?

Он был гордым человеком и умел управлять своими

¹ Кун, Бела. О Венгерской Советской республике, с. 516—517.

² В состав правительства (15 человек) вошли 3 коммуниста (Бела Кун, Бела Сапто, Антал Гут) и 6 левых социал-демократов (Енё Варга, Ференц Балки, Дюла Лендьел, Дьердь Нистор, Енё Ландлер, Йозеф Погаш), а также 6 правых социал-демократов и их сторонников (Шандор Гарбаи — председатель правительства, Петер Агоштон, Антал Довчак, Вилмош Бсм, Хоприк Калмар, Августин Штефан). (См. История Венгрии, т. III, с. 148.)

чувствами. Но порой и сдержанность была красноречивой.

Однажды вместе с Йолан он побывал на выставке национализированных шедевров в Музее изобразительных искусств. Он долго стоял перед знаменитым портретом испанского кардинала-судьи Ниньо де Гевара, написанным Эль Греко, и жена не удержалась от вопроса: «Почему тебе нравится этот портрет?» Тибор улыбнулся и сказал, что он испытывает симпатию к этому человеку. В свое время слышший жестоким, кардинал, как показали новейшие исследования, был одним из справедливейших судей. Взгляд его на портрете скорее выражал упрек, чем строгость.

«В Шаванюкуте есть один товарищ...»

Принятие ноты Клемансо и отвод частей Красной армии контрреволюция восприняла как признак слабости Венгерской Советской республики. Внутренняя и внешняя контрреволюция активизировала свою деятельность, направленную на свержение власти Советов.

В июле государства Антанты готовятся к решющему удару по Советской Венгрии. Пока ни румынские, ни чехословацкие войска не предпринимают попыток начать наступление, по затишью обманчиво. В эти дни складывается неблагоприятная военная обстановка. Красная армия начала отходить из Карпат, а Антанта и не собирается выполнять свое обещание вывести войска из восточной части страны. Румынское правительство заявляет, что его войска покинут Затишье только в том случае, если Красная армия будет разоружена.

В результате бурной дискуссии Советское правительство 10 июля принимает большинством голосов разработанный генеральным штабом¹ план форсирования Тисы и вооруженного освобождения занятых интервентами территорий.

Бела Кун и Тибор Самуэли возражают против плана недостаточно подготовленного наступления. Но тщетны возражения Бела Куна, а тем более — Тибора Самуэли, не являвшегося членом правительства.

Однако план принят большинством, и теперь необходимо всесторонне подготовиться к выполнению решения.

Вместе с тем, не получив решительного отпора, накапливала силы контрреволюция.

¹ Место ушедшего в знак протеста против отвода войск начальника генерального штаба армии А. Штромфелда занял бывший подполковник Ференц Жулье. Лишь позднее стало известно, что он был связан с контрреволюционерами. (См. История Венгрии, т. III, с. 153.)

На заседании Центрального исполнительного комитета 15 июля Бела Кун обращает внимание на маневры правых социал-демократов. Самуэли требует создания чрезвычайной комиссии для борьбы с контрреволюцией, а Центральный Комитет ввязывается в бесплодную дискуссию о сухом законе, о новых ценах на хлеб и т. д.

Самуэли беседует с Бела Куном, Кун предлагает: «Возьмите, Тибор, в свои руки «Вёрёш уйшаг» и сделайте ее снова коммунистической газетой». Как постоянный и страстный журналист, Самуэли считает целесообразным основать новую газету — «Коммунист».

Для осуществления этих планов, однако, уже не было времени.

В последние дни Советской республики Самуэли все более отесняется на задний план — ему поручают контроль за организацией летнего отдыха детей пролетарских семей. Он выезжает на Балатон и лично проверяет работы по устройству отдыха детей рабочих. Ему удается вместе с женой провести несколько дней близ Шопрона в бывшем замке барона Берга. На короткое время они словно забывают о том, что вокруг них бурлит беспокойный, тревожный мир. В конце июля Самуэли срочно выезжает в Будапешт, оставив Йолаш на попечение доктора Андраша Хаваша и его супруги.

«В Дьёре развязана контрреволюция, поезжайте туда с несколькими товарищами» — такими словами встречает Самуэли Бела Кун. Тревога оказалась ложной, но общее положение становилось все более угрожающим.

Ночью 31 июля руководители Советской республики обсуждают сложившуюся обстановку¹. Как утверждает Якаб Велтпер, «под нажимом Самуэли не было достигнуто соглашения, а сложилось мнение, что необходимо предпринять еще одну попытку оказать вооруженное сопротивление».

1 августа 1919 года происходит совместное заседание руководства партии и правительства. Формальности не соблюдаются. Никому и в голову не приходит, что официально Самуэли не может участвовать в этом засе-

¹ Коммунисты — руководители Советского правительства принимали срочные меры по улучшению военного положения страны, а правые социал-демократы, действуя по указке Антанты, настойчиво предлагали пойти на капитуляцию. (См. История Венгрии, т. III, с. 156.)

дании, так как не является членом правительства. Протокол не ведется. Петер Агоштон по своей инициативе делает некоторые записи — небольшой листок сохранил память о последнем заседании правительства Советской республики. Бела Кун призывает к продолжению борьбы. Самуэли горячо поддерживает его предложение: «Мы не должны отказываться от власти!»

С фронта продолжают поступать тревожные вести. Тщетно спорит Кун, напрасно отстаивает свою позицию Самуэли. Под давлением правых социал-демократов принято решение об отставке Советского правительства и об образовании реформистского, так называемого профсоюзного правительства, во главе которого был поставлен социал-демократ Дюла Пейдл.

О последнем выступлении Тибора Самуэли нет письменного документа. Он, по-видимому, повторил то, что уже сказал на совещании 31 июля. Якаб Велтнер не уточнял, в чем выражался «нажим» Самуэли. Бела Кун в связи с этим пишет, что «на совещании, состоявшемся в ночь на 1 августа, Самуэли выдвинул предложение, чтобы Советское правительство или предприняло попытку мобилизовать рабочих Будапешта, или отступило за Дунай».

Новое правительство стремилось освободиться от народных комиссаров — коммунистов. Австрия предлагает им право убежища. В этом праве отказано лишь одному бывшему народному комиссару — Тибору Самуэли.

«Ко мне на квартиру пришел Самуэли, — пишет Бела Кун, — и мы договорились, что он выедет за пределы страны на автомобиле. Самуэли хорошо знал Задунайский край Венгрии и австрийскую границу. В Шаваньюкте, возле австрийской границы, имелись люди, считавшиеся заслуживающими доверия, которые контрабандой провозили военное снаряжение из Австрии. С их помощью Самуэли намеревался нелегально перейти границу, с тем чтобы пробраться затем в Советскую Россию...»

В тот вечер Йолап не покидало тревожное чувство. В половине десятого подъехала машина красного цвета с разбитой фарой и вмятиной на боку. Приехал Тибор Самуэли с двумя сопровождавшими. За рулем — Иштван Декань.

«Диктатура пролетариата пала! Погибла пролетар-

ская власть! Сформировано профсоюзное правительство...» — говорит Тибор жене и находившимся с ней супругам Хаваш. На полчаса он остается наедине с Йолан.

«Я спросила у него, что случилось с другими наркомками, — пишет она о последних минутах, проведенных с Самуэли. — Он сказал, что некоторые из них вместе с Бела Куном на специальном поезде отправились в Вену: Австрия предоставила им право убежища. А почему же ты не уехал с ними? — спросила я. Мне такого права не дали, вот я и решил в одиночку отправиться в путь. В Шаванюкоте есть один товарищ, который проведет меня в Австрию...»

Йолан спросила, почему он не может улететь на самолете. «Один биплан «сбежал» в Сегед, а другой неисправен. Я не могу ждать, пока его починят», — ответил Самуэли. Йолан просит Тибора взять ее с собой. «Это затруднило бы переход через границу», — говорит он. «Ты думаешь, я бы испугалась?» — «Нет, я знаю, ты не из трусливых».

Тибор обещает при первой же возможности помочь Йолан покинуть страпу. «В какой мере он был преданным делу рабочих, в такой же мере он был верен и мне, поэтому, когда мы прощались и он сказал, что пришлет за мной, я знала, что он не забудет об этом... я ни минуты не сомневалась в этом».

До Шопрона машина трижды останавливалась в пути. Необходимо было все мастерство Деканя, чтобы завести ее. В час ночи они прибывают в Шаванюкут, разыскивают командира пограничного взвода Йожефа Петера и вместе с ним поднимают с постели политического уполномоченного Игнаца Барну, который ведет их к председателю местного директориума. Самуэли не доверяет Игнацу Барне, поэтому он говорит ему, что во вторник 5 августа в Вене будет провозглашена Советская республика и ему непременно надо быть там.

Председатель директориума сообщает Самуэли, что у него как раз ночует австрийский коммунист, нелегально прибывший в Венгрию, который и может провести его через границу по тому же маршруту.

Раздумывать было некогда — они отправляются в путь. Председатель провожает их. Тем временем Игнац Барна узнает от начальника курорта Золтана Шюмеги

об отставке Советского правительства. Сам же Шюмеги узнал об этом еще вечером в редакции шопронской газеты. Тогда Игнац Барна тут же звонит начальнику пограничной полиции Золтану Бодору и сообщает ему: «Самуэли пытается бежать. Примите соответствующие меры».

В два часа ночи шопронское полицейское управление официально уведомляет полицейское отделение в Шаванюкуте об отставке Советского правительства. Золтан Бодор «немедленно проинформировал австрийскую жапдармерию и, описав точные личные приметы и маршрут следования, попросил привести в действие имеющиеся в распоряжении патрули, чтобы схватить Тибора Самуэли», — говорится в полицейском донесении из Шаванюкута от 2 августа.

Достоверных данных о том, что произошло дальше, нет.

Согласно официальным сообщениям, австрийский патруль задержал Тибора Самуэли и его спутников в приграничном лесу и доставил в караульное помещение. Здесь Самуэли якобы выхватил из кармана миниатюрный пистолет и выстрелил в себя. Возможно ли, однако, чтобы при задержании его не обыскали? Об этом ничего не говорится в официальных сообщениях. Врачи Винер-Нейштадтской больницы, куда он был доставлен, уже не могли спасти его жизнь.

Один английский журналист, ссылаясь на секретные документы венской полиции, распространил другую версию, согласно которой Самуэли был убит якобы одним из тех венгерских белогвардейцев — а именно старшим лейтенантом Дьюлаи, — кто еще в период Венгерской Советской республики стал служить в австрийской пограничной жапдармерии. Как утверждает журналист, в Самуэли стреляли сзади. В донесении начальника шаванюкутского полицейского отделения говорится, что пуля поразила его в голову у левого уха.

Многие считают, что Тибор Самуэли погиб в результате самоубийства. «Как постигла его смерть, мы никогда не узнаем», — пишет Шандорне Габор, автор первого имеющего научную ценность биографического труда о Самуэли.

О том, как развивались события после его гибели, есть более подробные сведения.

Австрийские власти стремились как можно быстрее покончить с этой неприятной для них историей. Из больницы тело Самуэли доставляют в Шаванюкут. Тайно, без составления соответствующих документов, в присутствии местного полицейского, детектива и двух землекопов его хоронят в половине первого ночи 3 августа.

По сообщению газеты, 14 августа могилу вскрывают, чтобы сделать снимки и дать возможность венским судебным врачам-экспертам определить, действительно ли в затылочной части черепа есть повреждения, свидетельствующие об убийстве.

Правдива ли эта информация или это была всего лишь газетная утка — судить трудно. Есть ли в венском полицейском архиве достоверные документы о смерти Самуэли — неизвестно.

Он захоронен в печеньедском лесу в безымянной могиле. В полицейском документе так описывается это место: «Могила находится у первого крутого поворота шиклошдской полевой дороги... в густых зарослях акации на склоне поросшего кустарником холма, пачинающего у поворота... Могила не отмечена никаким знаком, но знающие о ней могут легко обнаружить ее по пяти деревьям у ее изголовья».

В сентябре 1919 года власти арестовали жену Тибора Самуэли. После выхода из тюрьмы она нелегально покидает страну и в начале 1920 года в Вене узнает о том, что хортистские палачи повесили Ласло Самуэли, а офицеры-белогвардейцы убили в Шнофоке Золтапа Самуэли. До нее доходят противоречивые сведения об обстоятельствах гибели Тибора. Она добивается приема у начальника венской полиции, который зачитывает ей донесения, протоколы и свидетельские показания о смерти ее мужа. В просьбе снять копии с этих документов, однако, ей отказывают.

Короткое время Йолан Силадьи паходится в Москве. Затем Коммунистическая партия Венгрии направляет ее в Берлин. Здесь она живет нелегально и работает художником-графиком. Она активно сотрудничает с немецкими коммунистами. После прихода к власти Гитлера Йолан уезжает в Советский Союз, а когда Советская Армия освободила Венгрию от фашизма, возвращается на родину.

На родной земле она разыскивает друзей и знакомых Тибора, оставшихся в живых интернационалистов, по крупицам собирает сведения о жизни мужа. В 1966 году издает книгу под названием «Мои воспоминания». И неутомимо продолжает работать как художник-график. Последний свой политический плакат она создает в 1968 году в знак протеста против империалистической агрессии во Вьетнаме. В 1971 году Йолан Силадьи скончалась. Произведения этой талантливой художницы можно увидеть в Венгерской Национальной галерее, в Музее венгерского рабочего движения, в московском Музее Революции.

Рассказ о жизни и революционной борьбе Тибора Самуэли был бы неполным без знакомства с его публицистическим наследием, с той оценкой, которую дал ему один из основателей Коммунистической партии Венгрии Бела Кун. Именно поэтому вниманию читателей предлагаются «Воспоминания о Тиборе Самуэли», написанные Бела Куном в 1932 году в качестве предисловия к книге «Боевая тревога»¹.

Предлагаемые читателям отдельные статьи и речи Тибора Самуэли, опубликованные в основном в газетах «Социалистическим форрадалом» и «Вёрёш уйшаг» в 1918—1919 годах, а также материалы из архивов дополняют политический портрет бесстрашного борца за освобождение пролетариата, дают еще более яркое представление о его революционной деятельности.

¹ Публикуется по книге: Szamuely Tibor. «Riadó». Kossuth könyvkiadó, 1957. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Воспоминания о Тиборе Самуэли*

Каким был Тибор Самуэли

«...Диктатура (речь идет о диктатуре пролетариата.— *Ред.*) предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей для советников пролетариата»¹.

Это слова Лепина. Они приводятся из того письма, которое Тибор Самуэли привез из Москвы, совершив туда сопряженную с опасностями смелую поездку... Среди руководителей венгерской революции не было никого, кто понял бы этот совет лучше, чем Самуэли — непоколебимый революционер, пламенный трибун и нестигаемый боец пролетарской революции. Он был беспощадеи и решителен, оперативен и смел в своих революционных действиях против эксплуататоров-капиталистов и их прихвостней, являя собой воплощение того, какой должна быть пролетарская диктатура, как должно было примеияться революционное насилие в Венгрии. Тибор Самуэли был совестью революции, ее боевым глашатаем и разящим мечом — как при жизни, так и после смерти его люто ненавидели и ненавидят венгерская и международная буржуазия, все враги рабочего класса. Это был революционер, память о котором всегда будет жить и поднимать венгерский пролетариат и его ведущую силу — коммунистическую партию — на борьбу с врагами революции, на классовую борьбу трудящихся против эксплуататоров и угнетателей, призывать их к выполнению своего долга, к чему они и приступили, правда робко и неумело, допустив много ошибок, в период первой диктатуры пролетариата.

* Воспоминания Бела Куна публикуются с сокращениями.

¹ Леви и В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 385.

Победа или смерть — вот лозунг Тибора Самуэли в дни революции. Он непоколебимо верил в победу и непоколебимо боролся за победу. Неустанно убеждал он массы рабочих верить в свои силы, поднимал их на борьбу за свое освобождение. И, не сумев победить, он сумел отдать свою жизнь за освобождение пролетариата. Твердая вера в силу пролетариата — вот где неиссякаемый источник порой казавшейся невероятной революционной энергии Тибора Самуэли. В одном из своих приказов, опубликованном в органе народного комиссариата по военным делам — газете «Вёрёш катона» 30 марта 1919 года, когда Венгерская Советская республика, по сути дела, еще не располагала надежными, боеспособными вооруженными силами, Тибор Самуэли, будучи заместителем народного комиссара по военным делам, призывал к революционной борьбе:

«Пролетариат может добиться своего освобождения только своими собственными силами, он может рассчитывать лишь на самого себя. А силы его — в уверенности в себе, в революционной сознательности. Эта сознательность должна стать основой революционной дисциплины пролетариата, на которой должна быть и будет построена новая, революционная армия пролетариата.

Интересы международного пролетариата зовут под свои знамена всех трудящихся Венгрии. Место каждого — в рядах Красной армии. Ныне формируется западный форпост священной борьбы пролетариев всего мира. Революционное сознание придает невиданную стойкость и отвагу каждому ее солдату! У него только два пути:

Победить или умереть!

В этой борьбе нам печего терять, кроме своих цепей, приобретем же мы весь мир!

Свежий весенний ветер развевает наше знамя с этим призывом. Пусть это глубоко западет в сердце каждого пролетария.

Нам ведь действительно печего терять, кроме своих цепей. Эта борьба потребует героизма и жертв, но она завершится нашей победой.

Наградой за революционную самоотверженность явится освобождение мирового пролетариата!

Вперед, красные солдаты!»

Печать, открыто буржуазная или скрывавшаяся под социал-демократической маской, лила на Тибора Самуэли — как при его жизни, так и после смерти — потоки лжи и клеветы. Но он стоял на недостижимой для нее высоте, оставаясь кристально чистым вождем революции как при жизни, так и после своей смерти. К нему не пристанет никакая ложь, даже самая мерзкая и гнусная. Враги пытались изобразить его не революционным вождем, который черпает свои силы в рабочем классе и связан революционными узами с массами, а бунтарем-одиночкой, руководствовавшимся какой-то абстрактной революционной идеей. Непоколебимая вера в открытое историческое призвание пролетариата, в его революционность придавала Тибору Самуэли несокрушимую революционную силу, и не во имя какой-то абстрактной идеи, не ради нее, а в интересах рабочего класса, как его приемный, но самый преданный сын, он боролся и отдал революции свою жизнь. Память о нем будет служить боевым оружием рабочего класса в нынешних и грядущих освободительных боях.

Самуэли в период диктатуры пролетариата

Как действовал Самуэли в период диктатуры пролетариата? Здесь речь пойдет не о «рангах», о которых более всего пекутся мелкобуржуазные и полубуржуазные элементы, пытающиеся выпятить свою роль в пролетарской революции. Речь пойдет о той исторической роли, которую играл Самуэли в течение четырех с половиной месяцев героической борьбы венгерского пролетариата, выдвинувшегося в первые ряды революционного движения в Европе.

21 марта Самуэли стал заместителем народного комиссара по военным делам. В состав коллегии народного комиссариата, наглядно отражавшей положение, сложившееся в результате объединения двух партий, тогда входили Йожеф Погань как народный комиссар по военным делам, Тибор Самуэли и Бела Сапто в качестве его заместителей.

Йожеф Погань относился к молодому поколению социал-демократических лидеров...

Бела Санто был старым социал-демократическим и профсоюзным деятелем, которого игнорировали и который находился в оппозиции к руководству социал-демократической партии. Октябрьская революция застала его на посту председателя Союза служащих частных предприятий. Он поддерживал широкие связи с функционерами социал-демократической партии и рабочими, был исполнительным, собранным, рассудительным руководителем. Во время октябрьской революции¹ несколько дней Санто занимал пост военного коменданта Будапешта, но вынужден был отказаться от него, так как не соглашался с проводимой социал-демократической партией политикой классового сотрудничества с буржуазией. Он выступал против разрыва с социал-демократической партией, но без колебаний вступил в коммунистическую партию сразу же, как только она образовалась, и вскоре стал одним из секретарей Центрального Комитета.

Тибор Самуэли не мог работать вместе с Поганем, да и с Санто не сработался... Социал-демократы пенали Тибора, который даже самые незначительные практические вопросы ставил остро и принципиально, не допуская никакого примиренчества. Дело создания армии застопорилось. В таком составе коллегия оказалась неуправляемой... В свою очередь удаления Самуэли из народного комиссариата по военным делам добивались не только социал-демократы. В Совете народных комиссаров² нашелся даже один коммунист, который предложил направить его обратно в Советскую Россию в качестве дипломатического представителя.

Правительственный совет сместил руководителей народного комиссариата по военным делам. Его возглавила коллегия в составе пяти человек, в которую из прежних руководителей правительственный совет ввел лишь Бела Санто. Тибор был назначен народным комиссаром просвещения. Кроме того, он ведал вопросами пропаганды и оказания помощи инвалидам, а также решением жилищных проблем, выполняя фактически функции народного комиссара социального обеспече-

¹ Речь идет о буржуазно-демократической революции в Венгрии, начавшейся 31 октября 1918 года.

² Революционный правительственный совет.

ния. Оказание помощи инвалидам и жилищный вопрос являлись двумя наиболее трудными участками борьбы на внутреннем фронте. Проявление заботы об инвалидах означало в те дни устранение самых тяжелых последствий войны, так как контрреволюция всех оттепков стремилась тогда использовать в своих целях тот факт, что жалобы инвалидов оставались неудовлетворенными. Источником наиболее массового недовольства непосредственно в послевоенный период была также жилищная проблема.

Во время правления Каройи правительственным комиссаром по жилищным делам был Шандор Гарбаи, грузный, неповоротливый человек. При нем управление жилищных дел наводнили буржуазные элементы. Тибор уволил их. На обоих участках Самуэли проделал титаническую работу. Он наладил снабжение инвалидов и тем самым выбил еще один козырь из рук контрреволюционной агентуры. Что касается жилищного вопроса, то в результате деятельности Самуэли совместно с народным комиссаром внутренних дел Бела Ваго в Будапеште за четыре с половиной месяца пролетарской диктатуры 30 тысяч семей рабочих были переселены в квартиры буржуев. Как лицо, ведающее пропагандой, Самуэли организовал такую первомайскую демонстрацию в Будапеште, которую рабочие столицы помнят до сих пор.

Международная контрреволюция начала империалистическую войну против молодой Советской республики, не имевшей ни организованной армии, ни военного руководства на фронтах.

Румынские войска двинулись к Тисе, а со стороны Словакии чехословацкие части развернули наступление в направлении Будапешта.

Мы организовали главное командование венгерской Красной армии. Главнокомандующим правительственный совет назначил Вилмоша Бема — этого сухого профсоюзного бюрократа, который по всем военным вопросам шел за начальником генерального штаба Красной армии, бывшим полковником генерального штаба Аурелом Штротомфелдом, впрочем, отличным военным специалистом. По политическим же вопросам Бем был рупором Жигмонда Кунфи — самого опасного, «пре-

краснодушного и медоточивого», «демократического» контрреволюционера.

Социал-демократия привнесла в диктатуру пролетариата все отрицательные черты руководителей буржуазной революции: мелкое тщеславие, интриги, несамостоятельность, колебания. В народном комиссариате по военным делам всем вершил бывший полковник генерального штаба Томбор, тоже отличный военный специалист и конкурент Штромфелда в старой армии. Их соперничество находило отражение в значительной части разногласий между главным командованием Красной армии и народным комиссариатом по военным делам.

21 апреля Тибор получил назначение на пост председателя чрезвычайных трибуналов прифронтовых районов. 23 апреля им был издан первый приказ. В его задачу входило подавление возможных контрреволюционных выступлений в зоне военных действий, обеспечение порядка и дисциплины среди населения и воинских частей в прифронтовых районах. 20 апреля главнокомандующий Бем назначил Самуэли также комиссаром будапештской группы войск, в состав которой, кроме дислоцировавшихся в Будапеште воинских частей, входили отряды интернационалистов (созданные в результате работы, которую Самуэли проводил среди застрывших в Венгрии русских военнопленных), бихарская гвардейская часть и 68-я бригада. Железная воля Тибора Самуэли сразу же дала себя знать как на фронте, так и в тылу. Он быстро навел порядок, став грозой контрреволюции. Тайным центром контрреволюции являлось руководящее ядро социал-демократической партии и часть среднего звена партийных и профсоюзных функционеров.

В этот период против Тибора усилилась травля. На него обрушился поток грязной контрреволюционной клеветы, тайным вдохновителем которой была социал-демократическая и буржуазная интеллигенция. Именно тогда в тех осиных гнездах, в которых вследствие нашей слабости удобно устроилась руководящая верхушка социал-демократов, поддерживавшая добрососедские отношения с буржуазными журналистскими кругами и тайные связи с руководящими слоями буржуазии, стали распространяться лживые измышления о «кровавом

псе». Наша ошибка состояла не столько в том, что мы в достаточной мере не оградил Самуэли от этой клеветы (к тому же Тибор не нуждался в защите), сколько в том, что мы не заметили, как клевета и сплетни, направленные против Тибора, превратились в одно из средств и методов классовой борьбы буржуазии. Этот метод она с не меньшим мастерством применяет в борьбе против коммунистов в течение всего периода после поражения революции.

В мае мы договорились, что Тибор поедет в Москву, чтобы проинформировать Ленина и русских товарищей о создавшемся положении. Важнейшей целью поездки мы считали взаимный обмен информацией о военном положении. Именно в таком духе и было изложено наше предложение членам правительственного совета. Переправка Самуэли была организована главным командованием Красной армии...

Самуэли вернулся из поездки в Советскую Россию на стареньком самолете и привез послание Ленина. Посадку ему пришлось совершить возле Цегледа, а затем он сразу же поехал в Будапешт на заседание рабочего Совета, где отчитался о своей поездке. Пока он выступал, я в соседней комнате переводил на венгерский язык письмо Ленина и поэтому не слышал его выступления.

Вечером он подробно рассказал о своей поездке в Москву. Наша беседа затянулась до утра. Смысл всего сказанного сводился к тому, что в ближайшее время нечего и думать о возможности соединения с русской Красной Армией на территории Восточной Галиции.

Возможно, что военной демонстрацией против Бессарабии Советское правительство Украины хочет привлечь внимание румын к восточным границам страны, однако военное положение Советской России еще тяжелее, чем наше.

В начале июня забастовка железнодорожников в Задунайщине послужила сигналом к контрреволюционным выступлениям, принимавшим все более широкий размах. Мы посоветовались с Самуэли, кому из нас выехать на периферию для организации подавления контрреволюционных мятежей.

— Лучше, если поеду я, — сказал я Самуэли, — а вы, Тибор, останетесь в Будапеште. У меня руки не так свя-

заны, против меня социал-демократы не осмелятся выступить так резко, как против вас.

Тибор согласился с моим предложением, которое я затем внес на рассмотрение правительственного совета. Предложение было отклонено, причем коммунисты тоже возражали против того, чтобы я покинул Будапешт. Был назначен комитет из трех членов во главе с Тибором для руководства подавлением контрреволюции. Мы предложили ввести в комитет коммуниста Ференца Янчика, известного среди рабочих-металлистов...

Под руководством Тибора контрреволюционные мятежи в Задунайщине и в районе города Калоча были разгромлены.

В этой борьбе с контрреволюцией Самуэли показал прекрасные образцы революционной решимости, политической стойкости и личной храбрости!..

Из политических выступлений Самуэли в период Советской республики наиболее яркой была его речь, произнесенная на съезде Советов, в которой он возражал против принятия ноты Клемансо и отвода частей венгерской Красной армии с освобожденной территории Словакии. Это была краткая, резкая и решительная речь, произнесенная с большим подъемом.

После съезда Советов он уже не являлся членом советского правительства, но принимал участие в его заседаниях как председатель чрезвычайных трибуналов прифронтовых районов...

Тибор оказался мишенью всех нападок против диктатуры пролетариата, которые исходили либо из явно контрреволюционных источников, маскировавшихся с помощью социал-демократов, либо являлись следствием шатаний отдельных элементов.

В этот период Самуэли был одним из инициаторов движения — к сожалению, запоздалого, — которое мы совместно с отдельными товарищами развернули в целях воссоздания коммунистической партии...

Против двух лживых утверждений

Эти воспоминания пишет не историк, а сподвижник Тибора Самуэли, его боевой товарищ, боровшийся вместе с ним вначале в ходе революции в России, затем в

Венгрии и в этой борьбе вместе с ним заложивший основы революционной партии венгерского пролетариата — Коммунистической партии Венгрии. Их пишет его соратник, продолжающий борьбу в боевых рядах венгерского и международного пролетариата в то время, когда уже нет в строю лучшего, благороднейшего друга, нестигаемого героя революции Тибора Самуэли. Мне не было бы необходимости выступать в его защиту, если бы память о нем не оскверняли одни лишь борзописцы из буржуазной и социал-демократической прессы. Даже в кругу коммунистов, как это ни странно, раздаются голоса о том, будто Самуэли «совершал жестокости». Есть и такие «коммунисты»-интеллигенты, которые правильно рассуждают, что «чистые цели можно достичь лишь чистыми средствами», и в то же время не считают революционный террор пролетариата, олицетворением которого в Венгрии был Тибор Самуэли, таким «чистым средством».

Я не стал бы писать и о своих политических отношениях с Тибором, если бы отдельные «коммунисты»-интеллигенты вот уже более десятилетия не распространяли публицистическую стряпню буржуазных и социал-демократических писак и историков о том, что между мной и Тибором якобы «постоянно возникали политические разногласия» и якобы Тибор как до установления диктатуры пролетариата, так и в период ее осуществления был в «оппозиции».

Эти измышления столь же лживы, как и гнусная клевета о «жестокости» Тибора, распространявшаяся и поныне распространяемая прекраснодушными интеллигентами.

Борьба Самуэли с контрреволюцией

Тибор был воплощением революционного террора в глазах не только буржуазии, но и рабочего класса.

Подобное мнение сложилось в Венгрии еще до установления диктатуры пролетариата в связи с тем, что прокурор «народного» правительства возбудил против него судебное дело по обвинению в расстреле венгер-

ских военнопленных офицеров¹. Это «обвинение» не имело под собой никакой почвы...

Революционный террор в Венгрии, к сожалению, не носил организованного характера, к тому же при его осуществлении был допущен ряд ошибок. Особый следственный отдел по политическим делам народного комиссариата внутренних дел, которым руководил Отто Корвин, работал далеко не так четко и оперативно, как ЧК в Советской России. В отличие от русских большевиков мы не располагали опытными кадрами, закаленными в горниле двух революций, воспитанными в условиях длительной подпольной работы, в постоянной борьбе с полицией и охранкой и успешно прошедшими полный курс ленинской школы. Мы сами, кто в Советской России не случайно оказался в рядах большевистской партии, передовых борцов революции, в ту пору учились лишь в начальных классах ленинской школы. К тому же среди коммунистов в Венгрии встречались люди, которые не принимали террора как средства революционной борьбы.

В ответ на любую насильственную меру социал-демократы поднимали истеричный вой, хотя и сами охотно пользовались защитой «террористов», когда дело касалось их собственной шкуры, даже в тех случаях, когда они не подвергались особой опасности...

Кроме того, репрессивные меры в Венгрии проводились не в том направлении, в каком их нужно было бы проводить в первую очередь. Мы репрессировали не притаившихся в тени вдохновителей и организаторов контрреволюции, а непосредственных исполнителей...

...В период диктатуры пролетариата венгерская контрреволюция была «демократической». Она выродилась в фашизм только после падения пролетарской диктатуры. Контрреволюционное правительство в Сегеде, собравшиеся в Вене графы-реакционеры и их окружение, в том числе Хорти², Бетлен, Гёмбёш, выдавали себя за «демократов» или заигрывали с «национальной» социал-демократией. Все они в своих расчетах уповали на

¹ Речь идет о военнопленных, оказавшихся во время первой мировой войны на территории Советской России.

² *Хорти, Миклош* — фашистский диктатор Венгрии, пришедший к власти после падения Венгерской Советской республики.

социал-демократическую партию, надеясь с ее помощью осуществить свои контрреволюционные замыслы.

Венгерские феодальные магнаты и буржуа оказались трусливее самых жалких трусов. Миклош Хорти бежал из Венгрии после того, как мы отвергли его услуги, с предложением которых он обратился «с глубоким уважением к товарищу народному комиссару», т. е. ко мне. Покорнейшую просьбу эрцгерцога Иосифа я по сей день храню у себя. Преимущество этих господ заключалось лишь в том, что они могли воспользоваться пособничеством со стороны социал-демократии, ставшей проводником их влияния на рабочий класс, на диктатуру пролетариата. Первейшей заботой социал-демократических вождей была «взаимная перестраховка» на случай падения Советской власти. Каждый имел своего еврея-банкира или магната, которого он прикрывал собой.

Тибор Самуэли с помощью многих достойных, смелых революционеров — рабочих-коммунистов, насколько это было возможно, выправлял в сфере применения революционного насилия то, что под предлогом «мягкого применения» диктатуры и в целях саботажа революционных мероприятий творили социал-демократические лидеры. Он мужественно принял на себя огонь всей той лютой ненависти, которую питали классовые враги к организатору и руководителю революционного террора. Он вполне сознательно как бы стремился к тому, чтобы всю ненависть буржуазии и социал-демократии обратить на себя. Когда после подавления июньского контрреволюционного мятежа я выступил на заседании Центрального исполнительного комитета Советов с речью против социал-демократических поборников «мягкого применения» диктатуры, Тибор после моего выступления остановил меня и укоризненно сказал:

— Зачем вам понадобилось выступать с подобной речью? Если вам еще как-то удастся объединять правительство, то такое выступление лишь затруднит выполнение этой задачи. Вы — народный комиссар иностранных дел, и подобные выступления дискредитируют вас за рубежом, как они уже дискредитировали меня. Было бы разумнее дать возможность мне выступить с такой речью.

Ничто не было так чуждо Тибору, как жестокость. Вилмош Бем, этот бездарный профсоюзный бюрократ,

уже с самого начала диктатуры пролетариата особенно рьяно усердствовал в распространении злостных вымыслов о Самуэли. А в книге, написанной уже после падения Венгерской Советской республики, он нагромоздил целую гору лжи и клеветы о Самуэли и коммунистах. Он пишет, например: «Будучи человеком болезненным, Самуэли имел склонность к человеконенавистничеству». Или: «...замещающий социалистическую теорию изуверский фанатизм порождал в нем беспощадность по отношению ко всем, кто противился ему».

В утверждениях о «болезненности» и «человеконенавистничестве» Самуэли нет ни грана правды. Тибор обладал превосходным здоровьем, никогда не жаловался на свои легкие, сердце, желудок, отличался выносливостью и завидной работоспособностью, неиссякаемой энергией и умением мобилизовать все свои силы. Он перенес все трудности и испытания, выпавшие на долю военнопленных рядового состава, а это было совсем не просто. Его худощавая стройная фигура, строгие черты лица, опрятная внешность вызывали у всех симпатию. Будучи немпогословным, в кругу близких друзей он был жизнерадостным, приветливым человеком. С исключительным терпением и вниманием выслушивал Самуэли возражения собеседника, но с классовым врагом он, разумеется, не полемизировал, а сокрушал его при каждом удобном случае. Он не принадлежал к числу «старейших марксистов», но тем не менее хорошо знал основные труды Маркса и Энгельса, читал многие произведения Ленина, обладал широкими знаниями в области международной политики, основательно изучал историю Венгрии...

Самуэли был до фанатизма преданным борцом революции, но его фанатизм отнюдь не был слепым. Его фанатичная вера в революцию, в пролетариат сочеталась с солидными знаниями в области теории научного социализма, с отличным революционным политическим чутьем и ясновидением.

Давайте сравним искаженную картину, нарисованную Вилмошем Бемом и основанную на клеветнических измышлениях, с подлинным образом Самуэли, каким его видел рабочий-токарь, который сражался в особом отряде Тибора и который был казнен по приказу Миклоша Хорти.

Эту исповедь Арпад Керекеш написал в тюремной камере, куда его бросили после жестоких пыток. Детективы тщетно пытались вырвать у него показания против Тибора, затем заставили собственноручно написать «воспоминания» о Тиборе Самуэли.

Здесь приводится подлинный текст записок, сделанных венгерским рабочим, которого буржуазия лишила возможности как следует овладеть грамотой.

«Докладываю, что Тибора Самуэли знал с 3 апреля 1919 года, когда мне выпала честь познакомиться с ним как с народным комиссаром и председателем чрезвычайного трибунала в отряде особого назначения, при котором я служил до 1 августа, до того самого дня, когда в связи с подавлением коммунизма я попал в тюрьму. Как я убедился на своем опыте за те три коротких месяца, у Тибора Самуэли было лишь одно плохое качество, которое называли беспощадностью к тем, кто нарушал общественные законы коммуны, и тут он не оказывал протекции никому, никому не давал спуска, особенно нам, то есть тем, кто служил под его началом. Нам он дал такой строжайший приказ: кто допустит беззаконие, самоуправство или присвоит что-нибудь, будет тут же на месте расстрелян, и мы побаивались его, потому что знали, если он что сказал, то всегда настоят на своем, и что он порешил, то и должно быть.

Он был суров и непреклонен, имел крутой нрав, действовал решительно, быстро, решения принимал молниеносно. Ставя задачу или отдавая какое-либо приказание, он ничего не упускал из виду, и эта предусмотрительность производила на всех огромное впечатление. Эти качества, которые я считаю его положительной стороной, сочетались у него с порывами ожесточенного сердца, и оно тогда выводило его из равновесия и одерживало верх над головой. Вот почему он так беспощадно и сурово судил тех, кто нарушал законы коммуны.

Достойно отметить и то, что этот человек, стремившийся держать в узде свое сердце, не только умел отдавать приказания, но и обладал похвальной решительностью, бесстрашием перед лицом врага и где бы то ни было. Он сам никогда не брал в рот спиртного и строго запретил это другим. Я не видел, чтобы он пил что-нибудь кроме чистой воды или газировки с малиновым сиропом. В доказательство приведу такой факт: в июле он

выезжал в район Шиофока проверить, как организован летний отдых детей, и я сопровождал его. Мы зашли поужинать в закусочную «Пляж», и он говорил мне, постороннему человеку, что кафе, рестораны и прочие подобные заведения не посещает, спиртного не пьет, в карты играть не умеет, предпочитает в свободное время читать газеты. Я упоминаю об этом к тому, что, как мне известно, кто-то пустил слух, будто он пьяница и поэтому, дескать, и судит так жестоко.

Скажу еще о его непоказном мужестве. Прилетел он, например, на самолете из России и привез оттуда 200 килограммов авторезины. Мы были тогда в Цегледе, и я видел, как он как ни в чем не бывало, выйдя из самолета, поздоровался с младшим братом, словно прибыл не издалека, а из близлежащего села Шорокшара.

Будапешт, 16 сентября 1919 г. ».

Таким видел Тибора рабочий-металлист, не ставший, подобно Вилмошу Бему, ни профсоюзным бюрократом, ни предателем своего класса и дела революции.

Наши политические взаимоотношения с Тибором

Теперь — несколько слов об измышлениях по поводу политических взаимоотношений между Тибором и мною. Этот вопрос имеет скорее политический, чем личный характер.

Какова была политическая позиция Тибора в борьбе, предшествовавшей установлению диктатуры пролетариата в Венгрии?

Мы придерживались одинаковых взглядов, которые не расходились ни на йоту ни в определении характера и лозунгов революции, ни по тактическим вопросам повседневной борьбы. Между нами установились самые тесные отношения дружественного сотрудничества уже в период русской революции. Мы сотрудничали, делая каждый свое дело в общей совместной работе, причем распределение функций между нами сложилось в ходе повседневной борьбы без каких-либо официальных решений.

Тибор был идеальным товарищем в работе, надеж-

ным боевым соратником. Свою точку зрения он высказывал без обиняков, прямо и решительно, зло высмеивал проявления политической трусости и малодушия вообще. Особенно непримирим он был к авантюристам, страстно бичевал их еще в Советской России, а еще больше — в Венгрии как до установления диктатуры пролетариата, так и в дни существования Венгерской Советской республики. Самуэли дрался с ними упорнее и решительнее, чем я сам. И был прав.

В рамках нашего сотрудничества основные политические документы движения еще в период совместной борьбы в Советской России, как правило, готовил я, намечая также в общих чертах план организационных мероприятий. Тибор же самостоятельно разрабатывал все детали организационной работы, нередко внося в процессе составления плана претворения в жизнь наших совместных решений существенные коррективы. Причем и в Советской России, и в Венгрии за Тибором оставалась, как основное поле деятельности, редакционная работа, а за мной — массовая работа.

В главных ошибках, допущенных в период диктатуры пролетариата, повинен прежде всего, конечно, я сам. Эти ошибки подверг критическому обсуждению Коммунистический Интернационал. Я и сам неоднократно и подробно писал о них в других работах и осудил их со всей суровостью в духе большевистской самокритики. Эта критика и самокритика служили и служат отправным моментом в деятельности нашей партии в послереволюционный период.

Какой же точки зрения придерживался Тибор Самуэли в двух главных вопросах, где были допущены роковые ошибки, — в вопросе объединения коммунистической партии с социал-демократической партией и в вопросе об аграрной политике правительства Венгерской Советской республики?

Документами, подтверждающими точку зрения Самуэли по этим вопросам, я не располагаю, да их и вообще не существует. Я могу писать о его взглядах, основываясь лишь на личных беседах с ним, не имея даже возможности опираться на его публичные выступления.

К объединению с социал-демократами Тибор отпелся без всякого энтузиазма, даже с педовольством, но примирился с ним, как с «неизбежным злом». Когда я гово-

рил ему, как и многим другим коммунистам, в первые дни после установления диктатуры пролетариата, что «где-то допущена ошибка, уж очень гладко все прошло», он вполне разделял мои опасения. Но так же, как и я, он рассчитывал, что мы вскоре сможем соединиться с приближающейся русской Красной Армией (18 марта 1919 года один красный бронепоезд прорвался в Тарнополь, а из Прикарпатья все время поступали сведения о нарастающем гуле артиллерийской канонады со стороны Галиции) и что общая граница с Советской Россией явится для нас не только военной, но и политической поддержкой в борьбе против социал-демократов. Вред объединения с социал-демократами усиливался еще тем, что мы не воспользовались одержанной над социал-демократической партией победой для быстрее вытеснения ее лидеров, а также тем, что мы исходили в своей политике не из реальных фактов, а лишь из предположений. Это была ошибочная, не марксистско-ленинская тактика.

Тибор в меньшей мере, чем я, склонен был верить в то, что под давлением масс удастся удержать социал-демократических лидеров на стороне диктатуры пролетариата. Я же, вместо того чтобы по-настоящему мобилизовать массы, занимался подчас убеждением отдельных социал-демократических лидеров, пытался, поступая наивно и неверно, превратить их в наших единомышленников. Я делал так, вместо того чтобы противопоставить их колебаниям прямое давление на них широких масс.

Эта роковая ошибка усугублялась тем, что на воззрения самих коммунистов о роли партии, и особенно о значении диктатуры пролетариата, давил тяжелый груз социал-демократических представлений. Некоторые коммунисты придерживались той точки зрения, что объединение с социал-демократами означает восстановление полного единства рабочего класса и что после завоевания власти отпадает надобность в революционной рабочей партии...

Что касается значения диктатуры пролетариата, то мы оба придерживались неправильного, ошибочного взгляда, будто переходный период между капитализмом и социализмом, этап пролетарской диктатуры будет весьма непродолжительным, и мы, дескать, сможем

сразу перейти к социализму. Этот ошибочный взгляд, который можно определить как «немедленный социализм», был на руку социал-демократам, стремившимся как можно быстрее избавиться от пролетарской диктатуры. Опыт социалистического строительства в Советском Союзе со всей очевидностью доказывает, что социал-демократическая и левоуклонистская концепция «немедленного социализма» глубоко порочна и вредна.

Мы оба с Самуэли в равной мере разделяли эту неправильную концепцию, которая, естественно, сказалась и на нашей оценке роли партии.

Мы придерживались также одинаковой точки зрения и по крестьянскому вопросу. Истоки ошибок аграрной политики диктатуры пролетариата в Венгрии и недопонимания значения феодальных пережитков, как я писал и в других своих работах, коренятся в установках КПВ, принятых еще до победы диктатуры, а также в статьях по земельному вопросу, публиковавшихся в газете «Социалистический форрадалом»... И Тибор и я возомнили, будто «наша аграрная политика дальновиднее, чем у русских большевиков», ибо мы не станем дробить крупные землевладения и делить их между крестьянами, а «сразу же введем на них крупное социалистическое производство»...

Ныне уже всем — во всяком случае, подавляющему большинству — ясна ошибочность этой установки, помешавшей привлечь на сторону пролетарской революции основные массы крестьянства путем наделения их земель и ослабившей притягательную силу революции в Венгрии в глазах трудового крестьянства Балканских стран и Чехословакии. В этой ошибке наши люксембургские левоуклонистские взгляды также смыкались с точкой зрения социал-демократов, выступавших, особенно в Задунайщине, еще до провозглашения диктатуры пролетариата, за «спасение крупных землевладений» от раздела, к которому стремилось крестьянство, путем организации на их основе сельскохозяйственных «производственных кооперативов».

Социал-демократическим лидерам Тибор доверял куда меньше, чем я. И был прав. В то же время, видя все отрицательные стороны объединения, все же и он пришел к выводу, что отстранение социал-демократической партии от диктатуры пролетариата при сложив-

шихся тогда международных условиях, и особенно при тогдашнем военном положении, неминуемо вызвало бы падение диктатуры...

Вместе с Тибором мы развернули — к сожалению, уже слишком поздно — опирающееся на массы и базирующееся на фабрики и заводы движение, направленное на воссоздание коммунистической партии. После партийного съезда, на котором дело чуть было не дошло до открытого разрыва с социал-демократами, мы вовлекли в наше движение целый ряд таких профсоюзных деятелей, фабрично-заводских главных профуполномоченных, которые, как, например, Ференц Баяки, выступили против верхушки партийно-профсоюзной бюрократии на съезде объединенной партии. После нескольких конфиденциальных совещаний совместно с фабрично-заводскими профуполномоченными в Чепеле на вагоностроительном заводе «Ганц» и на других предприятиях я предложил Тибору взять на себя редактирование «Вёрёш уйшаг» и сделать ее такой газетой, какой она была до установления диктатуры пролетариата. Тибор отказался возглавить редакцию «Вёрёш уйшаг», предложив создать новую газету — «Коммунист», которая должна была выходить ежедневно, в полдень. Осуществить издание новой газеты нам уже не удалось: диктатура пролетариата потерпела поражение...

Самуэли был гордым человеком и знал себе цену. «Он с гордыней», — говорили о таких людях в Ниршегском крае, гордых, но не спесивых, не заносчивых себялюбцах. Его политическая чистоплотность и горделивое чувство собственного достоинства отпугивали от него на протяжении всей его жизни авантюристов, которые хотели бы привлечь его на свою сторону и сделать своим знаменем. Эти авантюристы своими безответственными разглагольствованиями облегчили задачу злостных клеветников, подкапывавшихся под него — человека действия и кипучей энергии, а после его гибели, когда он уже не может дать им отпор, они хотели бы низвести до своего уровня борца, который был их самым непримиримым врагом...

Бела Кун

Москва, 20 января 1932 г.

**СТАТЬИ И РЕЧИ
ТИБОРА САМУЭЛИ**

Зреет урожай

В Венгрии зреет урожай. Летом будет жатва. Посев сделала война, удобрила его пшеница, а жатву выполнит революция. Мы будем убирать урожай, и срезаны будут не только колосья.

Власть в Венгрии окончательно разваливается. Страпу превратили в тюрьму для рабочих, но тюремные заборы уже разъела ржавчина — нужен один удар, и промышленный и сельскохозяйственный люд Венгрии вздохнет свободно.

В качестве показателя того, как созревает урожай, для начала приведем лишь следующие факты.

В Альфельде и Задунайщине крестьяне вилами встречают реквизиционеров, которые хотят отнять у них даже семена, чтобы потом крестьянин был вынужден по высокой цене покупать семенной материал у господ помещиков через военно-акционерное общество.

О настроениях рабочих Венгрии можно судить по тому факту, что работодатели в Будапеште увольняли рабочих-металлистов, деревоотделочников, маляров, хотя во время войны запрещаются забастовки. Увольнения прекратились лишь 15 марта. У нас нет новых подробностей. Но уже сам факт, что так прекращается производство в Венгрии в военный период, показывает, что даже тюремный механизм тоже разъела ржавчина.

Не удалось достигнуть соглашения и по вопросу об избирательном праве. Тиса упорствует, не идет на уступки. 15 апреля у премьер-министра Векерле состоялось представительное совещание по вопросу о реформе избирательной системы. В нем участвовали граф Андрашши, граф Аппони, граф Тиса и граф Бетлен¹. Они

¹ В июне 1917 года правительство графа Иштвана Тисы, причастное к вступлению Венгрии в войну, вынуждено было под давлением масс подать в отставку. Преемником Тисы стал

советовались с министром Важони о демократических правах в Венгрии.

Не желающий расставаться с бархатным министерским креслом Важони не смеет требовать многого, но Тиса не идет и на то малое, что он предлагает. А Иштван Тиса — наместник императора Вильгельма¹ в Венгрии, надежный козырь против большевиков, и его слово, следовательно, имеет решающее значение.

Правительство Векерле вынуждено было подать в отставку. Сформировать правительство король поручил министру торговли Йозефу Стерени, вдохновителю и исполнителю мошеннических проделок Ференца Кошута. В сообщении из Будапешта 28 апреля берлинская пресса писала, что Стерени не удалось набрать охотников на министерские посты, и король вновь поручил Векерле сформировать кабинет и добиться соглашения по вопросу об избирательном праве.

Новая попытка Векерле, по-видимому, оказалась безуспешной, так как претендентами на министерские посты, как сообщает венская пресса, оказались графы Тиса, Эстерхази и Аппони. Три графа представляют три различные партии, но это в конечном результате не имеет никакого значения ни для короля, ни для избирательного права.

И сверху, и снизу разваливается государственная машина в Венгрии. Пошатнулся авторитет государства, волнения среди рабочих и крестьянских масс постоянно

граф Мориц Эстерхази из партии конституции. В его коалиционное правительство вошли также два представителя от Избирательного блока (блок борьбы за избирательное право — демократическая политическая группировка, созданная в июне 1917 года, в которой принимали участие партия независимости М. Каройи, демократическая партия В. Важони, радикальная партия О. Яси, а также СДПВ) — Вилмош Важони и из партии независимости граф Тивадар Баттани.

Правительство Эстерхази не было долговечным: в августе 1917 года оно подало в отставку. Новое правительство возглавил консервативный политический деятель Шандор Векерле из партии конституции, представлявший интересы крупных аграриев и промышленников.

Недовольство среди трудящихся привело к отставке 17 апреля 1918 года и этого правительства. Через месяц и новое правительство было реорганизовано, причем в нем усилились позиции реакционеров. (См. История Венгрии, т. III, с. 19, 31, 34.)

¹ Вильгельм II (1859—1941) — германский император и прусский король (1888—1918).

выводят из равновесия высших чиновников, управляющих этой машиной репрессий.

Из русской революции извлекли урок и венгерские господа — в революционной ситуации рискованно претендовать на ответственный портфель министра. Ведь отчитываться, пожалуй, придется не перед королем, не перед парламентом господ-угнетателей и их прихвостней, а перед революционным трибуналом народа. И чем дольше будет продолжаться гнет, чем позднее отчаяние выльется в революционный взрыв, тем вероятнее, что путь министров-угнетателей из здания революционного трибунала будет вести даже не в тюрьму, а на виселицу или на мушку винтовок вооруженных пролетариев.

Потому что ясно одно. Без революции невозможно вырвать власть из рук венгерских тис, андраши, бетлепов, и пока они находятся у власти, у народа не будет даже свободы выбора, кого сажать себе на шею: графа или адвоката, помещика, фабриканта или банкира.

Власть шатается. Летом под косою поляжет не только пшеница...

Или — или!

Пути революции чисты, ясны и прямолинейны. На путь революции пролетариат вывело его классовое положение. Только этот путь ведет к осуществлению интересов пролетариата, к полному освобождению от капиталистической эксплуатации, к достижению первой стадии коммунизма. Избрав этот путь, однако, нельзя отклоняться от него ни вправо, ни влево: колебания, блуждания не должны быть присущи революционеру. Путь пролетарской революции, оспешенный бессмертным учением Карла Маркса и открытый перед нами героической освободительной борьбой наших русских братьев — пролетариев, теперь избирают рабочие и крестьяне Германии, Австрии и Венгрии вместе с боевым пролетариатом свободной России. Мы вместе идем по этому пути, потому что долг и интересы пролетариата всех стран одинаковы, и мы вместе достигнем поставленной цели — социального и экономического освобождения всех угнетенных и эксплуатируемых — или вместе погибнем с русской революцией, с которой мы связали нашу жизнь, нашу судьбу и наше будущее.

Братья-военнопленные, кого вызвала на этот путь судьба, рабочая сознательность или революционная убежденность, обсудим наши дела! Время не терпит, потому что нам предстоит проделать долгий путь, выполнить гигантскую работу, выдержать трудную борьбу, решить колоссальные задачи. Остановимся на минуту и оценим пройденное, достигнутое.

Прошло всего лишь полгода с тех пор, как чудесный порыв Октябрьской революции, освободивший закрепощенные души, всколыхнул революционное отчаяние и

решимость немецких и австро-венгерских пролетариев, годами страдавших в ярме угнетения.

Военнопленные — сыновья пролетариев использовали возможности революционной организации, которые обеспечила для них русская Октябрьская пролетарская революция. И если окинуть взглядом сплоченные, боевые ряды этих организаций, можно с радостью и гордостью сказать, что в них заложены широкие и здоровые основы нового, более справедливого и честного, эффективного революционного Интернационала. Однако начальный период, характеризующийся поисками форм организации военнопленных, миновал, и действительно уже наступило время революционных действий, когда мы не можем допускать колебаний и робких поисков: теперь нужны люди, готовые к борьбе и не боящиеся смерти, настоящие революционеры с трезвой головой и горячим сердцем, которые даже в мыслях не страшатся лежащих на их плечи революционных задач, решительные, смелые, не знающие страха и отступления борцы, у которых может быть лишь один лозунг: победа или смерть!

С запада и востока, с севера и юга надвигаются белогвардейские полчища, бездушные и подлые наемники международного империалистического союза грабителей, несущие с собой смерть и разруху, рабство и гнет, надвигаются, чтобы задушить молодую русскую пролетарскую революцию, чтобы вновь падать цепи рабства на сотни миллионов рабочих и крестьян, чтобы окровавленными руками погубить дело революции ждущих своего освобождения пролетариев, вытравить из их сознания даже мысль об этом. Никто, следовательно, не может сомневаться в том, что судьба совершенной русским пролетариатом революции является и судьбой нашей собственной пролетарской борьбы. Будущее диктатуры пролетариата, установленной русскими рабочими и крестьянами, является и нашим будущим. Вот почему банды международной контрреволюции сражаются не только против Советской России, но и против нас, против нашего счастливого будущего. Вот почему победа русского пролетариата над мировым империализмом — это и победа международного пролетариата.

И если мы отдаем себе отчет во всем этом, мы должны ясно представить, в чем должны заключаться наши

задачи и наши действия. Ответ на этот вопрос может быть только один:

Вступайте в революционную Красную Армию или возвращайтесь на родину — в Германию, Австрию и Венгрию — и выполните там свой революционный долг!

Вступайте в Красную Армию русских пролетариев, чтобы не только на словах, но и на деле, с оружием в руках вы могли бы бороться против непримиримого и вечного врага пролетариев всего мира — против империализма и контрреволюции, чтобы единственно законным оружием революции вы могли разгромить всех внутренних и внешних врагов свободы и власти пролетариата, чтобы силой оружия, как подобает боевым революционерам, вы могли поддерживать справедливое и святое дело мировой социальной революции, несущей освобождение от всяческого гнета и эксплуатации. Боритесь с неукротимой решимостью и негасимой яростью за страпу свободы, за родину мировой социальной революции, земля которой полита дорогой кровью русских пролетариев, за наши общие пролетарские интересы, за наше счастливое будущее, за освобождение всех угнетенных.

Те, кто возвратится на родину своих отцов, где еще свирепствует гнет, где еще в силе империализм, учиняющий расправы над миллионами пролетариев, нашими братьями, на кого также рассчитывает революционный трудовой люд, возвращайтесь и примите наш совет:

У пролетария нет иного врага, кроме капитала, у пролетария пока нет родины, которую ему стоило бы защищать, у пролетария есть один боевой долг: бороться против всех истоков империалистического угнетения и эксплуатации, против всех бед и страданий, слез и жертв, против всех форм порабощения трудящихся.

Возвращайтесь на родину, но не для того, чтобы вновь позволить империализму надеть на вашу шею ярмо, не для того, чтобы вновь с оружием в руках отправиться на братоубийственную войну. Вкладывая в ваши руки оружие, угнетатели тем самым дают вам и власть; не забывайте, что этой властью можно и нужно воспользоваться. Перед вами пример, который дала русская революция!

Знаю, найдется немало таких, кто не захочет последовать этим советам. Найдется немало и таких, кто хотел бы дожидаться революции как манны небесной, кто ни здесь, на свободной русской земле, ни на родине, в засилье империалистической тирании, не захочет исполнить свой пролетарский долг. Нам не нужны эти нейтралы в нашей пролетарской борьбе — инертным и трусливым, безразличным и ничтожным людям нет места среди нас. Мы выбросим их из своих рядов!

Пусть возвращаются на родину малoverы, трусы и колеблющиеся. И мы должны позаботиться о том, чтобы они возвратились как можно скорее. Среди нас не должен остаться ни один из них, ни один из них не должен пользоваться бесценным даром русской пролетарской свободы, есть дорогой хлеб русского пролетарского государства.

Выпроваживайте их домой — нерешительных, сомневающих, торгующихся, тех, кто стремится лишь пользоваться иммунитетом свободной страны, кто хочет лишь пахать капитал на революции. Выпроваживайте их домой, где очень скоро наступит их отрезвление от жестоких ударов мрачной действительности. Пусть тех, кто дрожит за свою жизнь и не желает проливать кровь за святое дело пролетариата, за социалистическую революцию, ждет гибель; пусть сгинут они в братоубийственных, вызванных империалистическим безумием сражениях. Но еще не поздно, пусть и они образумятся и осознают свой революционный долг.

Борьба идет не на жизнь, а на смерть! Нам нужны не мелкие, борющиеся за экономические выгоды объединения, не соглашатели и лицемеры, устраивающие благотворительные развлекательные вечера. Придет время и для экономических организаций и развлекательных вечеров, но сначала мы должны покончить со своим главным врагом. Для этой борьбы нужны оружие и солдаты. Не ничтожные и трусливые марионетки. Об этом должны помнить все наши организации, все военнопленные-пролетарии. Тот, кто не хочет здесь или на родине стать солдатом революции, тот не с нами, тот наш враг. И против этих врагов надо вести бескомпромиссную борьбу, им надо вынести самый суровый приговор: отправляйтесь домой!

Отправляйтесь и все те, кто дрогнул, услышав эти откровенные и открыто произнесенные советы. Уходите с пути революции те, кто, возможно, не нашел в себе достаточной воли и смелости для продолжения борьбы в наших рядах! Мы остановились немного передохнуть, чтобы сказать вам все это.

Пути и цели революции чисты, ясны и прямолинейны. Вперед, пролетарии-революционеры!

Боевая тревога

Пусть не называет себя революционером, не злоупотребляет этим прекрасным, почетным и вызывающим уважение званием тот, кто не берется за оружие, когда опасность угрожает делу революции, делу диктатуры пролетариата.

Революция — это не бесплодная мечта о земле обетованной, не бездейтельное ожидание мессии, революция — это беспощадная борьба, в которой два класса сражаются за свое существование, за власть. Слово останется действенным средством в этой борьбе только до тех пор, пока враги революции не берутся за винтовку, не приставляют ее к груди пролетариата, как это делают в Сибири и на Урале чехословацкие контрреволюционные банды¹.

И эту боевую тревогу мы бьем, видя надвигающуюся угрозу со стороны чехословацких контрреволюционных палачей. Но прежде мы должны обратить внимание на две вещи.

Первое. Никто не должен оставлять своего поста при приближении контрреволюционных банд. Более того, тот, кто оставит свой пост без борьбы, а лишь под давлением крайней необходимости, тот злоупотребляет званием коммуниста, тот лжет, называя себя революционером. Следует сказать, что перед лицом этих трусливых и озверевших банд наша армия, отряды интернационалистов могут выиграть сражение и в своих собственных рядах, если они проявят выдержку и, преисполненные

¹ 25 мая 1918 года начался организованный империалистами Алявты контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса, созданного в России из бывших военнопленных. Однако многие военнопленные — чехи и словаки, как и другие интернационалисты, сражались за Советскую власть.

революционной сознательности, выступают против них с оружием в руках.

Второе, на что мы заранее и еще раз хотели бы обратить внимание. В борьбе против чехословацких контрреволюционеров никто не должен исходить из так называемых национальных позиций. Именно так называемые национальные интересы породили этот позорный контрреволюционный мятеж, который закончится не чем иным, как полным уничтожением контрреволюционных банд. Национальными интересами всегда прикрывались покушения на революционные завоевания рабочего класса. И когда вы читаете сообщения о том, что контрреволюционные палачи повсюду расправляются с рабочими и крестьянами, говорящими на венгерском языке, не думайте о том, что они убивают вас — венгров. Не верьте этому, потому что чехословацкие контрреволюционеры не стирают с лица земли обитателей офицерских лагерей, тоже венгров, которые с восторгом встречают контрреволюцию, а совершают массовые убийства тех, кто солидарен с революцией, рабочих и крестьян, участвующих в революционных боях.

Теперь становится ясно, что каждый пролетарий, каждый крестьянин в целях самозащиты должен взяться за оружие и выступить против мятежников и любых других контрреволюционных прихвостней. Тот, кто окажется безоружным перед лицом этих банд, лишь нанесет вред рядам военнопленных. Оружие не только дает возможность самозащиты, но и обеспечивает верную гарантию победы над трусливой сворой. Тот, кто берет в свои руки оружие, спасает не только революцию, но и свою жизнь.

Настал момент понять — если, конечно, есть люди, еще не понимающие этого, — что интересы русской пролетарской революции совпадают с интересами всего международного пролетариата, трудящихся всего мира независимо от их национальной принадлежности и языка.

Контрреволюционные банды, под националистической вывеской сражающиеся за восстановление господства империалистических грабителей, стремятся в первую очередь нанести удар по военнопленным в России. Причина вполне очевидна. Каждый минутный успех контрреволюционеров вновь разжигает ту ненависть,

стремление к подавлению других, жажду власти, которые уже толкали пролетариев на братоубийственную войну.

Интересы не только венгерской, австрийской, германской или вообще мировой революции требуют, чтобы заброшенные сюда войной рабочие и крестьяне взялись за оружие. Этого требуют также интересы непосредственной самозащиты, сохранения нашей общей безопасности.

Рабочих и крестьян — военнопленных секут плетью и бьют прикладами в тех краях, где бесчинствуют чехословацкие контрреволюционные банды. Во сто крат тяжелее их страдания в Западной Сибири, на Волге, везде, где временно пала Советская власть. Это — двойной плен, двойной гнет.

Русская пролетарская революция — это и наша революция. Те, кто еще не убедился в этом, должны взяться за оружие и освободить всех, кто стал пленником чехословацких контрреволюционеров.

Десятки тысяч людей стонут в ярме угнетения. И если они не сразу убедились в том, что подвигается новое рабство, то теперь они стыдятся своей трусости. Но, как говорится в пословице: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Сейчас необходимо всеми силами стремиться к тому, чтобы сохранить своевременными действиями то, что имеем, чтобы не было запоздалого раскаяния. Действиями, время для которых как раз настало.

Для многих наших братьев страдания уже кончились — их зверски уничтожили контрреволюционеры. Десятки тысяч томятся в рабстве, и еще многим и многим тысячам грозит такая же участь.

Вот почему еще не поздно взяться за оружие, взяться и не выпускать его из рук до тех пор, пока мы не освободим наших братьев, страдающих в лапах контрреволюции, пока не уничтожим всех бандитов, поднявших руку на революцию.

Те, кто оказался здесь, в плену, не раз смотрели смерти в глаза. Их жизнь случайно не оборвали свистящие пули. Их послали на бойню ради чуждых им интересов. Их жизни не ценились ни в грош. Они не сгорели в огне войны, вынесли все страдания.

Можно ли поверить, чтобы такие люди, которых хоть

немного коснулось дыхание революции, в умы которых проник хотя бы тощенький луч света революции, которые хоть немного испытали чувство солидарности со своими братьями — угнанными или угоняемыми в рабство рабочими и крестьянами, — чтобы такие люди не покончили немедленно с контрреволюционным отребьем, с этим находящимся на империалистическом содержании, трусливым и ничтожным сбродом?

Вступайте в ряды Красной армии, поднимайтесь на разгром и уничтожение чехословацких контрреволюционных банд!

«Добрые друзья»

Нет!

Революционное государство рабочих и крестьян ни на минуту не было плодом их воображения. Когда они с оружием в руках и ценою крови завоевали власть и обратились ко всему миру с первым манифестом, провозглашающим мир, они уже тогда знали, что у них нет друзей, кроме пролетариев. Создание Советской Республики на руинах свергнутой царской империи уже само по себе означало вызов мировой буржуазии. Оно означало открытое заявление англичанам, французам, немцам и американцам и подтверждение того, что молодое революционное пролетарское государство стремится к тому, чтобы угнетенные классы во всем мире совершили у себя такую же революцию, установили такую же диктатуру, и что оно поддерживает их в этой борьбе.

Нет оснований сомневаться в том, что капиталистические государства поняли этот вызов... Однако как те, так и другие увлеклись кровавой грызней за разделение мирового рынка, за грабеж чужих богатств. Все их силы и внимание связала война, поглотившая миллиарды средств и миллионы жизней. Они вели себя так, будто бы и не слышали о русской пролетарской революции, будто бы и не понимали ее.

«Фанатики марксистской теории», как называли творцов Советской Республики спесивые европейские политики, однако, не были слепыми. С первых дней и минут Октябрьской революции они знали, что земля русских рабочих и беднейшего крестьянства — всего лишь остров во враждебном море капиталистического мира. Они знали также, что ярость и ненависть схлестнувшихся воля мирового капитала, стремящихся поглотить одна другую, в конечном счете обрушатся на их остров.

Вскоре они убедились и в том, что две группы их вра-

гов проводят две разные тактики. Одна из них проявляет себя как корыстный, практичный, жаждущий наживы противник; другая же выставляет себя в роли доброго друга. Центральные державы под давлением Германии в неукротимой погоне за спекулятивной прибылью использовали, как только могли, сложившуюся обстановку в связи с заключением мирного договора. Брест-Литовский мир вместе с вооруженным германским вторжением и последующим разгулом белогвардейщины на Украине был нечестным, последним шагом, но это была открытая игра.

В то же время вторая группа, олицетворением которой явилась бездушная торговка Востока, преступная и грабительская подрядчица Америки, душа и духовный предводитель хватающихся за рукоятку ускользающего топора французских и других плетущихся за ними мелких, одряхлевших и обессиленных прилипал — Англия, запятнавшая свою репутацию грязью мошеннических сделок, хором выводила фальшивую поту добрых друзей, доброжелателей. «России надо помочь», «Антанта никогда не покинет своего союзника», «Мы готовы оказать материальную и моральную помощь» — без устали произносили они эти и другие подобные красивые слова. Но они не могли никого ввести в заблуждение, потому что настоящие друзья действовали не на словах, а на деле. За минувшие девять месяцев существования власти Советов не было такого контрреволюционного заговора, мятежа или предательства, к которому не приложили бы руку французские, американские, английские «добрые друзья».

Советская республика занялась построением нового государственного аппарата, решением жгучей задачи — заживлением огромных ран, нанесенных войной экономике. И на первых порах контрреволюционная деятельность доброжелателей-подстрекателей казалась разобщенной, не координируемой единым планом, такой, очаги которой можно было бы подавить. Так было. Русские рабочие и крестьяне были снисходительны и терпеливы по отношению к ханжествующим «добрым друзьям». Представители «союзников», прикрывавшиеся дипломатическими чинами главари контрреволюционных банд до самого последнего времени могли спокойно отсиживаться в Вологде, вдали от революционной столицы,

Только сейчас, когда к сердцу контрреволюции потянулись все нити множества белогвардейских мятежей, были предприняты решительные меры против подстрекателей. Три недели назад представитель Советской власти обратился к осевшим в Вологде дипломатам с призывом признать Советское правительство и переехать в Москву или покинуть Россию. Но у «добрых друзей» план был уже готов, и началось его осуществление. Оставалось только сбросить маску доброго друга и открыто возглавить контрреволюцию.

Так оно и произошло. К чехословакам и сосредоточившимся в Мурманске сербским legionерам на севере примкнули английские, а в Восточной Сибири — японские войска. Японцы двусмысленно заявляют, что они хотят навести порядок, а затем покинут Сибирь. Окончательно сбросившая маску Англия действует откровеннее. От ее имени говорит лорд Милнер, тот самый Милнер, который утопил в крови боровшихся за буржуазно-демократические свободы буров, выставив впереди своих отрядов их же в качестве заслона. Этот достойный представитель ханжески-сентиментального, насквозь прогнившего и зловонного английского духа палачей пыле открыто заявляет: «Мы должны уничтожить большевистское правительство и его органы, а также местные рабочие Советы с тем, чтобы Россия могла занять свое достойное место среди союзников».

Да, палач буров уже говорит открыто. Большевистское правительство и рабочие Советы надо было уничтожить, чтобы Россия вернулась в стан союзников и вновь превратилась в такое же грабительское, вероломное капиталистическое государство, как Англия, Америка, Япония и другие подобные им.

Но лорд Милнер и иные покушающиеся на Советы палачи ошибаются. Русские Советы рабочих опираются на широкие слои революционного пролетариата, их защищают вооруженные рабочие и крестьяне, за них сражаются сознательные пролетарии-интернационалисты, ждущие здесь зарю мировой революции. И эту внутреннюю сознательную революционную силу не смогут поколебать заклинания генералов-палачей, как ее не сломали белогвардейско-казацкие банды. А иной, кроме них, вооруженной силы, которую можно послать на борьбу против русской революции, нет и у лорда Милнера.

Революционная Россия — страна не милостью божьей. Она и сейчас не собирается молить бога: «Избавь меня, боже, от «добрых друзей», а с врагами я и сама справлюсь».

Нет.

Страна рабочих и крестьян не ждет божьей милости. Она сама справится с «добрыми друзьями».

Иным голосом

«Пятый военный год, начинающийся сегодня, не пощадит немецкий народ от лишений и испытаний». (Из обращения императора Вильгельма к немецкому народу 31 июля 1918 г.)

Заговорил император. Великий, Всемогуший, Победопосный Повелитель мира. И говорил он о триумфе, успехах, лавровых венках, добытых цепой миллионов загубленных жизней, о новых сражениях, уже заранее наполняющих восторгом его кровожадную душу, о мире, маячащем где-то в невообразимой дали от грохота боя и потоков людской крови, о лишениях и испытаниях, которые не пощадят немецкий народ и на пятом году войны. Но он не обмолвился и словом о новых миллионах и миллиардах прибыли, которых не лишатся германские империалисты в ходе продолжающейся мировой резни.

Император заговорил, чтобы заморочить головы людей старой ложью и новыми измышлениями. Заговорил, чтобы раздуть новое пламя из угасающих искр старой вражды, чтобы послать на смерть и загубить миллионы жизней уставших от войны рабочих и крестьян.

Четыре года — немалый срок. Его было достаточно, чтобы даже император заговорил иным голосом. Тот самый император, который накануне мировой бойни, сверкая саблей, вместе с пьяными уличными подонками исторически угрожал уничтожить всех «врагов» Германии. И вот спустя четыре опустошительных года с бесконечным разочарованием он лишь констатирует, что кровь на самом деле льется «бесполезно», что четыре года победопосных сражений лишь «разрушили мир», но враг еще жив, все еще не покорен, все еще не хочет и слышать о мире. Саблю, выхваченную из ножен на балконе берлинского императорского дворца четыре года назад, он готов был бы вновь вложить в ножны, но уже невозможно, потому что «надо сражаться и трудиться, пока противник не признает наше право на жизнь».

Иначе звучал этот голос, подстрекавший четыре года назад подонков на улице Унтер ден Липден! Уже не о паручниках для всего мира, не об уничтожении целых народов орет император с пеной у рта. Он уже научился скромности. Он уже научился просить и даже умолять. Вымаливать — не победу, а жизнь, право на существование!

Четыре года действительно немалый срок. Его оказалось достаточно, чтобы с императорских глаз спала пелена опьянения, и, к сожалению, слишком достаточно для того, чтобы проснулся умышленно ввергнутый в глубокий сон немецкий народ, многомиллионные массы обескровленного германского пролетариата.

Заговорили и немецкие солдаты. Верноподданные, не знающие страха, презирающие смерть и выдрессированные солдаты его императорского величества. Пятый год всемирной бойни заставил заговорить и их, и, хотя выходящие миллионными тиражами газеты германской буржуазии не находят места для смелого и решительного слова, их голос тем не менее услышат угнетенные всего мира.

Немецкие солдаты поступили так, как поступил русский пролетариат полтора года назад, — они провозгласили то, что уже давно провозглашает социализм: Довольно крови! Долой войну! Нам нужен мир и хлеб!

Уже отброшены кружащие им головы надежды на будущее, не осталось и следа от ненависти к «врагу»; немецкому солдату уже не нужна победа, он уже не хочет покорять мир, не желает дальше нести адскую пошу «лишений и испытаний», немецкие солдаты массами бросают оружие. Под парадным мундиром солдата германской армии начало биться пролетарское сердце, пробудилось дремавшее четыре года пролетарское сознание, и он гневно бросает в лицо своим палачам: Мы не желаем больше сражаться!

Четыре года — немалый срок. За это время изменился голос не только императора, иным тоном заговорила императорская гордость — его армия. Каким тихим и скромным стал голос императора и с какой благородной сознательностью и гордостью звучит солдатское слово: Мы не желаем больше сражаться!

Следует, однако, правильно понимать этот лозунг. Провозглашая его, немецкие солдаты не отказываются

раз и навсегда от борьбы, более того, они заново и навсегда освоили новый метод борьбы.

Немецкий солдат не хочет сражаться лишь за интересы буржуазии, прусских юнкеров и магнатов-миллионеров, он не хочет умирать за родину крупных, но рабочий и безземельный крестьянин, одетый в солдатскую форму, навсегда поклялся вести войну всех войн — гражданскую войну, единственно способную привести к освобождению из-под ига капитализма, от продолжающихся вот уже четыре года ужасов империалистического безумия.

Мы не желаем больше сражаться! Этот смертельный приговор солдат империалистической армии означает окончательный разрыв немецкого пролетариата с буржуазией и одновременно — союз с революцией, средством которой является борьба, путь которой обогреть кровью, венцом которой является триумф и подлинный мир.

Немецкие солдаты бросили оружие, которое дал им император. Но они возьмут и не выпустят из рук оружие, которое дает им революция. Братоубийственное оружие императора позорно и ненавистно. Правое же оружие революции — это надежное средство, которое надо беречь. Оружие революции несет смерть и создает жизнь. В этом мог убедиться пролетариат всего мира на опыте борьбы русских братьев, и у немецких солдат-рабочих не может быть иного лозунга, как этот: Долой империалистическую войну! Да здравствует гражданская война!

Содрогайтесь!

Итальянские самолеты кружат над Веной, французские и английские войска пожинают кровавые плоды своих побед над немцами. Страх отражается и на лицах венгров. Но это не страх перед опасностями боевых действий. Новый ужас заглушает гул итальянских самолетов, предсмертный хрип поверженных, торжествующий вопль победителей. Нечто другое замораживает на губах улыбку, перехватывает горло, заставляет дрожать руки, сжимавшие оружие убийства или перебиравшие драгоценные камни. «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

И уж явно заметно дрожит перо в руках борзописца из «Будапешти хирлап», когда он, бледнея от страха, строчит тревожные строки об «угрозе государству», в надежде еще более запугать и без того насмерть запуганных.

«Призрак коммунизма» тенью ложится и на колонки «Будапешти хирлап», в отчаянии призывающей хвататься за соломинку в надежде спастись от верной гибели.

Как бы это ни пазывали — «угрожающими государству теддешнями», «бездрушным подстрекательством» или «подлым предательством», факт остается бесспорным и неизменным: в Венгрии сложилась такая обстановка, что приходится серьезно считаться с возможностью революции.

«Не будем тешить себя иллюзиями! — пишет «Будапешти хирлап». — Разве мы не слышим вокруг: „Хоть бы произошло что-нибудь, пусть даже революция! Только бы пришел копец этой нищете“».

Вскормленная на лжи буржуазная газета в припадке страха сказала правду. Официальный орган венгерских черпуробашечников в смертельном бреде способен и на откровенность.

«Пусть даже революция...» Эта мысль владеет теми, кто с нетерпением ждет величественного мига освобождения, кого нищета и бесправие освободили от дурмана патриотических фраз, у кого даже многочисленные поражающие воображение басни венгерских газет о русском разбое, ужасах и разрушениях революции не отняли единственной надежды, на которую они уповают deeply и пощно: «Да будет воля твоя, революция...»

На опутавших весь мир фронтах империализма еще идет ожесточенная борьба, новые потоки крови повсюду обогряют землю, слезы миллионов вдов и сирот сливаются в пескончаемый поток, а уже готовится новая война, еще более кровавая, еще более беспощадная. Повсюду в мире война империалистическая превращается в войну гражданскую.

Уже никого не пугает поражение на французском фронте, не беспокоит исход нового итальянского наступления. С востока надвигается призрак — «призрак коммунизма». На борьбу с ним пытаются поднять массы, ему объявляет войну министр обороны. Бульварная печать уже бьет тревогу: «Содрогайтесь, буржуазные души!»

Разве вы не слышите, несчастные трусы: революция «освободит преступные элементы, для которых ничто не свято — ни жизнь, ни имущество; в революцию родителям придется припрятывать для своих детей кусок хлеба, девушкам — дрожать за свою невинность, а беспомощным старикам — за свою жизнь!» Разве вы не слышите «каркапы ворон, голодные стаи которых кружат над вашими головами и ждут, когда можно будет выклевывать глаза у ваших трупов. Содрогайтесь от интернационализма, который разрушит нашу тысячелетнюю прекрасную родину и превратит ее в добычу для врагов».

Гудят колокола, трубят тревогу трубы. Встань, мадьяр! Зовет революция!¹

¹ Перефразированная строка «Национальной песни» Шандора Петёфи: «Встань, мадьяр! Зовет отчизна!».

Официально объявлено, что венгерский королевский господин министр обороны распорядился учинить вооруженную облаву на «вооруженных» дезертиров, которых называют не иначе, как «злодеями», ничего иного не достойными, как расстрела. Забившиеся в темный угол трусы имеют обыкновение отгонять собственный страх, скажем, посвистыванием. Вот и министр обороны выкатил пушки, чтобы пальнуть из них по воробьям. Впрочем, может быть, эти воробьи-дезертиры вовсе и не воробьи?!

Рано вы спохватились, господин министр! А может быть, слишком поздно, и теперь даже гошники с перьями на киверах не спасут положение. «Будапешт хирлап» публикует много поучительных материалов, как раз для вас — пора бы хоть чему-нибудь научиться.

«У коней, впряженных в колесницу революции, пет удил!» Это известно даже «Будапешт хирлап». Осторожно, потому что необузданные кони могут разнести всех врагов революции — будь среди них и генерал, усевшийся в бархатное кресло венгерского королевского министра обороны!

«Угрожающие государству тенденции нельзя безвредить путем антибольшевистского распропагандирования бегущих с фронта, лишенных всякого социального чувства». И это не наши слова, а откровения ваших мрачных, папикующих писак, которые и сами готовы бежать, как бегут крысы с тонущего корабля.

Но путь их бегства отрезан, последние соломинки спасения далеко унес поток событий. Над их головами кружат стаи голодных стервятников.

Уже и «антибольшевистское распропагандирование» не в состоянии сдержать прибой революции. Жестокое приговоры военных трибуналов рождает трусливая беспомощность, желание жажды мести. Все усилия буржуазного государства и все средства подавления — жандармерия, полиция, тюрьма, ви́товка и виселица, — все это лишь мерзкий цирк на бурном и яростном пути пролетарской революции. Нас отделяют дни, а может быть, лишь мгновения от того момента, когда очистительная буря революции двинется с востока и пройдет по всему миру...

Далеко на востоке поднимается новое солнце. Его красные лучи освещают бескрайние дали. О наступлении нового дня говорится в «Манифесте Коммунистической партии»:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».

Что произошло в Венгрии? ¹

Известно, что звук рожка хавашских пастухов особенно приятен и мелодичен, если его слушать издали. Торжественно-праздничная музыка хавашского рожка венгерской революции, которую услышал весь мир, была воспринята здесь, за тысячи километров, как чарующая песнь ангелов, волшебная мелодия которой увлекла души, вдохнула жизнь в обреченных, пробудила светлые надежды, затинула кровоточащие рапы, окрылила отчаявшихся. Мечты несгибаемых поборников революции казались осуществленными, расчеты оправдавшимися.

Обманчивый звук хавашского рожка, однако, только издали кажется таким приятным, и его очарование длится лишь мгновения, а когда музыка умолкает и мы приближаемся к источнику звука, то обнаруживаем печальную картину во всей ее обманчивой безотрадности.

Гремящая и опьяняющая музыка венгерской революции также оказалась дурпой мелодией хавашского рожка. Зажигающая кровь псаломная музыка вскоре смолкла, как утренний туман, рассеялось ее волшебное очарование, и теперь мы можем ближе присмотреться к этому музыкальному инструменту, который, несомненно, заставили звучать революционные силы.

Туман расстояния многое скрывает, многое приукрашает, но сейчас картина уже ясна, обманчивый мираж растаял, и перед нашим взором предстал пролетариат Венгрии — со связанными крыльями, обманутый и преданный, закованный цепями французских и английских порабощателей. Наши кулаки невольно сжимаются, когда мы видим бывших рабочих вождей, «героев», высоко занесших над пролетариями плеть, полученную от своих хозяев, «вождей», для которых не стоило особого труда

¹ В этой статье Т. Самуэли пишет о событиях, связанных с венгерской буржуазно-демократической революцией.

подавить в себе пролетария, социалиста, по у которых хватило достаточно хитрости, чтобы выбить из рук пролетариата оружие революции и потом торговать его кровью. И до какой степени нелепой была плата продажным надзирателям за их подлую кровавую дань. Жаждающие министерских и других государственных постов, комиссарских и полицейских чинов, они отказались от всего — не только от своего прошлого, но и от будущего пролетариата.

Творцом революции в Венгрии был, несомненно, пролетариат. Тщетно на протяжении дней гудела улица от безвредного гвалта студентов и жаждущих карьеры отставных офицеров, тщетно шествовали, размахивая красно-бело-зелеными флагами, восхваляя Кошута и выкрикивая лжепатриотические национальные лозунги, юнцы, те самые, которые летом 1914 года до хрипоты прославляли войну, — никто не принимал их всерьез. И только когда поднялся рабочий люд Будапешта, когда подали голос закабаленные рабочие Чепеля, когда на вершине здания венгерского парламента на ветру затрепетал красный флаг вооруженного пролетариата, когда звуки славящего Кошута гимна перекрыл гром революционной Марсельезы, только тогда по-настоящему опомнились господа и судорожно бросились спасать то, что еще можно спасти.

Когда студенческий гвалт стал особенно громким, его величество король великодушно посадил на шею народа Яноша Хадика, а когда в руках рабочих сверкнуло оружие, король тут же доверил всю власть эрцгерцогу Иосифу, чтобы он делал с пей что хочет, вернее, что может¹.

И в тот момент, когда в Венгрии не оказалось силы, способной противостоять рабочим, когда вся власть господствующего класса была повержена в прах, когда не было ни полиции, ни жандармерии, ни армии, на которые можно было хоть как-то рассчитывать, в условиях полной разрухи и потрясений на арену истории вышли

¹ В связи с бурным ростом революционного движения осенью 1918 года Карл IV вновь попытался создать в Венгрии буржуазное правительство. 27 октября 1918 года в Будапешт прибыл эрцгерцог Иосиф, посланный императором в качестве его полновластного заместителя в Венгрии и с полномочиями назначать премьером графа Яноша Хадика, крупного помещика. (См. История Венгрии, т. III, с. 50, 51.)

«вожди» венгерского рабочего движения, чтобы, подобно библейскому Самсону, принять на свои плечи рушащиеся колонны рабовладельческого государства, грозившие похоронить под собой всю венгерскую буржуазию. Катастрофа мировой войны уже похоронила самое значительное и самое надежное орудие подавления и эксплуатации — армию, которая увлекла за собой и жандармерию, и полицию, и, таким образом, у венгерского господствующего класса не осталось ничего и ничего, на что он мог бы опереться, если бы вдруг, предав святое дело пролетариата, к нему на помощь не поспешили вожди венгерской социал-демократии.

Они вроде бы действовали вопреки «Манифесту Коммунистической партии», в котором говорится, что «в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»¹. Вроде бы можно было подумать, что у нас все встало с ног на голову, когда видишь, что «небольшая часть» отрывается именно от пролетариата и присоединяется к буржуазии в тот период, «когда классовая борьба приближается к развязке» и даже когда эта развязка — освобождение пролетариата — наступила.

Нет, это «отречение» лидеров Венгерской социал-демократической партии нельзя называть безумием! Это была подлость, открытое и прямое предательство классовых интересов рабочего класса. Это был не просто отход от классовой борьбы, а определенное предательство дела социализма, даже в том приуменьшенном виде, в котором с пеной у рта старались представить его лидеры венгерской социал-демократии. Это было не чем иным, как торговой сделкой за счет пролетариата!

Роль пролетариата в революции не могла вызывать сомнений даже у лидеров венгерских рабочих, которые, хотя и не были в ладах с марксистской наукой, все же могли узнать из «Манифеста Коммунистической партии», что пролетариат, который является самым низшим

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 433.

слоем современного общества, «не может подпяться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество»¹. Вместо этого они усвоили лишь тезис о том, что «современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»², и, убедившись в том, что революция венгерского пролетариата несет верную гибель государственной власти, вступили в союз с представителями венгерского феодализма — графами Каройи и Баттьяни, с промышленными и финансовыми магнатами Краусом и Сепде, с помещиком Буза и с представителем праведных и ожиревших слуг господних Хоком в интересах дальнейшего управления «общими делами всего класса буржуазии».

Так образовалось акционерное общество, представляющее интересы венгерской буржуазии и по-прежнему угнетающее и эксплуатирующее венгерский пролетариат, в котором официальная социал-демократия была представлена двумя своими деятелями и несколькими мальчишками на побегушках.

Даже те, кто наблюдает за событиями за тысячи километров, ни на минуту не сомневаются в том, что заслуга в образовании такого небывалого успешного союза барышников и в таком вероятном распределении ролей исключительно принадлежит официальным лидерам венгерского рабочего движения, которые за считанные дни, ослепив и одурманив революционные силы венгерского пролетариата, направили их в каналы контрреволюции, чтобы, охладив их там, с их же помощью вращать дальше колесо эксплуатации.

Вера венгерского господствующего класса в свою несокрушимость была настолько безграничной, что совершившаяся буквально в считанные минуты катастрофа застала его полностью врасплох. Не было и следа какой-либо подготовленности или организованности, не было никого, кто мог бы взять на себя роль пожарника. Даже русскую буржуазию революция застала более подготовленной, чем эксплуататоров Венгрии, среди которых не было диктуемого классовыми интересами согла-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 435.

² Там же, с. 426.

сия или даже стремления к согласию в момент революционного взрыва. Даже в последние минуты венгерская вельможная аристократия, духовенство и банкиры, представляющие жестокую, беспощадную и грубую реакцию, экспериментировали с графом Хадиком, в то время как мелкая буржуазия и незначительная часть представителей капиталистической лжедемократии впряглись в повозку давно пребывающего в непопулярности графа Каройи, не в силах, однако, вытащить ее из глубокой рывины.

Побитая и деморализованная армия переживала последние часы развала. Давным-давно сыгравшим свою роль офицерам не давали слова, а простых солдат ничто не интересовало, кроме мира. Кроме немедленного мира! И, еще не дождавшись мира, они уже шли, бежали по домам. С итальянского фронта одновременно ушли двадцать шесть дивизий, бросив оружие и снаряжение.

В этом адском, лихорадочном и безумном хаосе единственной сплоченной силой был организованный рабочий класс.

Путем обмана и махинаций руководство социал-демократии раздробило эту силу, пустило с молотка и разменяло на мелочь, на ничтожные чины и мипистерские посты.

Освободить себя рабочий класс может только собственными силами! И для осуществления этого великого принципа никогда еще не было более подходящего времени, чем сейчас. Оружие в руках рабочих... Созревший плод сам просится к тебе, надо лишь протянуть руку... Сорви — оп твой!

И в решающий момент появляются вожди-надзиратели, чтобы снова обуздать массы, снова — в грязь, в рабство, в страдания... А за их спиной в революцию целются и из иностранного оружия. План господ вождей все же не удался полностью. Отдельные группы оказались слишком строптивыми, непослушными и порой, казалось, готовыми поглотить самих вождей.

Руководство социал-демократической партии, по-видимому, настолько было уверено в своем авторитете в массах, что рассчитывало на легкий успех, и, очевидно, поэтому с таким невиданным легкомыслием взяло на себя эту позорную и печальную роль. Однако рабочие, ряды которых значительно укрепил распропащавшийся с

армией пролетариат, инстинктивно почувствовали, что тактика вождей приведет их на бойню, поэтому они не захотели выпускать из рук оружие, за которое они взялись в борьбе за свои права.

За считанные мгновения образовались настоящие рабочие полки. Возникли и небольшие коммунистические отряды, которые с настоящей революционной сознательностью приступили к подготовке вооруженного восстания и претворению в жизнь принципа захвата пролетариатом политической власти. Этому способствовали мятежные проявления недовольства голодающих, участвовавшие случаи грабежей и убийств, ограблений железнодорожных станций и продовольственных складов, невероятные трудности, связанные с демобилизацией армии, поспешное отделение национальных меньшинств и связанные с этим конфликты, и в довершение всего — революционные выступления безземельного крестьянства, поджоги и ограбление дворцов и имений, выход из строя железнодорожного сообщения, почты и телеграфа, голод, разорение, неразбериха, безвластие!

Уже вот-вот, казалось, все развалится и рухнет, а перекрашенная в социал-демократический цвет повозка графского засилья опрокинется в бездонную пропасть и навсегда погребет ее седоков.

Две большие опасности особенно угрожают опирающейся на «социалистические» костыли безжизненной и хилой власти буржуазии. Одна из них заключается в том, что революционный пролетариат все более решительно и целеустремленно идет к своему освобождению, к полному завоеванию политической власти, и другая состоит в том, что потерявшая власть и оплакивающая свой деспотический режим реакция тайно и украдкой, а то и вполне открыто готовится к контрреволюции. Она уже разослала в разные концы своих тайных агентов, чтобы заручиться расположением государств Антанты. Сегодня они были алейшими врагами, готовыми утопить друг друга в грязной луже, а завтра, забыв обо всем, с братскими поцелуями они бросятся друг другу на шею, чтобы вместе избавиться от революции!

Нельзя было терять много времени, да и выбор методов действия не был богатым — графское «социалистическое» правительство, таким образом, обратилось к помощи иностранного оружия. В сопровождении много-

численных «социалистических» вождей сам граф Каройи отправился вымаливать помощь французских генералов-палачей в борьбе против угрожавших опасностей, из которых в расчет мог идти лишь революционный пролетариат. К борьбе против них готовился и граф Берхтольд и его контрреволюционное собрание магнатов, подозревавшие Каройи в «предательстве». Вопрос заключался лишь в том, кому протянет буржуазия Аптапты руку помощи — графу Каройи или графу Берхтольду, а вопрос о том, против кого франко-английские империалисты направляли свою помощь, ни на мгновение не вызывал сомнений.

Соперничество за получение контрреволюционного оружия пока завершилось успехом преступного альянса Каройи — Гарамы, и теперь банде графа Берхтольда ничего не остается, как присоединиться к графским социал-демократам или отложить свои планы до лучших времен. Пока она не предпринимает ничего, потому что вступление французских колониальных войск в Будапешт преподносится как доблесть и победа коалиции Каройи — Гарамы — Купфи.

Да здравствует венгерская социал-демократия, подпираемая колониальными контрреволюционерами!

Победный хмель вождей, однако, вряд ли мог подействовать на пролетариат, который волей-неволей задает вопрос: что дала эта буржуазная революция?

Можно легко ответить на этот вопрос. Не потребуются много бумаги, чтобы перечислить все то, чем венгерский пролетариат может быть «благодарен» революции. Одним-единственным словом можно обобщить все ее результаты, и это слово — ничего.

Впрочем, об одном я чуть было не забыл. Революция дала избирательное право, право на всеобщее, равное и тайное голосование для всех мужчин и женщин в возрасте от двадцати одного года и даже моложе для тех, кто во время войны добился унтер-офицерского чина. Но не подумайте, что это право означает, будто теперь пролетариат Венгрии может свободно выбрать: желает ли он и дальше терпеть господство венгерских эксплуататоров, поддерживаемых палачами колониальных наемников, или хочет, чтобы в Венгрии было действительно покончено со всяким угнетением, порабощением и эксплуатацией, словом, хочет ли пролетариат взять в свои

руки свою собственную судьбу. Пусть ни один венгерский пролетарий не питает иллюзий в отношении этого избирательного права! Преступный союз Каройи — Кунфи дает ошастливленному избирателю лишь право решать, какого бездельника, мошенника, авантюриста он хотел бы видеть в венгерском парламенте: брюнета или блондина, с пепсе или моноклем, лощеного или, наоборот, бородатого, награвившего миллионы адвоката-демократа или представителя социалистов, его высокоблагородие графа или упитанного священника, а может быть, какого-нибудь редактора?

Какая широкая шкала применения избирательного права!!! И это — благодаря революции!

Революции мы можем быть «благодарны» и за то, что теперь выражающих недовольство пролетариев будут бросать в тюрьму и казнить французские палачи.

Результатом революции является и то, что теперь изо рта голодающего рабочего будет вырывать кусок хлеба не германский капиталист, а продовольственный магнат Франции.

Революция лишила немецких банкиров возможности присваивать миллионы и миллиарды, выжимаемые из венгерских рабочих, зато теперь эти богатства пойдут в карман французских, английских и американских банкиров.

С трудящихся пролетариев... теперь всюду будут драть три шкуры не венгерские господа капиталисты, а самые восторженные патриоты чехословацкой, румынской и сербской буржуазии, и они вряд ли заметят это различие, потому что эксплуататоры всех наций всего мира совершенно одинаковы в их жажде угнетения.

Вот и все из всего того «хорошего», чем венгерский пролетариат может быть благодарен «великому революционному преобразованию». Все это действительно было бы печально и безрадостно, если бы продолжавшаяся несколько дней революционная борьба не дала ничего, что пошло бы на пользу пролетариата Венгрии. В действительности же ни обман, ни подлое предательство вождей не сломили боевой дух пролетариата, в сто, тысячу раз сильнее закалили его, и этот пролог подлинной революции, во всяком случае, научил венгерский пролетариат искусству ясно различать своих врагов, которые до поры до времени могут скрываться за чужими

штыками и которым тем не менее не избежать часа расплаты!

Миллионы трудящихся Венгрии ни на минуту не могут сомневаться в том — и венгерские коммунисты всегда на это указывали, — что лживое, пустое провозглашение демократии всегда является лишь прикрытием господства капитала. А засилье капиталистов, диктатуру империализма может свергнуть лишь власть рабочих и безземельных крестьян, лишь диктатура пролетариата. Орудием власти является борьба, и венгерский пролетариат заплатил слишком высокую цену за то, чтобы понять, что за власть пролетариата надо бороться против любого врага, под какой бы маской он ни скрывался — под маской демократа или социалиста.

И это будет последний бой, в котором пролетариат Венгрии сразу покончит с двумя врагами — с буржуазией и с ее прислужницей — продажной социал-демократией.

Путь этой борьбы — после первой революции это видит даже незрячий — чист, ясен и прямолинеен. И еще тверже наша вера: мы победим!

Пролетарии, к оружию!

Министр внутренних дел Винце Надь — этот нечистоплотный политик — устроил погром в редакции газеты «Вёрёш уйшаг»¹. Его государственный секретарь Петер Агоштон в Секешфехерваре не позволил и волосу упасть с головы контрреволюционеров, открыто выступающих за реставрацию королевской власти².

Контрреволюция подняла голову. Причем она выступает с явно антирабочих позиций, не делая различий между рабочими, входящими в социал-демократическую или коммунистическую партию. Ей все равно, прислушивается ли рабочий к слову апостолов классового сотрудничества или признает классовую борьбу и стремится похоронить буржуазию. Буржуазия уже не хочет сотрудничества, ей в тягость уже и демократическое государство, она тянется к установлению собственной диктатуры.

Контрреволюция показывает, чего стоит демократия. Министр внутренних дел организует преследование коммунистов-революционеров, а государственный секретарь социал-демократ возвращается в Будапешт из Секешфехервара, не посмев привлечь к ответственности графов Каройи, Сечени, Чираки, епископа Прохазку, священников и правительственных комиссаров. Винце Надь не колеблется, устраивая репрессии против коммунистов, а его государственный секретарь щадит графские головы.

¹ На рассвете 3 февраля 1919 года полиция произвела обыск в редакции газеты «Вёрёш уйшаг» в доме 15/17 на улице Виттегради, разгромила помещение и изъяла редакционные и партийные документы.

² 3 февраля 1919 года на собрании в Фейере была принята резолюция, требующая реставрации королевства и прежнего режима. Выступавшие на нем ораторы не скрывали своих контрреволюционных взглядов.

Это симптоматично. Освободить себя пролетарии могут лишь собственными силами, покончить с контрреволюционными вылазками буржуазии могут лишь сами трудящиеся массы. Есть лишь одна гарантия против контрреволюции: продолжение революции, непрерывная революционная классовая борьба до полного разгрома буржуазии, до установления диктатуры пролетариата и далее — до полного исчезновения классов, до социализма. Спасение — в вооружении ведущего классовую борьбу пролетариата.

К оружию! Пролетарии, вооружайтесь!

Уже невозможно подавить в зародыше контрреволюцию, вступившую в стадию бурного цветения. Вырывайте ее с корнем. Беспощадно вырезайте и уничтожайте контрреволюционную буржуазию, иначе она уничтожит вас. Если вы не хотите, чтобы была пролита ваша кровь, уничтожьте контрреволюционных бандитов.

Пролетарии, к оружию!

Вы, по-видимому, еще не осознали значение событий в Шалготарьяне, Тисадобе, Мако¹. И вот теперь в Секешфехерваре буржуа уже открыто требуют восстановления прежнего режима, настаивая на том, чтобы правительство, устроившее избиение рабочих, защитило их от пролетариев. И они не ошиблись, потому что правительственный уполномоченный в Секешфехерваре не позволил и рта открыть тем, кто не был согласен с графами и епископами, кто протестовал против реставра-

¹ В начале января 1919 года большинство шахтеров и металлистов Шалготарьяна уже поддерживало коммунистическую партию. С 3 января рабочие начали брать в свои руки управление шахтами и предприятиями. Для подавления революционных выступлений рабочих правительство направило сюда войска. Руководил карательными операциями, в ходе которых было убито много рабочих, правый социал-демократический лидер Карой Пейер, бывший в то время секретарем профсоюза шахтеров.

В феврале 1919 года контрреволюционный отряд в Тисадобе учинил жестокую расправу над крестьянами-бедняками, осмелившимися без разрешения охотиться в графском лесу.

Способствуя подготовке контрреволюционного мятежа, жандармерия Мако отобрала оружие у солдат местной артиллерийской части. 30 января 1919 года жандармы сообщили выражавшим протест солдатам, что они возвратят им оружие в казармах. Делегацию из членов рабочего Совета и безоружных солдат они встретили, однако, огнем. Рабочие и солдаты штурмом взяли казармы и изгнали жандармов из Мако.

ции королевства. Он прервал оратора, выступившего в защиту республики, а государственный секретарь внутренних дел Петер Агоштон спокойно возвратился в Будапешт с докладом погромщику Винце Надю.

Долой такую систему буржуазной демократии, которая вращивает контрреволюцию! Долой парламентскую республику, которая сковывает самостоятельные действия пролетарских масс! Да здравствует республика Советов рабочих, солдат, крестьян и батраков, единственно обеспечивающая власть угнетенных!

Государство вооруженных пролетариев — вот барьер на пути контрреволюции!

К оружию, пролетарии! Против контрреволюции, за власть рабочих, солдат и деревенской бедноты!

Пролетарии, к оружию!

«Вёрёш уйшаг», № 34,
13 марта 1919 г.

Письмо государственному прокурору

Господин прокурор! Прошу извинить, если таким простым обращением пенароком обижу вас, но, видит бог, в эти революционные и демократические времена не так-то просто выбрать подходящий титул: высокоблагородие, благородие, светлость или, может быть, даже «товарищ». Надеюсь, что вас не смутят эти формальности и вы прочтете это мое сочинение, которое можете по собственному усмотрению считать как прошение, так и жалобой.

Речь идет, смею доложить, о том, что вы, как главный страж государственного правопорядка, наверняка не соизволили заметить, что официальный рупор нынешнего нашего правительства газета «Непсава» издана в день то и дело совершает нарушения закона и преступления, направленные на «насильственное изменение нынешнего государственного и общественного строя», что вы, как государственный прокурор (независимо от того, являетесь ли вы участником социал-демократического базара по распродаже принципов классовой борьбы), ни в коем случае не должны терпеть.

Мне хорошо известно, что преследование коммунистов настолько поглощает ваше драгоценное время, что вам едва удастся просмотреть первые страницы вашей любимой газеты. И в результате получается, что вас вполне удовлетворяет благородный политический курс «Непсава», взятый ею напрокат у газеты «Будапешти хирлап». Но ведь «Непсава» не настолько глупа, чтобы подлаживаться только под читателей, преданных Винце Надю и Шандору Юхасу-Надю. У нее есть и рабочие читатели, пролетарии, такие, изволите знать, обыкновенные, оборванные пролетарии, чьи голодные желудки не могут насытиться гимнами Вильсона¹, тостами Ка-

¹ Вильсон, Вудро (1856—1924) — президент США в 1913—1921 годах. Проводил политику внешнеполитической экспансии

ройи и фимиаом политики классового сотрудничества. Господа с улицы Конти¹ до тех пор морочили (согласен — довольно легкомысленно и зря) голову этим людям уверениями в том, что социал-демократы провозглашают подрывные принципы Маркса и что отправным моментом их программы является шедевр революционного марксизма — «Манифест Коммунистической партии», пока они не поверили, что именно рабочие должны претворить в жизнь идеи Маркса.

И эти несчастные, кроткие, мягко говоря, дойные коровы теперь требуют революционной политики от социал-демократической партии, от газеты «Непсава», которые по необходимости вынуждены уже уступать терпору пролетарских читателей.

Конечно, всего этого вы можете и не заметить, читая с понимающей улыбкой на первой полосе субботнего выпуска «Непсава», что «сейчас мы можем спасти революцию избирательными бюллетенями», — на самом деле за 24 филлера государственный прокурор не может и требовать большего от партии «международной революционной социал-демократии».

Но я скажу вам по секрету: «Непсава» обманывает вас, более того, она водит за нос и власть имущих!

Представьте себе, на последней странице «Непсава» не только рекламирует базар «Гумми — Рейспер — Харрис», торговлю ювелирными изделиями, разоблачает махинации фирмы по продаже овощей, но и провозглашает идеи революционного марксизма! Да, да — вооружение трудящихся, слом буржуазной государственной машины, установление революционной диктатуры пролетариата!

Это как раз то, что, изволите знать, мы обычно называем марксизмом. Именно поэтому вас наверняка поразят напечатанные мельчайшей нонпарелью в затерявшейся где-то колонке на последней полосе «Непсава»

в угоду америкапскому монополистическому капиталу и подавления рабочего движения внутри страны. В январе 1918 года выдвинул империалистическую программу мира («четырнадцать пунктов») в противовес выдвинутому Советской Россией предложениям по установлению справедливого и демократического мира после первой мировой войны.

¹ На улице Конти находился центр социал-демократической партии.

следующие строки, которые каждый, приложив минимум усилий, может отыскать в разделе «так называемых» редакционных призывов:

«Провозглашать идеи Маркса и распространять «Манифест Коммунистической партии» — долг каждого социалиста».

Ну вот, как видите, очередь дошла и до «Непсава». Едва только за провозглашение идей Маркса и распространение «Манифеста» в тюрьму бросили 70—80 коммунистов, «Непсава», несколько дней смаковавшая вопль «к стенке их!», теперь «долгом каждого социалиста» объявляет то, что неделю назад считала контрреволюционными действиями и что вы и сегодня квалифицируете как преступление, направленное на «насильственное изменение нынешнего государственного и общественного строя».

Но знали бы вы, чего только нет в этих идеях Маркса, провозглашать которые в своих затерявшихся колонках считает обязанностью социалистов даже «Непсава»! Конечно, маленькой, незаметной, затерявшейся где-то ноппарельной обязанностью, дабы не бросилось это в глаза дядюшке Винце Надю и другим социал-демократическим чучелам!

Не буду перечислять здесь ужасные идеи Маркса, приведу лишь последние строки дозволенного газетой «Непсава» «Манифеста Коммунистической партии», которые вам, как «партийному» государственному прокурору, не могут быть известны:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Ну вот, видите, провозглашение наших подрывных, подстрекательских и «нарушающих интересы Венгрии» вредных идей «Непсава» считает долгом каждого социалиста (но не каждого социал-демократа).

Господин прокурор! Надеюсь, вы правильно понимаете свой долг! Та небольшая разница, заключающаяся

в том, что наша газета на первой полосе провозглашает идеи, которые «Непсава», дрожа и оглядываясь, нашептывает, чтобы никто о них не слышал, чтобы никто о них не ведал, не введет вас в заблуждение.

Тем, кто провозглашает идеи Маркса, кто хочет «насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя», место — в тюрьме!

Впрочем, примите мои искренние заверения в самых патриотических чувствах и т. д.

**«Вёрёш уйшаг», № 39,
23 марта 1919 г.**

**Обращение
к возвратившимся
на родину
пролетарским бойцам
русской Красной Армии**

Красные пролетарские бойцы-интернационалисты! Вы сражались и проливали кровь за освобождение международного пролетариата в заснеженных просторах Сибири, в уральских лесах, на волжских равнинах и в туркестанских степях. Оружие в ваши руки вложил революционный пролетариат первой в мире Советской республики, чтобы вы защищали революционные интересы угнетенных всего мира.

Победа, впервые добытая силой оружия красных пролетарских бойцов на многострадальной русской земле, придет и на землю Венгрии. Однако мы не можем останавливаться, добившись первого успеха, установив диктатуру пролетариата.

Вперед, к новым победам, к новым успехам, к освобождению пролетариата всего мира!

Красные бойцы-интернационалисты! Ваша задача, ваш долг идти впереди в этой победоносной борьбе. Вы были в авангарде революции уже в те дни, когда ее заря еще только занималась над Уралом. Ваше место в первых рядах пролетарской армии Советской Венгрии. Идите к нам — вас ждут пролетарские борцы революционного Интернационала! Идите к нам и записывайтесь в ряды первого будапештского интернационального полка. Никто не может уклониться от выполнения своего долга. Все вы нужны революции!

Те, кто научился решать задачу пролетарской революции в рядах русской Красной Армии, кто вместе с русскими, немецкими, чехословацкими, румынскими и сербскими братьями доказал свою готовность к революционным действиям в интернациональной Красной Армии Советской России, идите к нам и записывайтесь в первый интернациональный отряд красных воинов. Заявления принимаются ежедневно с 9 до 14 часов в Бу-

дайской крепости, в доме помер один по улице Ловарда.

Место каждого возвратившегося на родину красного бойца — в новой пролетарской армии.

Да здравствует революционная Красная Армия международного пролетариата!

Да здравствует мировая социальная революция!

Да здравствует мировая Советская республика!

С братским приветом,

Народный комиссариат по военным делам

Революционного правительственного совета

**«Вёрёш уйшаг, № 44,
1 апреля 1919 г.**

**Обращение
к русским солдатам
интернационального
батальона¹**

От имени международного пролетариата приветствую его авангард, ведущий ту борьбу, которая началась на востоке и продвигается на запад, за уничтожение капитализма и освобождение угнетенных всего мира.

Подобно тому как на земле революционной России, где русский рабочий сражался вместе с венгерским, сербским, румынским, чехословацким пролетарием, с той же пролетарской сознательностью идете и вы теперь на борьбу, которая ведется не за интересы той или иной нации, за освобождение пролетариев всего мира!

¹ Первый батальон первого интернационального полка прибыл в Будайскую крепость 30 марта 1919 года. Здесь с приветствием на русском языке к солдатам обратился заместитель народного комиссара по военным делам Тибор Самуэл.

Речь на массовом
митинге в г. Дьёре
20 апреля 1919 года

...На лицах буржуев нетрудно сегодня заметить зло-
радную улыбку: в праздник Христова воскресения они
пытаются отпраздновать и свое воскресение. Стоило в
одном районе венгерской буржуазии проявить свою сме-
лость и подлость, вступив в союз с румынскими импе-
риалистическими бандитами¹, стоило ей лишь чуть-чуть
поднять здесь голову, как надеждой воспылала буржуа-
зия всей страны. Мы хорошо знаем, что 21 марта в по-
литическом и экономическом отношении означало побе-
ду пролетариата, но не ликвидацию буржуазии как
класса. Невозможно обеспечить победу до тех пор, пока
не будет уничтожена даже надежда на реставрацию
старого режима. 21 марта буржуазия содрогнулась от
организованной силы рабочего класса, притаилась, но
не отказалась от борьбы и, мы хорошо знаем, не отка-
жется от нее. Сейчас, когда власть находится в наших
руках, мы должны вынудить ее к этому. Мы обязаны ис-
пользовать власть — рабочий класс должен полностью
подавить буржуазию, уничтожить в зародыше возмож-
ности того, чтобы буржуазия вновь надела на нашу шею
рабское ярмо, чтобы вновь вернулся частнособственни-
ческий режим.

Буржуазия, которая никогда не лила слез, посылая
миллионы людей на бойню, ни на минуту не задумы-
вается и сейчас, творя ужасные разрушения. Власть в
наших руках, и мы слоим сопротивление буржуазии.
Мы тоже не можем быть сентиментальными; буржуазия
не дожидется от нас расчувствованности, потому что
только сейчас наша жизнь начинает становиться

¹ Когда в результате наступления, начавшегося 16 апреля
1919 года, румынская королевская армия подошла к г. Сатмар-
нметти, городская буржуазия восстановила прежний режим и
тем самым отдала город румынам.

жизнью, потому что сейчас речь идет о наших кровных интересах, о благополучии пролетариата. Именно поэтому мы будем беспощадны, как беспощадна была буржуазия. Мы должны использовать нашу власть.

До сих пор пролетарий бедствовал, умножая богатства попов, банкиров и фабрикантов. Мы и сейчас будем бедствовать, если потребуется, но лишь ради того, чтобы не бедствовать в будущем. Но если вновь вернется господство капитала, если опять возвратятся капиталисты и их прихвостни, мы вновь окажемся в руках эксплуататоров. Тот, кто хочет, будь то буржуй или любой другой, чтобы вернулся старый режим, тот достоин расстрела. Подло поступает тот — и таких не должно быть в наших рядах, — кто хочет подорвать единство и силу пролетариата тем, что потакает контрреволюционерам. Мы должны очистить свои ряды от таких людей.

Речь идет не только о нас, о венгерском пролетариате, а о пролетариате всего мира. Самая непосредственная опасность угрожает нам с востока. Аптанте удалось принудить лишь румынских буржуа начать военный поход против Венгерской Советской республики в союзе с венгерской буржуазией... Только эти отбросы нашли смелость поднять оружие против нас. Но мы верим и надеемся, что венгерский пролетариат не заставит себя ждать с ответом. У организованного рабочего класса Венгрии есть сила и найдется решимость, чтобы дать достойный ответ этой своре.

Мы не приукрашиваем действительное положение и не собираемся умалчивать о том, что некоторая часть наших войск на фронте не соответствовала своему назначению, не выполнила своего пролетарского долга. Их необходимо заменить боевыми отрядами рабочего класса.

Венгерская Советская республика опирается на единство и силу организованного рабочего класса, и его долг — защитить завоевания революции. Пролетарию, у которого до сих пор не было родины, нечего терять. Но сегодня у него есть родина, ему есть что терять. Сейчас он может потерять весь мир. Взоры пролетариата всего мира обращены к нам, все симпатии его на нашей стороне, и с нашей победой он связывает свои надежды. Наша победа — это победа всего мирового пролетариата, наше поражение будет означать поражение всего мирового пролетариата.

Но мы не можем потерпеть поражение. Возможно, многие из нас погибнут, ведь борьба не бывает без жертв. Однако лучше понести потери, чем допустить, чтобы погиб великий идеал, чтобы весь мир продолжал стонать под гнетом эксплуататоров.

В этих трудных, тяжелых боях мы не одиноки. С нами — Красная Армия России. В Бессарабии и Восточной Галиции она начала всеобщее наступление. Румынские войска в панике бегут из Бессарабии. Да и в самой Румынии разгораются очаги революции. Естественно, что румынская буржуазия и капиталисты хотят и у себя в зародыше подавить парастающий революционный дух. Долг нашего рабочего класса — непреодолимой стеной встать на их пути, потому что речь идет не только о нас самих, но и о всем Интернационале.

Первое мая — день международной солидарности трудящихся, и вряд ли пайдется хоть один пролетарий, хоть один организованный рабочий, который не встал бы на защиту завоеваний революции. Раньше, когда началась война, по стране носили окровавленную саблю, теперь мы должны пронести по стране красное знамя, и каждый пролетарий должен встать под это знамя.

Одержанная венгерским пролетариатом победа не потребовала особых жертв. Однако сейчас мы должны быть готовыми пролить кровь. И мы готовы к этому. Кровь, пролитая за свободу, — это сталь: она укрепляет сердце, усиливает пролетарский кулак. Она сделает нас более могущественными.

У нас нет причин бояться контрреволюции, потому что в боях с ней возникнет и окрепнет пролетарская армия, как это было в России. Конечно, те ошибки, виновниками которых были люди старого режима, есть и в нашей армии, естественно, что и у нас есть непорядки, но их ликвидации будет способствовать и сама контрреволюция. Мы не должны допустить расшатывания наших рядов. Если рассыплются звенья цепи, то с нами легко расправятся. Но если мы теснее свяжем эти стальные звенья, то нас не одолеет никакая сила. Если мы проявим нетерпимость к нарушителям порядка, которые хотят посеять семена контрреволюции, если мы в тесном единстве выступим против своих врагов, то все их козни потерпят провал.

Международная обстановка во многом благоприят-

ствуем нам. В Париже до сих пор не могут договориться о мире; империалисты не способны заключить между собой мир, потому что в их собственных странах нет мира между буржуазией и пролетариатом.

Мировая война закончилась, но классовая война не прекратилась. Борьба империалистов завершилась, но классовая борьба стала еще более острой и ожесточенной. Пламя классовой борьбы вспыхнуло с новой силой, и оно уничтожит все капиталистическое общество. Это пламя вспыхнуло в России, и мы должны раздуть его дальше. Мы должны поддержать огонь революции, чтобы он перебросился во все страны Запада. Возможно, что в настоящий момент победу над нами одержат наши враги, но эта победа обойдется им так дорого, что они сами потом пожалеют об этом.

Тот, кто поднимает кулак на пролетариат, тот подписывает себе смертный приговор. Мы уничтожим буржуазию, мы уничтожим этот класс, если он осмелится подняться против нас, если захочет ликвидировать наши завоевания. Мы лишим буржуазию всех ее благ и похороним ее в руинах старого мира. Если погибать, пусть сначала погибнет буржуй, если проливать кровь, пусть сначала прольется буржуйская кровь. Кто станет на пути пролетариата, заплатит за это дорогой ценой.

На эту борьбу я призываю товарищей. Вы должны бороться на двух фронтах. Во-первых, необходимо обеспечить производственную деятельность, необходимо с еще большей энергией продолжать работу, чтобы снабжать нашу армию всем необходимым. Во-вторых, те, без кого может обойтись производство, должны взять в руки оружие и идти на фронт для защиты завоеваний пролетариата.

Я заканчиваю речь, ибо сейчас не до длинных речей. Надо идти в бой. Пролетарская революция либо погибнет, либо одержит верх над угнетателями. И ни на один момент не забывайте, что речь идет не только о нас, а и обо всем мировом пролетариате, об освобождении наших братьев во всем мире.

**Приказ № 1
председателя
чрезвычайных
трибуналов
прифронтовых районов**

Революционный правительственный совет уполномочил меня обеспечивать порядок и дисциплину как на фронте, так и в прифронтовых районах. Для выполнения полученного задания в моем распоряжении находятся все необходимые средства, и я буду пользоваться ими в случае необходимости.

Вместе с тем мне вряд ли придется прибегать к этим средствам по отношению к солдатам восточной армии, так как убежден, что каждый из них проникнут сознанием того, что пролетарская власть и вместе с ней все существование пролетариата, его будущее счастье подвергаются опасности. В интересах ликвидации этой опасности каждый солдат пролетарской Красной армии Венгрии должен быть готов к самым большим жертвам, если даже это потребует его крови и жизни. Солдаты Красной армии выполняют свой пролетарский долг только в том случае, если сознательная, революционная дисциплина сцементирует ряды и превратит их в непреодолимое препятствие для любых атак, для любых происков объединенной международной контрреволюции.

Я не обращаюсь ни с какой просьбой к классовым врагам пролетариата, к буржуазии, хотелось бы только предостеречь их: тот, кто поднимет руку на власть пролетариата, кто открыто или тайно будет раздувать контрреволюцию, способствовать ей или прикрывать контрреволюционные действия, кто не будет выполнять

всех распоряжений Революционного правительственного совета и главного командования Красной армии, тот сам подпишет себе смертный приговор. А привести этот приговор в исполнение — наша задача.

В интересах поддержания порядка, подавления всех контрреволюционных выступлений будут применяться любые средства.

г. Сольнок, 23 апреля 1919 г.

**Выдержка из протокола заседания. Материал архива Института истории партии.
А.11.14/14**

**Выступление
на заседании
Будапештского
Центрального Комитета
Совета рабочих и солдат
31 мая 1919 года**

Уважаемые товарищи! Вы, надеюсь, простите меня, если я буду очень краток. Я совершил небольшой семи-часовой полет и сейчас, откровенно говоря, еще не пришел в себя. Тем не менее я считал своим первейшим долгом засвидетельствовать своим личным появлением ту распространявшуюся басню, будто я вновь уехал без официального разрешения, прихватив миллионы и даже миллиарды. (Оживление в зале.) С другой стороны, я считаю необходимым опровергнуть слухи о том, будто наш бесстрашный и отличный пилот товарищ Добош переметнулся на сторону румын как белогвардеец. (Оживление). Все это, собственно говоря, не имеет особого значения по сравнению с теми впечатлениями, которые я привез из России. (Возгласы: Внимание! Внимание!)

Уважаемые товарищи! Повторяю, очень коротко могу сказать, что русский пролетариат, который вот уже полтора года ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, продолжает сражаться на фронтах протяженностью десять тысяч километров. (Оживление в зале.) Несомненно, что и наше положение с этой точки зрения не самое радужное; мы окружены врагами, но еще менее благоприятной является военная обстановка, в условиях которой русский пролетариат ведет отчаянную по своей решительности борьбу. Все действия Антанты, поддержка ею самых различных контрреволюционных сил с целью подобраться к сердцу русского пролетариата — Москве оказались напрасными, и сегодня русский пролетариат с гордостью оценивает те военные успехи, которых он добился как раз в последние дни. Многотысяч-

пая армия адмирала Колчака, который, как известно, ввел самую ужасную и беспощадную диктатуру на территории Сибири и Урала, армия, снабженная американским обмундированием, японскими винтовками и французскими пушками, бежит под напором красных войск русского пролетариата. (Одобрительные возгласы и бурные аплодисменты.) За прошедшую неделю красные войска русских продвинулись вперед почти на 200 километров, захватив в плен свыше 18 000 человек и большое количество трофеев.

Такое же положение сложилось и на старом, так называемом красновском фронте. Казачий генерал Краснов, бывший самым верным человеком Керенского и сформировавший из русских кадровых офицеров многочисленную армию, которую в свое время поддерживали и из Венгрии (хотя и окольными путями), помогал вливаться в эту армию возвращающимся на родину из Венгрии и Германии пленным русским офицерам. Здесь были полки, состоявшие из 4—5 тысяч царских офицеров, одним словом, из самых лучших и подготовленных военных кадров, и эта армия разгромлена и уничтожена. (Аплодисменты.) Сейчас этот фронт полностью стерт с русской карты (бурные аплодисменты), а сам генерал Краснов, потерявший армию, застрелился в Ростове. (Иропические возгласы: Мир праху его!)

Интервенционистские вылазки Франции на востоке и юге потерпели крах. Сейчас французы пытаются действовать с севера. Они натравили финские и эстонские белобанды на удушение революции в Петрограде, на то, чтобы погасить сам исток революционного пламени, важнейшим очагом которого в течение всего хода революции был Петроград. Испытывающие нужду и лишения рабочие Петрограда (вам, товарищи, трудно представить эти лишения, но, я думаю, будет достаточно, если скажу, что были такие месяцы, когда на одного человека в месяц выделялось 3 фунта хлеба) — и вот — эти рабочие нашли в себе силы, решимость, чтобы все, как один, уйти на фронт, отстоять Петроград, защитить революцию и отбросить от его стен финских и эстонских белобандитов. (Возгласы солидарности, аплодисменты.)

На Украине, товарищи, где Советская власть почти так же молода, как и наша Советская республика, военные успехи вооруженного пролетариата не менее значи-

тельны, но и там если не с интервентами, то с внутренними врагами пролетариату пришлось вести большие сражения. С помощью финансовой поддержки русской и французской буржуазии головорезы создали банды, которые под фальшивыми лозунгами собрали вокруг своего знамени различное отребье. Молодой Украинской Советской республике пришлось принести немало жертв и приложить огромные усилия, прежде чем удалось разгромить эти банды. Одним из предводителей таких банд был атаман Григорьев, располагавший армией в сто тысяч человек. И с этой стотысячной армией Украинская Советская республика расправилась за 12 дней. (Возгласы солидарности, аплодисменты.)

Но у украинского пролетариата, украинской Красной Армии хватило сил не только для того, чтобы покончить с этой мощной бандой, которая опустошала города, грабила и убивала людей — в отдельных городах они убили 4—5 тысяч человек, в том числе детей, женщин, — я сказал, что с этой бандой украинская Красная Армия покончила за 12 дней, в то же время у нее хватило сил и готовности оказать братскую помощь нам и начать наступление против румынских боярских войск. (Возгласы одобрения.)

Могу сообщить вам, товарищи, что украинская Красная Армия, переправившись через Днестр, овладела городом Будешти и находится сейчас в 13 километрах от Кишинева. (Бурные аплодисменты.) Одновременно с этим начались боевые операции и в Галиции, где румынские и польские империалисты, не ожидая начала русского наступления, нарушили международное право... Точно так же они растоптали эти нормы у нас в Венгрии, они не признают их и на Украине. Однако в связи со стремлением румынских и польских империалистов объединиться и пробить коридор между двумя советскими республиками, чтобы иметь возможность наступать на запад и восток, я с полным спокойствием могу сообщить вам, товарищи, что нами предприняты все меры, чтобы воспрепятствовать этому. Нанести сокрушительный удар по этим бандам готовы не только русские и украинские отряды Красной Армии, к этому готовы дисциплинированные и хорошо организованные отряды интернациональной Красной Армии, которые уже ведут успешные бои на фронте. (Возгласы одобре-

пия.) Вчера у меня была возможность беседовать с от-
правляющимися на фронт солдатами именно такого ин-
тернационального полка. Примерно 85—90 процентов
его бойцов составляют товарищи из Венгрии. (Возгласы
одобрения.) Полк состоит из венгров, румын, чехов, хор-
ватов и представителей других национальностей. Эти
товарищи просили меня передать привет венгерскому
пролетариату... (Возгласы одобрения.)

Находящийся в России авангард международного
пролетариата готов сражаться до последней капли кро-
ви, до последнего человека, чтобы плечом к плечу с
румынами, чехами и венграми добиться не только упро-
чения власти венгерского пролетариата, но и освобож-
дения всех эксплуатируемых во всем мире. (Продолжи-
тельные возгласы одобрения и аплодисменты.)

Я привез еще приветствие от товарища Ленипа.
(Продолжительная овация.) Полностью с текстом этого
приветствия вы, товарищи, сможете скоро ознакомиться.
Здесь же я коротко сообщу только, что, вполне естест-
венно, у товарища Ленипа нет иного желания, нет иной
просьбы, я бы сказал — нет иного требования, кроме
того, чтобы мы все до последнего человека, до последней
капли крови защищали революцию для освобождения
пролетариата. (Возгласы одобрения, аплодисменты.)
Нет отступлению, нет соглашательству, никакой капи-
туляции! (Шумное оживление, аплодисменты.) Кто
стал солдатом революции, тот должен до конца вести
революционную борьбу. (Возгласы: Верно! Верно!)

Я хочу поделиться с вами, товарищи, также некото-
рыми сугубо личными впечатлениями — падеюсь, вы
мне простите, что говорю песколько сумбурно. (Возгла-
сы: Внимание! Внимание!) Все, что я наблюдал в Рос-
сии, например парад войск всеобуча, состоявшийся в
воскресенье в Москве, в котором участвовало 30 тысяч
вооруженных рабочих, обучающихся военному делу, да-
лее, мероприятия в области организации хозяйственной
жизни и вообще в области организации производства и
потребления, если их сравнить с тем, что я наблюдал в
прошлом году, — все это укрепило во мне убеждение в
том, что только Советская власть, диктатура пролета-
риата — тот путь, который выведет народы из ужасного
международного политического и экономического хаоса.
Все это укрепило во мне также убежденность в том, что

русский пролетариат — а его мы считаем своим братом и союзником — не может быть сломлен и побежден никакими внутренними, никакими внешними враждебными силами. (Оживленные возгласы одобрения и аплодисменты.) И на русский пролетариат, который вот уже полтора года ведет борьбу и стойко переносит все страдания и лишения, в том числе в экономической области, мы можем рассчитывать не только с военной, но и с экономической точки зрения. (Возгласы одобрения.)

Русский пролетариат, за полтора года вынесший ужасные лишения, о которых многие товарищи даже не знают, готов нести эти лишения и дальше, потому что знает, что судьба революции решается не в рамках национальных границ, и убежден в том, что пламя революции должно охватить весь мир. (Возгласы: Верно! Верно!) Русская революция распространяется на запад, и русский пролетариат готов сделать все возможное, даже ценой больших жертв — я имею в виду не только людских, но и экономических, — чтобы оказать нам поддержку, чтобы укрепить власть пролетариата в Венгрии. (Возгласы одобрения.)

Мы должны заслужить эту руку помощи, эту революционную братскую поддержку, товарищи, и я убежден, что пролетариат Венгрии сможет заслужить ее во всех отношениях.

Да здравствует солидарность международного пролетариата! Да здравствует Российская Советская республика! (Возгласы одобрения, продолжительные аплодисменты.)

**Протокол заседания съезда
Советов 19 июня 1919 г. Ма-
териалы архива Института
истории партии А.11.14/30**

**Речь на Всевенгерском
съезде Советов**

Уважаемые товарищи! Когда венгерский пролетариат вступил на путь революции и установления диктатуры, каждый сознавал, что этот выбор означал борьбу — борьбу против всех внутренних и внешних врагов страны; каждый понимал, что самая важнейшая и святая обязанность и задача революционного пролетариата заключается в том, чтобы бороться, сражаться и победить всех угнетателей. (Возгласы: Правильно! Правильно!) Если бы мы захотели прекратить или временно приостановить эту борьбу, то это означало бы отказ от принципа борьбы; это означало бы, что мы сдаемся в борьбе, цель которой — освобождение угнетенных и эксплуатируемых всего мира. (Возгласы: Правильно! Бурные аплодисменты.)

Уважаемые товарищи! Отстаивая свою позицию по вопросу о диктатуре пролетариата, мы должны отдавать себе отчет и в том, что капиталистический мир не приведет к прекращению мировой войны. С мировой войной может покончить лишь гражданская война угнетенных против их угнетателей и эксплуататоров. Если сейчас мы обсуждаем вопрос о том, заключить ли мир с капиталистами Антанты¹, вернуть ли им без боя те территории, на которых венгерской пролетарской Красной армии удалось ликвидировать эксплуатацию, капиталистическое рабство; если мы будем размышлять о том, отдать ли эти территории обратно, чтобы там было восстановлено прежнее рабство, то я должен обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Уважаемые товарищи, было бы глубоким заблуждением полагать, что можно заключить мир с зарубежными капиталистами в тот момент, когда мы боремся против своих, внутренних капиталистов. (Возглас: Правильно! Аплодисменты.)

¹ Речь на съезде шла об ответе на циту Клемансо.

Я думаю, что в этом у нас не может быть расхождений, наша цель — уничтожение капитализма, беспощадное подавление буржуазии. Как можем мы осуществить эту задачу в рамках своей страны, уважаемые товарищи, идя на откуп к иностранным капиталистам?

Уважаемые товарищи! Вы, конечно, не сомневаетесь в том, что лозунг «Манифеста Коммунистической партии» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» еще не осуществлен в полной мере, но лозунг «Капиталисты всех стран, соединяйтесь!» осуществился в полной мере. (Возглас: Правильно!) Венгерские капиталисты всегда могут рассчитывать на поддержку капиталистов Антанты. Венгерские капиталисты, венгерские контрреволюционеры всегда найдут опору у тех зарубежных капиталистов, с которыми мы сейчас хотим заключить мир.

Но ведь, товарищи, речь идет вовсе не о мире! Пока речь идет об уплате по таким счетам, взамен которых Антанта вообще не дает нам никаких гарантий. (Возглас: Правильно!) В сущности, речь идет не о чем ином, как о таких же гнусных и подлых условиях, которые предъявили в свое время румынские империалисты правительству Венгерской Советской республики, только теперь их преподносят в более красивом, прилизанном или осторожном и более хитром облачении. (Возглас: Правильно!)

Ведь и тогда речь шла не о чем ином, как о том, чтобы мы сдали все оружие, все наши паровозы, вагоны, словом, разделись бы донага, чтобы легче и проще было разделиться с нами.

Сейчас нас хотят прикончить не такими зверскими методами, не такими средствами хотят задушить революцию в Венгрии, а красиво, ловко, прибегая к дипломатическим хитростям и даже заявляя об осуждении всяческого кровопролития. Это говорят те, кто посылал на бойню миллионы и миллионы людей, кто сделал несчастными миллионы и миллионы вдов и сирот. Прикрываясь лживыми фразами о напрасном кровопролитии, они требуют вывода войск победоносной венгерской пролетарской армии, чтобы потом предъявить нам все новые и новые требования.

Нельзя вести разговор о самом мире, когда не определены даже границы страны. Мы знаем, что речь идет об их произвольном определении на северном и восточ-

ном фронтах, и в это же время не видим никаких гарантий относительно того, с какой целью несколько дивизий Антанты остаются в настоящее время в районе города Сегеда. (Возгласы: Правильно! Правильно!)

Нельзя лишать войска венгерской пролетарской Красной армии наступательного духа, возвращая нашим эксплуататорам, капиталистам уже освобожденные территории, не имея гарантий относительно того, что с юга нам не угрожают новым рабством, новым угнетением.

У меня нет особых причин для беспокойства — зная боевой дух Красной армии венгерского пролетариата, нет оснований тревожиться относительно того, что в случае невыполнения требований Антанты нам будет угрожать чрезвычайно серьезная опасность.

Я очень хорошо знаю, что к подобным дипломатическим и военным хитростям Антанта уже прибегала в попытках воздействовать на Россию.

С помощью различных экспедиционных армий она пыталась установить барьеры перед русской пролетарской революцией на севере, востоке и юге России, стремилась подавить революционную борьбу российского рабочего класса и крестьянства. И всем вам хорошо известно, что ей это не удалось. Антанта потерпела полное поражение на юге, где до последнего времени, как известно, ее войска вели бои с украинскими пролетарскими войсками.

Нельзя забывать, товарищи, что пятилетняя империалистическая война вызвала в войсках Антанты, состоящих в основном из пролетариев, полную деморализацию, поскольку для них совершенно чужды цели этой войны. Армия Антанты все более разлагается, в то время как все быстрее и быстрее крепнут ряды Красной армии венгерского пролетариата. (Возглас: Правильно!) Антанта и примкнувшие к ней различные мелкие империалистические государства начинают разлагаться. Развивающаяся и крепнущая армия венгерского пролетариата в братском союзе с Красной Армией Советской России и Советской Украины уже имеют дело с разложившейся армией врага. (Горячие аплодисменты.)

Уважаемые товарищи! Принимая с большой радостью вести из капиталистических стран Запада о революционном движении рабочего класса, о забастовках

французских, английских и итальянских рабочих и даже об открытых уличных боях против империалистического грабительского мира, об их выступлениях против вмешательства Антанты во внутренние дела Советской России и Советской Венгрии, мы не должны забывать об одном очень важном моменте, о котором, к сожалению, здесь не было сказано ни одного слова, — о долге Венгерской Советской республики, о ее долге солидарности по отношению к Российской Советской республике. (Возглас: Верно! Бурные аплодисменты.)

Я не хочу распространяться, почему мы должны быть благодарны Российской Советской республике, не хочу многословно говорить, чем мы обязаны российскому пролетариату. Но одно несомненно: мы не должны прекращать борьбу до тех пор, пока российский пролетариат находится в опасности, пока Антанта не признает власть русского пролетариата, которую она, наоборот, стремится всеми имеющимися в ее распоряжении средствами задушить и утопить в крови. Поэтому мы не можем и думать о том, чтобы сдаваться или прекращать борьбу. (Голос: Это было бы предательством!)

Только в том случае, если нам будет совершенно ясно и точно известно, чего хочет Антанта и что она предлагает взамен, если мы точно будем знать, что предложения, в которые я вообще-то не верю, будут справедливыми для нас в такой же мере, как и для русского революционного пролетариата, только в том случае мы сможем заключить с Антантой какое-либо соглашение.

Мы, товарищи, не знаем не только о том, какими будут наши южные границы, но и не представляем, какие невероятные требования выдвинет Антанта в качестве условий мира, к какому шантажу она прибегнет. Ведь мы оставили без ответа ноту румынских империалистов главным образом потому, что, помимо разоружения и передачи материальных ценностей, они потребовали, чтобы мы на веру приняли условия мира, которые будут определены позже. Нота Антанты ничем не лучше — требуя вывода наших войск с уже освобожденных территорий, она, вполне естественно, ожидает и требует, чтобы мы приняли продиктованные ею условия мира. (Возглас: Верно!)

Если мы не отдали себя на съедение румынским боярам, румынским империалистам, то я должен сказать

вам, товарищи,— и это мое мнение совпадает с мнением каждого солдата Красной армии,— что мы не должны отдавать себя на милость империалистов Антанты. (Возгласы: Верно! Верно! Аплодисменты.)

Уважаемые товарищи! В «Манифесте Коммунистической партии» говорится, что пролетариату нечего терять, у него нельзя отнять то, чего у него нет. Но у победившего пролетариата, у освободившего себя пролетариата есть очень многое, что он может потерять. Победивший революционный пролетариат Венгрии уже потерял свои цепи. Если сейчас он не защитит себя, если отдаст себя на милость Антанты, то он потеряет не цепи, а весь мир! (Возгласы: Верно! Верно! Бурные аплодисменты.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
«Он будто на голову был выше нас...»	18
«Да сгинет пиццета!»	24
«А грозный вал обвинений все нарастает...»	33
«Страна святой Марии во власти попов»	39
«За правду мы готовы бороться всегда, с кем угодно и в любых обстоятельствах...»	45
«Театр военнопленного Яноша»	51
«...Два-три заседания ежедневно...»	54
Встань, мадьяр, зовет революция!	59
«Он будет говорить о коммунизме?»	68
«А если схватят и казнят...»	76
«Победа или смерть!»	84
«Надо лететь дальше, отдыхать некогда...»	94
«Нет оснований огорчаться...»	99
«Нет отступлению, нет соглашательства, никакой капитуляции!»	104
«В Шаванюкуте есть один товарищ...»	117
Послесловие	123
Воспоминания о Тиборе Самуэли	127
Статьи и речи Тибора Самуэли	145

А. Шлор

ТАК ЖИЛ ТИБОР САМУЭЛИ

ИБ № 7461

Художник В. В. Соловьев

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор О. Н. Черкасова

Корректор Г. Н. Иванова

Сдано в набор 22.05.80. Подписано в печать 21.10.80.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная попая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 10,92. + 0,73 печ. л. вклеек. Уч.-изд.
л. 9,93. Тираж 20 000 экз. Заказ № 960. Цена 40 коп.
Изд. № 79454

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Москва 119021, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано в Ленинградской типографии № 2
головном предприятии ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградской объединения «Техническая
книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли.
189052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский про-
спект, 29 с матриц ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени Первой
Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комите-
те СССР по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. Москва, М-54, Валуевская, 23